

СЕРИЯ «КОММАНДОС»

В.И. БОЯРСКИЙ

ПАРТИЗАНЫ И АРМИЯ

**ИСТОРИЯ УТЕРЯННЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ А. Е. ТАРАСА

МИНСК МОСКВА
ХАРВЕСТ АСТ
2001

УДК 947
ББК 63.3(2)622.13
Б 86

Серия основана в 1997 году

Боярский В.И.

Б 86 Партизанская война: История утерянных возможностей. /Под общ. ред. А.Е. Тараса/ Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. — 304 с. — (Коммандос).

ISBN 985-13-0333-X.

Автор книги, полковник российских органов госбезопасности, доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук и Международной академии информатизации, много лет занимается изучением проблем партизанской войны.

В центре его внимания — партизанские формирования войскового типа. За счет введения в научный оборот ранее не использованных архивных документов и материалов впервые в отечественной литературе дана объективная картина партизанской борьбы периода Великой Отечественной войны, представлен позитивный и негативный опыт партизанских действий.

Книга представляет значительную историческую, политическую и военно-практическую ценность.

УДК 947
ББК 63.3(2)622.13

ISBN 985-13-0333-X (Харвест)
ISBN 5-17-001932-7 (АСТ)

© В.И. Боярский, 2001
© А.Е. Тарас, составление
и редакция серии, 2001

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

(Вместо предисловия)

Партизанская война является неизменным компонентом подавляющего большинства войн и вооруженных конфликтов, однако она с поразительным постоянством ускользает из области научных исследований. Во всяком случае, в современной России она никак не вписана ни в военную доктрину, ни в законодательство.

Между тем партизанская война — обоюдоострое оружие. Она становится инструментом в руках сепаратистов, различного рода экстремистских организаций. Тот факт, что благородное понятие «партизан» легко превращается в презрительное прозвище «бандит», свидетельствует, что мы имеем дело с очень непростым явлением. И кому-то даже выгодно, чтобы оно по-прежнему оставалось за рамками и науки, и закона. Показательна в этом плане умышленно искаженная история партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны, с которой до сих пор не снят идеологический и пропагандистский флер.

Исправить существующее положение нас обязывает вероятность нападения внешнего врага, возможность развязывания не только ядерной, но и обычной войны, с участием в ней как армий воюющих стран, так и народов. К этому же призывает необходимость обеспечения внутривнутриполитической безопасности и стабильности государства путем антитеррористических и контрпартизанских действий. Поэтому историко-теоретическое осмысление проблем партизанской войны является достаточно актуальным.

В годы Великой Отечественной войны партизанское движение охватило большую часть занятой врагом тер-

ритории. Оно несомненно стало одним из важных условий победы. По разноречивым данным историков потери личного состава войск Германии и ее союзников от действий партизан составили до 10% их общих потерь. Нужно оговориться, что эти показатели никак не являются критерием эффективности партизанских действий, как некоторые ошибочно полагают, и приведены здесь лишь для представления общей картины.

В данной связи надо отметить постоянное внимание к вопросам теории и практики партизанской войны за рубежом. Оно нашло отражение в учебных материалах спецшкол, армейских уставах и наставлениях, в инструкциях для диверсионно-разведывательных формирований войск специального назначения. Планируя мероприятия оборонительного характера, командование многих армий напрямую связывает действия своих войск с партизанскими действиями, партизанской войной.

Считается, что партизанскую войну будут вести специально сформированные части и подразделения при поддержке всего населения. При этом следует отметить две особенности. Первая — стремление обеспечить тесное единство в партизанской борьбе армейских и иррегулярных (народных) формирований. Вторая — двуединный характер задач, решаемых партизанами. Это собственная диверсионно-разведывательная деятельность в тылу противника, а также борьба с его диверсионно-разведывательными подразделениями.

Для слабых или терпящих поражение государств партизанская война может иметь большее значение, чем действия их регулярных армий. Главная ее задача в таких случаях — организованная вооруженная борьба населения страны по изгнанию противника и освобождению своей территории. Подсчитан и вероятностный характер участия населения в партизанской войне. Прогнозируется, что через несколько лет оккупации 10% населения могут стать предателями (из них около 3% активными и 7% симпатизирующими противнику). Из 90% патриотов 20% войдут в движение Сопротивления и будут вести активную борьбу с противником. Около

70% займут пассивную выжидательную позицию. Иными словами, под мобилизационную и оборонную работу подводится теоретическая база.

Исторически сложилось так, что с момента появления регулярных армий в партизанской войне исконно существуют два начала, которые прослеживаются с древнейших времен до наших дней: партизанство организованное и стихийное, военное и крестьянское (1812 год), войсковое и повстанческо-революционное (гражданская война). Не составила в этом плане исключения Великая Отечественная война. В ходе ее в партизанскую борьбу и целенаправленно, и в силу вынужденных обстоятельств активно включались как армейские, так и войсковые специальные формирования. Между тем, эта сторона партизанской борьбы до сих пор не исследована и не осмыслена, что не могло не привести к односторонности оценки самого явления.

Один из отечественных специалистов в области теории партизанской войны В.Н. Андрианов (1925—1999), касаясь данной проблемы писал: «В начале войны многие наши военные специалисты не могли оказать помощи партийным организациям в развертывании партизанского движения, поскольку сами не были знакомы с основами организации и тактики партизанской борьбы. Некоторые наши части, попавшие в окружение, часто из-за отсутствия знаний тактики партизанской борьбы гибли или в массовом порядке попадали в плен. Только в Славутинском, Шепетовском и Проскуровском лагерях военнопленных погибли 255876 человек советских военнослужащих».

В другой работе он отмечает: «Богатый опыт использования частей и соединений регулярных войск в партизанской борьбе дала Великая Отечественная война. Причем она показала насколько важно заранее готовить некоторые формирования регулярных войск к использованию партизанских способов действий».

Позднее он же сказал: «Участие подразделений и частей регулярных войск в партизанской борьбе, как пока-

зывает исторический опыт, обусловливается либо их специальным назначением, либо теми условиями, в которых они вынуждены переходить к партизанским действиям». От себя добавим, что вынужденность перехода к партизанским действиям, т.е. условия, никак не должны отражаться на уровне специальной, профессиональной готовности к ним.

Суть идеи в том, что нельзя отрывать действия войсковых партизан от партизанской борьбы, развития и становления партизанского движения, ибо они органическая часть этого явления. Всякое игнорирование данного тезиса и преувеличение роли войск спецназначения при затяжном характере войны (как и преувеличение в партизанстве народного, стихийного его характера) может привести лишь к просчетам и неоправданным потерям в будущем. Нужно следить за этим процессом, участвовать в нем, предвосхищая события, возглавлять его, направляя в нужное русло. Только при этом можно рассчитывать на успех.

Специальные войсковые формирования, действующие партизанскими методами совместно с численно превышающими их местными партизанами, опирающиеся на всемерную помощь и поддержку народа — вот суть партизанской борьбы. В плане организации она предстает как планомерное развертывание партизанских формирований на базе войсковых спецподразделений и последовательное их преобразование в войсковые специальные подразделения. Именно в этом диалектика партизанской войны.

Заметим, что в мемуарной литературе опыт партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны освещается преимущественно на примере боевых операций крупных партизанских соединений, в действиях которых центральное место занимало решение задач боем. Такой подход наложил отпечаток на общее представление о партизанской борьбе, которая подается преимущественно в виде боевых действий общевойскового характера. Это не соответствует действительности.

Нельзя также сводить историю партизанской борьбы к действиям лишь специально созданных формирований. Стихийно же возникшие формирования, которых было намного больше, чем организованных, остаются в стороне. Реальной картины при таком подходе опять не получается.

Господство определенных идеологических установок в научно-исторической литературе советского периода вообще заставляет усомниться в достоверности той общей картины партизанской борьбы, которая представлена в ней. Это побудило автора критически переосмыслить материалы советской историографии.

Многовариантность истолкования того или иного явления объясняется не только различиями в социально-политических взглядах историков, но и уровнем теоретического осмысления самого явления. Считая теоретический уровень осмысления проблемы совершенно недостаточным, автор предпринял экскурс в область теории партизанской войны. Это позволило четко определить ряд базовых положений принципиального характера.

Исследователи партизанской войны ранее концентрировались в основном на позитивном опыте, что объективно не могло не вести к искажению общей картины и характера выявляемых закономерностей. Только с появлением в последние годы сборников ранее закрытых документов и материалов представилась возможность ввести в научный оборот не учитывавшуюся прежде информацию. Это позволило взглянуть на проблему более широко, а значит более достоверно представить общую картину. Она в ряде случаев ломает многие традиционные представления.

Так, в литературе советского периода хорошо заметна тенденция отчуждения партизан от армии и преувеличения роли народного, стихийного партизанства. Данная тенденция выразилась в том, что из двух взаимосвязанных начал партизанства — войскового и народного (стихийного), гипертрофированное значение получило народное в ущерб войсковому. Этим объясняется тот факт, что в исторической литературе практиче-

ски отсутствовали исследования о войсковых партизанских формированиях. Между тем они были важнейшей составной частью партизанства, без которой вообще нельзя вести речь о развертывании партизанского движения, равно как восстановить подлинную картину партизанской войны в 1941—44 годах.

В исторической литературе о Великой Отечественной войне нет сферы более обширной, чем литература о партизанах. Только библиография ее занимает многие десятки страниц. В то же время, как это не покажется странным, даже спустя 55 лет после войны нет фундаментальных исследований о партизанстве. Те, что есть, далеко не исчерпывают тему, а порой затушевывают ее суть из-за множества умолчаний и традиционного объяснения всех успехов руководящей и организующей ролью партии. Ошибки и недостатки партийного и военного руководства партизанской борьбой они не объясняют, либо просто списывают на счет войны.

Но дело не в том, что постановления партии и правительства времен войны подаются как судьбоносные. Настораживает другое — практически полное отсутствие критического анализа этих документов, их соответствия теоретической сути проблемы. В то же время при замалчивании этой стороны бесполезно говорить об объективности исторических изысканий.

Нельзя не видеть и то, что в историографии партизанской борьбы периода Великой Отечественной войны преобладал описательно-фактологический подход к изложению событий. Слабо разрабатывались вопросы теоретического обоснования выдвигаемых положений, принимавшихся решений, обобщения фактов в единстве их позитивных и негативных сторон.

В этой связи было бы неправильно отказывать в здравом смысле зарубежным историкам, занимающимся проблемами партизанской борьбы периода второй мировой войны — на том основании, что они якобы стремятся фальсифицировать историю советского партизанского движения. Между тем в трудах таких зарубежных авторов как Х. Ренч (ФРГ) — «Партизанская война. Опыт и

уроки», Р. Табер — «Теория и практика партизанской войны» (ФРГ), Р. Ашенауэр (ФРГ) — «Война без границ: партизанская борьба против Германии. 1939—1945», А. Кэмпбелл (Англия) — «Партизанская борьба: история и анализ», Е. Хессе (ФРГ) — «Советская партизанская война в зеркале немецких боевых донесений и приказов», коллективной монографии «Советские партизаны во второй мировой войне» (США) и других совершенно правильно указывается на определяющую роль войсковых формирований в организации партизанской борьбы.

Анализируя зарубежную литературу по проблемам партизанской войны, нельзя не отметить ее прагматизма. Так, одно из крупных коллективных исследований предприняли американский историк Армстронг и его коллеги по заказу ВВС США. Книга вышла в свет под названием «Советские партизаны во второй мировой войне». В специальном разделе «Война против партизан» они анализируют и обобщают опыт контрпартизанских действий гитлеровцев.

Об этом же писали англичане Ч. Диксон и О. Гейлбрунн в своем труде «Коммунистические партизанские действия», переведенным на русский язык еще в 1957 г.: «Наша собственная армия должна быть обучена методам борьбы с партизанами. Мы видим, как дорого заплатили немцы за то, что заблаговременно не создали организацию для борьбы с партизанами. Нам нет необходимости проходить через все это вновь. Что нам нужно, так это устав по ведению антипартизанской войны, а также соответствующая подготовка солдат и офицеров. Мы должны учиться на ошибках немцев и извлекать пользу из их опыта». Заметим, что такие уставы к настоящему времени разработаны и действуют во многих армиях мира, за исключением российской.

Характерно, что в том же 1957 г. группа прославленных командиров партизанских соединений и организаторов партизанской борьбы: А.Н. Асмолов, П.Е. Брайко, П.П. Вершигора, С.А. Ковпак, М.И. Наумов, А.Н. Сабуров, И.Г. Старинов, Т.А. Строкач, А.Ф. Федоров — обратились к Н.С. Хрущеву и Г.К. Жукову с запиской «О

значении партизанской борьбы в условиях современной войны, о мероприятиях по использованию наших возможностей по организации партизанской борьбы в тылу врага и о некоторых мерах защиты нашего тыла от вражеской диверсии».

Есть в ней такие строки: «Несмотря на то, что уроки минувшей войны говорят о необходимости тщательной, всесторонней и заблаговременной подготовки к развёртыванию партизанской борьбы, а также несмотря на то, что партизанское движение показало себя в войне как мощный оперативно-стратегический фактор, у нас в настоящее время почти ничего не делается для практической подготовки к широкому развёртыванию партизанской борьбы в тылу противника в случае развязывания им новой мировой войны. У нас не разрабатывается теория партизанской борьбы, не обобщается в должной мере ценнейший опыт партизанского движения во время Великой Отечественной войны. У нас нет ни наставлений, ни пособий по организации и тактике партизанской борьбы». Однако их призыв так и не был услышан.

На фоне впечатляющего развития военной техники, средств массового поражения, партизанские действия стали многим казаться полным анахронизмом. Однако горький опыт Афганистана и Чечни теперь уже буквально вынуждает командиров различных ступеней управления обращаться к теории партизанской борьбы. Назову, как первый подступ к этой проблеме, работу подготовленную в Институте военной истории «Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность» (1997). Надо также упомянуть переиздание в 1998 г. книги М.А. Дробова «Малая война: Партизанство и диверсии», вышедшей еще в 1931 г.

* * *

В годы Великой Отечественной войны был приобретен огромный боевой опыт, и в частности доказана важность взаимодействия партизанских сил с регулярными войсками на различных уровнях, от тактического до опе-

ративно-стратегического. Извлечение уроков партизанского движения минувшей войны — одна из первостепенных задач не только для научно-исторического познания, но и для практического использования.

Фактологической основой для данной книги послужили документальные материалы следующих архивов: Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского военного государственного архива (РВГА), ведомственных архивов Федеральной службы безопасности (ФСБ) и Федеральной пограничной службы (ФПС), а также фондов Центрального музея ФПС и МВД, труды военно-исторической тематики, записи бесед с ветеранами.

Использование большого количества документальных источников позволило автору рассмотреть сущность партизанской войны как социально-исторического явления, выявить присущие ей аспекты и противоречия, положительные и негативные аспекты руководства, организации, снабжения и другие вопросы.

На основе проведенного исследования автор с позиций историзма разработал концепцию использования партизанской борьбы в интересах защиты государства от внешнего врага.

ЧАСТЬ 1

ДИАЛЕКТИКА ПАРТИЗАНСТВА

Глава 1. От Дениса Давыдова до Михаила Дробова

В России в разные периоды интерес к партизанской войне то затухал, то возобновлялся, причем именно в те моменты, когда самые современные способы ведения военных действий оказывались несостоятельными или недостаточными. Именно тогда в партизанах видели неисчерпаемый резерв, своего рода оборонный отечественный генофонд.

Партизанство в годы Великой Отечественной войны по широте и действенности превзошло все аналоги прошлого. Для его обозначения используются термины «партизанское движение», «партизанская борьба», «партизанская война», «всенародная борьба в тылу врага», не совпадающие по своему содержанию.

Вот, например, какое определение партизанской войны давала «Военная энциклопедия» под редакцией В.Ф. Новицкого, А.В. Шварца и К.И. Величко еще в 1914 г.: «Партизанская война — представляет самостоятельные действия выделенных армией отрядов, прервавших с нею связь, хотя бы временно, и наносящих вред противнику преимущественно в тылу. Народная война, хотя бы и веденная в тылу неприятеля, отличается от партизанской войны, поскольку шайки восставшего народа привязаны к своим родным местам, ведут войну на свой страх и риск».

А в первом издании «Большой советской энциклопедии» (1936 год) под «партизанской войной» понимаются

действия отдельных самостоятельных отрядов и частей в тылу врага. В последующем этот термин встречается довольно редко.

Термину «партизанское движение» повезло больше. Во втором издании «Большой советской энциклопедии» (1955 год) его определяют как активную национально-освободительную борьбу широких народных масс на оккупированной иноземными захватчиками территории.

В данной связи указывается, что наиболее активной формой партизанского движения является вооруженная борьба партизанских групп, отрядов и соединений, опирающихся на всенародную поддержку. Партизаны определяются как лица, добровольно взявшие за оружие и ведущие боевые действия против иноземных захватчиков и внутренней контрреволюции.

«Партизанское движение» — это один из видов борьбы народных масс, утверждается в третьем издании «Большой советской энциклопедии» (1975 год). В этой борьбе вооруженное ядро трудящихся опирается на поддержку местного населения.

Подчеркивается, что партизанское движение проявляется в различных формах, в их числе вооруженная борьба, саботаж, диверсии, подрыв авторитета органов власти, пропаганда и агитация, направленные на разоблачение реакционных целей врага и мобилизацию народа на борьбу с ним. Главной формой партизанского движения является вооруженная борьба партизан и подпольщиков.

При этом к основным формам вооруженной борьбы энциклопедия относит внезапные нападения скоротечного характера (засады, налеты) и различные способы нанесения потерь противнику без боевого соприкосновения с ним.

Указанные определения еще не устоялись до сих пор.

Так, одни авторы утверждают, что партизанское движение — это одна из форм борьбы народа в тылу врага — та, которая включает в себя вооруженную борьбу организованных партизанских формирований. Другие в это понятие вкладывают все виды партизанской борьбы, в том числе срыв политических, экономических и воен-

ных мероприятий врага путем саботажа, забастовок и других форм невооруженной борьбы.

На наш взгляд, неправильно отождествлять партизанское движение с всенародной борьбой в тылу врага, так же как относить всех граждан, сочувствующих партизанам, к их числу. Это упрощенный подход к проблеме, в результате чего исчезает весьма важное обстоятельство: то, что понятие «партизанская борьба» не равнозначно понятию «партизанское движение». Последнее является более широким, охватывающим как борьбу партизан, так и тех, кто оказывает им поддержку и помощь.

Неоднозначен и смысл, вкладываемый в понятие «партизан». Так, «Советская военная энциклопедия» определяет его как участника народной войны, человека, добровольно взявшегося за оружие и ведущего боевые действия против вторгшегося иноземного захватчика или внутренней контрреволюции, но не входящего в состав регулярных вооруженных сил.

В противовес этому определению заметим, что в военной литературе XVIII — XIX вв. партизанами называли участников нескольких подвижных (обычно кавалерийских) отрядов (партий), выделявшихся регулярными войсками для действий в отрыве от главных сил на коммуникациях противника, по его тылам для расстройств его линий связи, снабжения и т.д.

В настоящее время «Словарь международного права (1982 год)» дает следующее определение:

«Партизаны — лица, добровольно сражающиеся в составе вооруженных организованных партизанских сил на территории, занятой противником (контролируемой реакционным режимом), за свободу и независимость своей родины. Партизаны являются комбатантами, если они удовлетворяют следующим условиям: имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; имеют отличительный знак; открыто носят оружие; соблюдают в боевых действиях нормы международного права, применяемые в период вооруженных конфликтов».

В «Военном энциклопедическом словаре» (1983 год) имеются статьи «Партизанское движение» и «Партизанское движение в годы Великой отечественной войны 1941—1945 гг.», но нет статьи «Партизанская война».

Приведенных примеров достаточно, чтобы понять важность точного определения базовых понятий. Поэтому, не претендуя на абсолютную точность дефиниций, уточним их содержание.

Партизанская война. Это одна из форм борьбы против иноземных захватчиков, составная часть войны, которая ведется на территории, контролируемой неприятелем, и способами, отличными от действий регулярных войск. В ней участвуют специальные части и подразделения регулярных войск, а также иррегулярные формирования. Партизанская война обычно строится на широкой поддержке народных масс.

Партизанское движение. Как социальное явление, оно включает в себя вооруженную борьбу собственно самих партизан, а также тех лиц, которые оказывают партизанам разнообразную помощь и поддержку, укрывают их от врагов, собирают для них информацию и т.д. Таким образом, речь идет о борьбе с оружием в руках и о борьбе невооруженным путем. Естественно, тот, кто помогает партизанам только невооруженным путем, не может считаться партизаном. Он всего лишь участник партизанского движения.

Партизанская борьба. Главной формой партизанского движения, его конкретным проявлением следует считать партизанскую борьбу. Она предполагает, в первую очередь, вооруженную борьбу специально организованных партизанских формирований. К ним впоследствии примыкают партизанские формирования, сложившиеся стихийно, но подконтрольные центру.

Партизанские действия. Партизанская борьба осуществляется в виде партизанских действий. Главными отличительными их особенностями являются: отсутствие постоянной линии соприкосновения с противником (сплошного фронта); скоротечность боевых действий; возможность решения поставленных задач без вступления

в боевое столкновение с противником (например, путем диверсий); сочетание рассредоточения, сосредоточения и перемещения сил.

* * *

Первым русским теоретиком партизанской войны по праву считается герой Отечественной войны 1812 г., гусарский офицер (впоследствии генерал-лейтенант) Денис Васильевич Давыдов (1781—1839). Его труд «Опыт теории партизанского действия», выпущенный в 1822 г. и многократно переиздававшийся, до сих пор не утратил своего значения.

Именно Д.В. Давыдов сформулировал концепцию партизанской войны. Проанализировав действия партизан в ряде войн XVIII и XIX веков, Давыдов возражал тем, кто, впадая в крайности, либо преувеличивал значение партизанской войны, либо сводил ее только к мелким налетам.

Он писал: «И то и другое ложно! Партизанская война состоит ни в весьма drobных, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, и сорванием пикетов, и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает все протяжение путей от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение его войсками, пропитанием и зарядами, чрез что, заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленной, голодную, безоруженную, лишенную спасательных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова».

В данной связи он отметил, что М.И. Кутузов включил партизанскую войну в стратегический план всей войны. Давыдов подчеркнул, что «партизанская война вступила в состав предначертаний общего действия армии».

Давыдов прозорливо утверждал, что «можно ли сомневаться в успехе при внезапном нападении на тыл неприятеля, обыкновенно слабо охраняемый? Каких последствий не будем мы свидетелями, когда ужас, посе-

янный на пути сообщения, разгласится в противной армии».

Основным способом воздействия на противника Д.В. Давыдов считал внезапные нападения на обозы и этапы противника подвижных, но достаточно сильных отрядов (до трех казачьих полков), которые способны нападать на вражеские транспорты, идущие под конвоем (охраной). В этих условиях большинство партизанских операций (поджоги, разрушение дорог и переправ) осуществлялись без вступления в открытые боевые действия с противником.

* * *

Спустя 37 лет генерал-майор Генерального штаба князь Н.С. Голицын (1809—1892) предпринял попытку переосмыслить «теорию партизанских действий» Д.В. Давыдова применительно к современным условиям. В 1859 г. увидел свет небольшой его труд (скорее статья) «О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности».

«Несомненно, — писал в ней Голицын, — что нам, русским, принадлежит честь первого употребления партизанских действий в таких обширных размерах в связи с действиями армии и наибольшего участия в них партизанских отрядов как по числу, так и по их количеству и, наконец, направления этих действий к прямой истинной цели — на сообщения неприятеля».

Есть три условия успеха действий всякой армии, пишет Голицын — это обеспечение и прикрытие фронта, тыла и флангов, а также коммуникаций собственной армии; приобретение сведений о неприятеле (расположение, передвижение, намерение, о крае, в котором он расположен, о жителях); действия на фронт, фланги и тыл, особенно коммуникации неприятеля.

Иными словами, на партизанские отряды, считал Голицын, следует возложить одновременно охрану флангов, тыла и коммуникаций своей армии; разведку неприятеля; диверсии в тылу противника на его коммуникациях (отметим, что совершенно аналогичные задачи в едином

комплексе выполняли советские пограничные войска на Карельском фронте в первую зиму Великой Отечественной войны).

«Куда бы вообще армии не перемещались, — пишет далее он, — партизанам следует пересекать сообщение неприятеля и сохранять постоянное сообщение со своей армией». Прикрывать, закрывать, скрывать, обеспечивать и успокаивать свою армию с фронта и напротив открывать, раскрывать, тревожить, утомлять с фронта же неприятельскую армию и разведывать и извещать о всем, что происходит».

«Наиболее условий успеха партизанские действия представляют, — по мнению Голицына, — в собственной земле, потому что главная опора их в сочувствии и содействии народа, без чего действия этого рода более или менее трудно исполнимы». В то же время Голицын отмечает, что есть примеры успешных партизанских действий и в наступательной войне на чужой земле (австрийцев в Силезии, пруссаков в Богемии, русских в 1814 году во Франции).

Партизанские действия, считал Голицын, требуют большого простора и территория России имеет в этом смысле преимущества перед другими государствами. «Это ее протяжение от севера к югу и особенно от запада к востоку, еще более многочисленные иррегулярные войска» (подразумевается казачество — В.Б.).

Для того, чтобы успешно проводить партизанские действия, подчеркивает автор, одного согласия мало, необходимо готовиться живым и печатным словом, а также делом. Далее он спрашивает: «Преподается у нас где-нибудь теория партизанской войны вообще и нашей русской в особенности, хоть в самых тесных размерах? К сожалению нет, а между тем необходимо практическое боевое образование партизан на войне». Увы, это был глас вопиющего в пустыне.

* * *

Спустя еще 26 лет полковник Ф.К. Гершельман, начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища

(впоследствии генерал-лейтенант Генерального штаба), также обратился к трудам Давыдова и Голицына. В 1885 г. появилось его исследование «Партизанская война». Объяснял он свое исследование тем, что за прошедший период многое изменилось. Возросла численность армии, появились железные дороги и телеграф, представляющие громадный интерес для партизан.

Гершельман отвергал утверждения Давыдова и Голицына о возможности приведения партизанских действий в систему. По его мнению, они применимы лишь в частных случаях, больше всего они соответствуют обстановке Отечественной войны 1812 года. Партизанские действия, подчеркивал Гершельман, очень чувствительны «к ближайшему окружению». Поэтому его интересовали условия партизанских действий и их влияние на возможность развития партизанской войны. Выводы Гершельмана не потеряли актуальность до сих пор.

В числе условий, определяющих возможность партизанских действий, Гершельман называет: длину операционной линии противника и степень благоустройства его тыла; характер войны (оборонительная или наступательная); настроение местного населения; относительное положение нашей армии и армии противника; способ снабжения армии; характер ТВД.

При этом Гершельман соглашается с предложенным Давыдовым разделением партизанских отрядов на три разряда, для действий в трех зонах: 1) «ближний тыл неприятельской армии»; 2) «от ближнего тыла до временного основания неприятельской армии»; 3) «от временного основания до главной базы неприятельской армии».

Число партий (партия здесь — группа людей, выделенных для какой-либо цели, отряд — В.Б.) первого разряда, преимущественно мелких, не ограничивается. Число партий второго разряда (100 верст на каждую партию) определяется глубиной и шириной тыла неприятельской армии. Таким образом, у него партизанские отряды получают свои зоны ответственности.

Гершельман выделил два вида партизанских действий. Первый вид, когда партизанские отряды продолжительное время или постоянно находятся в тылу противника, исполняя «набеги» (рейды) или осуществляя «поиски» (кратковременные боевые действия либо диверсионные акции — В.Б.). Второй вид, когда партизаны базируются в своей армии и выходят во вражеский тыл на непродолжительное время.

Оба вида, считал он, обуславливаются тремя главными положениями: длиной операционной линии противника, степенью ее обеспечения, настроением местного населения. Последнее неоднократно подчеркивается. Например, линия длинная, тыл глубокий, местное население расположено к партизанам. В этом случае партии могут «гнездиться» во вражеском тылу. Им не обязательно быть многочисленными. При условиях противоположных, партиям следует проходить по тылу противника безостановочно. Они должны быть крупными и сильными.

В первом случае для получения результата необходимо значительное время. Партизанские действия будут целесообразны в том случае, если есть время для их подготовки. Мелкие партии хороши для развития партизанской войны, их должно быть много. Каждая партия должна иметь свой район (объект), иначе наблюдается их «бесполезное сосредоточение». Не обязательно эти районы закреплять раз и навсегда, пишет Гершельман. Все зависит от важности района, характера деятельности противника и других обстоятельств.

Всякий раз командование должно особо решать вопрос о том, в какой из трех зон наиболее целесообразно в данный момент действовать партизанам (в ближнем, среднем или глубоком тылу противника).

Особо рассматривается отношение к партизанам местного населения. Сочувствие его составляет одну из существенных опор партизан. Выделяются и формы участия населения: активная и косвенная. При этом учитываются: плотность проживания населения; степень его возбуждения против неприятеля; возможность доставки населению необходимого оружия.

По отношению к местному населению партизаны могут получить две самостоятельные задачи: поднять население на народную войну или же подавить поднятое им вооруженное восстание. Подняв население на народную войну, необходимо связать ее с главными операциями армии.

В свою очередь, расположенность местного населения к партизанам благоприятствует развитию партизанских действий, повышает их результативность. Но при этом они (действия) должны быть непрерывными.

Гершельман четко определяет подчиненность действий партизан деятельности армии. Вся «инициатива» партизанской войны должна находиться в руках главнокомандующего. «Ввиду многосложности занятий главнокомандующего и начальника штаба и необходимости его личного участия в деле партизанской войны, в оценке всех полученных сведений весьма полезно иметь генерала, который заведывал бы всеми делами партизанской войны, имея непосредственный доклад у главнокомандующего. Все партизанские отряды могут быть ему подчинены». На должность последнего Гершельман предлагает назначать командира корпуса, предназначенного для партизанских действий.

Среди условий успешной партизанской войны Гершельман выделил: зависимость армии противника от тыла; длинную операционную линию противника; слабое устройство и обеспечение операционной линии; короткий базис; расположение (благожелательное отношение) местного населения к партизанам; простор в тылу и на флангах неприятельской армии; закрытую, но не пересеченную местность, не затрудняющую быстрое передвижение; оборонительный образ действия своей армии; наличие талантливых, энергичных и опытных начальников, «преданных буйному партизанскому делу».

Гершельман проводит разделение между малой войной и партизанскими действиями. «Малая война имеет с главными операциями только тактическую связь, — считает он, — тогда как партизанские действия имеют с

главными операциями связь стратегическую. Партизанские действия имеют чисто стратегическое значение».

Напомним, что у Д.В. Давыдова партизанские действия независимы от главных операций армии (в смысле полной самостоятельности начальника партии), но могут быть подчинены интересам главных операций. Именно об этом идет речь, когда говорится «о связи стратегической».

Считая партизанскую войну вспомогательным средством, Гершельман пишет о необходимости рационально пользоваться ею, т.к. в определенных случаях, не принося существенной пользы, она ведет к излишнему расходованию сил и средств, а иногда и к худшим последствиям.

Партизанская война, по мнению Гершельмана, может дать результат «при непременном условии постоянного и строгого согласования партизанских операций с главными, при полной гармонии тех и других». Иногда она может выступать даже как самостоятельное средство для того, чтобы «остановить на время известное развитие главных операций противника, парализовать, разрушить их, заставить противника хотя бы временно, но отступить».

* * *

В последующие годы предпринимались попытки развить положения, высказанные Гершельманом, и от теоретических исследований перейти к выработке практических рекомендаций и руководств по партизанским действиям.

Наиболее известное в этом плане исследование предпринял генерал от инфантерии В.Н. Клембовский (1860—1921). В 1916 г. он был помощником начальника штаба главковерха, в 1917 г. — главнокомандующим армиями Северного фронта. С 1918 г. служил в РККА. В 1920 г. был членом Особого совещания при Главкоме Вооруженных Сил Республики Советов. Репрессирован и расстрелян в 1921 году.

Работа В.Н. Клембовского «Партизанские действия. Опыт руководства», была впервые издана еще в 1894 г., а в 1919 г. вышел в свет ее дополненный вариант.

Нетрудно заметить, что все вышеназванные авторы рассматривали партизан как специальные армейские формирования, опирающиеся на местное население лишь по мере необходимости. Аналогичных взглядов придерживался и Клембовский. Он утверждал, что народная война не подчиняется никаким правилам и ведется (в отличие от партизанской войны) на свой страх и риск без всякой связи с действиями армии, что народная война и партизанская война могут существовать рядом, но никогда не сливаются.

Клембовский более четко, чем его предшественники, сформулировал и обосновал две формы партизанских действий: набеги и поиски. Первая сводится к тому, что партизанский отряд отделяется от армии в нужное время, уходит в тыл противника, и возвращается в армию по истечении короткого срока. Вторая — когда партизанский отряд подолгу «гнездится» в тылу неприятеля на его путях сообщения, не давая возможности восстановить спокойствие и порядок в тылу.

Если население не сочувствует армии, нужны набеги (рейды). Если же население сочувствует (укрывает, доставляет продовольствие, передает сведения о противнике, вводит последнего в заблуждение) — нужны поиски.

Для организации поисков, — писал Клембовский, — необходимо сформировать столько партизанских отрядов, чтобы охватить весь тыл и фланги противника. Партии следует высылать на поиски, как только враг перейдет границу и вторгнется в наши пределы. Каждой партии или группе партий должен быть определен участок действий.

Они должны объединяться общим руководством, находиться в подчинении особого начальника, посвященного в план общей кампании, который бы согласовывал их работу с действиями армии.

Кроме формирований, выделенных для поисков, необходимо выделить особого подвижного резерва (несколь-

ко тысяч человек), находящегося в тылу врага, «только при этом начальник партизан может быть хозяином и распорядителем действий в тылу неприятеля». Интересно, что эти положения (что свидетельствует об их жизненности) в тех или иных формах были реализованы в партизанской практике периода Великой Отечественной войны.

Перед партизанами, — писал Клембовский, — могут быть поставлены следующие задачи: получить точные данные о противнике; замедлить движение противника; оттянуть его от важного пункта; поддержать связь между своими отдельно расположенными частями (если неприятель разъединил наши войска); помешать тем же стремлениям неприятеля; поднять и поддержать восстание населения в крае, занятом противником (либо подавить восстание в тылу и на флангах своей армии).

Особо, считал Клембовский, должна идти речь о знакомстве партизан с устройством тыла армии неприятеля. Речь идет равно как о знании структуры тыла противника, так и о наличии в его тылу важных коммуникаций, объектов и пр. При этом в качестве девиза он приводит высказывание Дениса Давыдова: «Наглость (для партизан — В.Б.) полезнее нерешительности, называемой трусами благородием. Но не довольно того, чтобы как-нибудь нападать и как-нибудь спастись: долг начальника рассчитывать свое предприятие таким образом, чтобы выигрыш в случае успеха превышал потерю в случае неудачи».*

В сжатом виде теоретические посылки В.Н. Клембовского можно сформулировать таким образом:

---

* Все эти высказывания приводят к мысли, что как и другие военные действия, партизанские тоже требуют планирования и расчета. К сожалению, до настоящего времени у нас нет исследований о цене, выраженной в человеческих жизнях (местных жителей и партизан), потерях вооружения и техники, которую пришлось заплатить в том или ином случае. Единственным критерием до сих пор выступала освобожденная (занятая) территория (площадь), населенный пункт. Нет исследований и о результативности партизанских действий, необходимость которых очевидна.

Партизанские действия, широко развитые и согласованные с операциями армии, очень опасны для неприятеля и по своей результативности составляют в руках командующего мощное вспомогательное средство для достижения конечной цели каждой операции.

К условиям, благоприятствующим развитию партизанских действий, относятся следующие:

- предварительная подготовка их в мирное время;
- способность партизан действовать в пешем порядке;
- сочувствие и содействие местного населения;
- растянутые тыловые пути противника, мало обеспеченные войсками;
- действия партизан в пределах знакомого края;
- закрытый характер театра войны;
- наличие во главе партизанских партий талантливых начальников-офицеров.

Очень многое в успехе действий каждого отряда Клембовский связывал с выбором его командира. «От него требуются такие качества, совмещение которых в одном лице встречаются редко, — писал он. — В частности, врожденная страсть к опасным предприятиям и храбрость, соединенная с разумной осторожностью. Он должен быть предприимчивым, хладнокровным, способным найтись в трудных ситуациях, уметь внушить подчиненным любовь и доверие и поддерживать самую строгую дисциплину. Его должны отличать крепкое здоровье и неутомимость.

Начальник партии (командир отряда) обязательно должен быть основательно знаком с теорией партизанской войны, со способами действий неприятельских войск, с порядком устройства и охранения его тыла. Желательно ему знать и язык противника. Начальника партии нельзя назначать «как по очереди, так и по старшинству против его воли. Нельзя назначать и по одному его желанию, если он не подходит по умственным и душевным качествам».

Что касается рядовых партизан, то от них требуются любовь к родине, жажда предприятий, сопряженных

с опасностью для жизни, сметка, находчивость, вера в успех.

В своей работе В.Н. Клембовский дал также оценку партизанским действиям на русско-германском фронте в период 1914—1917 гг. В частности, он писал: «Несмотря на то, что театром войны служила наша территория, население сочувствовало нам, Западный и Юго-Западный фронты были расположены в лесисто-болотистой местности, где партизанам было легко укрыться, партизанской войны не было.

В мирное время военное министерство не подумало об ее заблаговременной подготовке, а импровизация ее во время военных действий, опять же не по мысли Ставки, а по предложениям отдельных лиц, не могла дать плодотворных результатов. В течение всей войны был всего лишь один поучительный пример — набег на Невель в ночь с 14 на 15 ноября 1915 г.»

Командование русской армии считало, что при тогдашних условиях позиционной войны чисто партизанские действия просто невозможны. Было дано распоряжение отправить уже созданные партизанские отряды по своим частям. «Не успев распуститься, партизанская война завяла, несмотря на многочисленные ходатайства».

Впрочем, дело скорее всего не только в пассивности Ставки, ибо добровольцев-патриотов хватало. Сказывалась предреволюционная ситуация в стране, непопулярность войны в народе и ряд других факторов, влияние которых на формы и способы партизанских действий трудно переоценить. И тут, надо полагать, опасения специалистов не были беспочвенными. Это к вопросу о том, когда следует разворачивать партизанскую борьбу, а когда полезнее от нее воздержаться.

* * *

После гражданской войны теория партизанских действий получила дальнейшее развитие с учетом опыта «красного и белого партизанства», анализа зарубежных теоретических разработок. В этом плане представляет

интерес очерк П.А. Каратыгина «Партизанство. Начальный опыт тактического исследования», изданный в Харькове в 1924 г.

В последующем комбриг Каратыгин, заместитель начальника разведотдела Украинского военного округа, продолжил работу в избранном направлении. Он создал несколько практических руководств по партизанской войне. К сожалению, все они были изъяты из библиотек и уничтожены после того, как в конце 30-х годов П.А. Каратыгина репрессировали.

Отметив, что разработками инструкций о партизанских действиях активно занимаются французы и поляки, комбриг делает вывод, что в век механизации армии перед партизанскими действиями открываются новые горизонты, а это вызывает к жизни новую тактику. «Это будет тактика, построенная на определенных моментах, вполне приемлемая и для регулярных войск».

Каратыгин дал своеобразную трактовку в определении партизанства. «Политика царского правительства, — писал он, — всегда была такова, что русской армии обычно приходилось считаться с партизанством, как с орудием своих врагов, как с приемом борьбы народов, восставших против российского режима (поляки, кавказцы, туркестанцы); в таких условиях, естественно, больше приходилось интересоваться мерами борьбы с партизанством. Вот почему вопрос о партизанстве не имел под собой почвы, в военной литературе являлся как бы случайным и не подвергался всестороннему изучению».

Сближая понятия малой войны и партизанства, Каратыгин понимал под ними действия «вооруженных групп местного населения или выделенных из состава армии соответствующих войсковых частей, поставивших себе целью (или получивших задачу) — истребление противника путем нападения в моменты наименьшей способности его к сопротивлению, не связывая себя в остальных случаях постоянным вооруженным соприкосновением с врагом.

Для сравнения приведем формулировку понятия партизанской борьбы из советского «Словаря основных во-

енных терминов». Это «боевые действия вооруженных групп, отрядов и целых соединений добровольцев из местного населения или из состава вооруженных сил, которые ведутся в тылу врага методом внезапных ударов по отдельным гарнизонам или колоннамдвигающихся войск противника, ударов по центрам управления (штабам) и различным объектам противника, отдельных диверсий с целью дезорганизации тыла, нанесения потерь противнику в живой силе и боевой технике и нарушения нормальной работы его коммуникаций».

Нетрудно заметить, насколько конкретнее формулировка Каратыгина по сравнению с определением словаря. Там за перечислением задач забыли главное: что партизанство не связывает себя постоянным вооруженным соприкосновением с врагом. Казалось бы, это очевидно. Но именно этого очевидного не видели очень многие организаторы партизанской борьбы периода 1941—45 гг. И как результат — были громадные жертвы среди партизан.

Партизанство Каратыгин не противопоставлял регулярной армии и в то же время не связывал только с армией, как источником его организации, питания и боевых действий, что делал Клембовский. У Каратыгина оно предстает в виде органического единства двух начал — народного и армейского.

Рассматривая возникновение партизанства в такие моменты, когда народ («нация» или «группы угнетенных классов»), начинает борьбу собственными силами (так как армии нет, или она не способна самостоятельно обеспечить интересы страны, или с развалом армии «старого порядка» на сцену вышли новые силы), Каратыгин заключает, что партизанские формы действия настолько разнообразны, насколько разнообразна складывающаяся обстановка борьбы.

Главным моментом, характеризующим тактику партизан и содержащим в себе признак «партизанства» как для отрядов, выделенных из состава армии, так и сформированных другим путем, является отсутствие постоянного вооруженного соприкосновения с противником.

Партизанство есть основная возможность и главное средство слабейшей стороны вести самостоятельную борьбу. Партизанство самобытно и не обуславливается наличием своей армии. Партизанские отряды, выделенные из состава армии, только частный тип. Главная масса партизан всегда выходит из среды народа, в момент наибольшей опасности стране от тех или иных враждебных посягательств и обусловлено это именно отсутствием армии.

Исключительное значение, считал Каратыгин, имеет возможность введения в партизанские действия планомерного начала. «Максимум полезной работы партизан и степень их влияния на ход операций своей армии обуславливается наличием оперативной связи с последней и планомерностью этих действий». В этих условиях партизанские отряды, писал он, можно сравнить со снарядами сверхдальнего действия: поражения от них будут носить случайный характер, если исключена возможность точного направления в цель. Неизменными атрибутами успеха партизанства, по мысли Каратыгина, является наличие организованного руководства партизанской силой и совместная работа партизан с армией.

Именно такие факторы, как отсутствие четкого оперативного плана, неспособность ввести действия в русло планомерных операций, сведение боев к простому «сокращению» живых сил противника без закрепления и развития достигнутых в бою результатов стали причинами неудач партизанской армии Махно, которого Каратыгин считал типичным партизанским вождем.

Партизанство само по себе редко может дать конечный положительный результат. Таковой результат достигается действиями, согласованными со своей регулярной армией, или вводом в действие партизан планомерного общего руководства, т.е. приближением партизанства к понятию регулярной силы, но не по внешним формам, а по внутренним признакам последней.

К сожалению, эти и многие другие выводы П.А. Каратыгина, сделанные еще в 1924 году, организаторы и руководители партизанской борьбы в годы Великой Оте-

чественной войны не учли. К ним пришли заново путем многократных проб и ошибок, заплатив за приобретенный опыт весьма дорогой ценой.

«Борьба с тылом (неприятеля — В.Б.) — дело партизан, независимо от их типа», — подчеркивает П. Каратыгин и далее продолжает: «не надо удивляться, если в будущем цели операций будут определяться по рубежам тыла и это будет вполне естественным, когда чрезмерное развитие техники придает войне характер состязания тылов через посредство армий фронтов». Пожалуй, уже за одну эту мысль Каратыгину следовало бы поставить памятник.

«Партизаны, как разрушители тыла, займут свое должное место в будущих войнах, — писал П. Каратыгин. — Борьба эта должна принять организованный характер и иметь полную связь с операциями армии. Партизаны, как самостоятельно действующая сила, являются вспомогательным средством борьбы; партизанство же, планомерно организованное, особенно при наличии армии, является уже могучей силой, является частью той же армии, действующей на наивыгоднейших направлениях».

Полемизируя со своими оппонентами, П. Каратыгин горячо отстаивал идею о том, что впереди «за партизанством более свободные и широкие горизонты. «Старое» партизанство может оказаться «новым» приемом. «Мы здесь говорим о возможности перехода внешних форм и идейных моментов партизанства в нормальную тактику регулярных войск. Оно воспримется в своей идее — разрушения стройных боевых систем противника, вводом новых форм борьбы, созданием обстановки неожиданностей и случайностей, — условий, непривычных и опасных для механизированных войск противника».

Эти и многие другие положения П. Каратыгина не утратили своей актуальности до сих пор.

* * *

С полным основанием научным трудом, посвященным проблемам партизанства, можно считать работу

М.А. Дробова (до войны один из ответственных работников Главного разведывательного управления РККА), «Малая война. Партизанство и диверсии», увидевшую свет в 1931 г. В его работе дан подробный анализ форм и методов малой войны — партизанства и диверсий. Это не только первая попытка систематизированного изложения проблемы, но и стремление вывести свою теорию малой войны.

До первой мировой войны под малой войной, пишет М.А. Дробов, понимали действия малых отрядов, оторванных от армии (совершающих нападения на фланги и тыл неприятеля, набеги, отбитие транспорта и пр.), призванных тревожить и теснить врага, принуждать к выделению главных сил и т.д. Малая война ведется силами организованной армии, выделяющей малые отряды или части из состава регулярных войск. При этом в партизанских действиях народ может и не участвовать. Руководство осуществляют военные инстанции.

Малая война состоит из партизанских действий, рейдов, набегов, засад и разрушений, проводящихся солдатами, «вольными стрелками» или с привлечением гражданских лиц, но действующих «по военным обычаям». Между малой войной и партизанской войной существенную разницу видели в том, что партизаны действовали самостоятельно, а в малой войне связь между главными силами армии и армейскими партиями не прерывалась.

Лишь Каратыгин, преодолев такое разделение, признал право на партизанство также и «вооруженных групп местного населения», и утверждал, что партизанские отряды из состава армии не более, чем частный тип партизанства. У него важно то, что партизанство не противопоставляется армии и не связывается только с армией. М.А. Дробов тоже разделял эту концепцию.

Применяя к малой войне термин «импровизация», принятый немцами, М.А. Дробов определил ее как «импровизированные активные действия небольших (сравнительно с регулярной армией) отрядов», организованных населением, армией, правительством или политической партией по особому для каждого случая (района) типу

для нанесения противнику непосредственного материального или иного ущерба всюду, где это возможно, и всеми доступными им средствами.

В малую войну, по Дробову, входят: а) операции партизанского типа, организованные армией во время войны; б) повстанческие действия, не связанные с войной; в) различные индивидуальные и групповые активные действия (террор, саботаж, диверсии), практикующиеся как в период войны, так и в мирное время, ей предшествующее, для ослабления военной мощи врага.

В период гражданской войны малая война вылилась в партизанство. Точнее, партизанство поглотило малую войну, выразившись в двух видах: партизанстве-повстанчестве и партизанстве войскового типа. На практике они переплетались и сливались, образуя единый фронт как на стороне красных, так и на стороне белых. Основным видом партизанства, писал Дробов, в будущей войне нужно признать партизанство повстанческого типа, так как оно покрывает собой партизанство войскового типа.

По отдельным периодам партизанской войны можно представить общую характеристику ее формирования. Первый период М. Дробов называет «индивидуально-террористическим». Второй — «массовым, дерзко-нападательным, налетно-набеговым» с внесением общего плана и постоянства, регулярности операций, когда намечается переход от самообороны к наступлению. В третьем периоде партизанство протекает в обстановке легальности за счет государства, сливаясь с армейскими действиями, но в основном сохраняя общий с повстанчеством характер операций. Его методы, задачи и формы, скрытность работы (в условиях подполья, в тылу противника) почти одинаковы, меняются лишь боевые средства.

Малая война явление непреходящее, писал М.А. Дробов. За ней следует признать большую и ответственную роль в современной вооруженной борьбе. Важна трансформация партизанства войскового типа, использующего в полной мере современную технику армии и флота, расширяющего свои задачи требованиями социально-по-

литического порядка, необходимостью организации своих ячеек не только в тылу противника, но и в своем тылу на случай возможного оставления этих районов своими войсками.

Не менее необходимо для партизанства полное слияние идейного и материального, слияние с народными массами. Это все создает прочный фундамент боевого энтузиазма, питания, укомплектования и пр. Особо следует уделять внимание культивированию партизанства в народе с целью заблаговременной подготовки к войне.

Абсолютно верно заключение Дробова о том, что партизанство вырастает в процессе углубления борьбы, оно зреет, а не является пришедшим извне. Такое понимание партизанской борьбы обуславливает и задачи партизанства. Это его положение является ключом к пониманию многих неудач при попытке «экспорта» партизанства в иные страны для совершения переворотов.

Основными формами малой войны являются партизанство и диверсии, писал Дробов. Причем это звенья одной цепи, узловые моменты в развитии форм малой войны. Диверсии переходят в повстанчество, и наоборот, партизанство войскового типа взаимосвязано с повстанчеством и диверсиями. Повстанчество вырастает из отдельных актов до массового вооруженного восстания и затем до организации и операций армии, или же оно переходит в собственное отрицание.

Анализируя природу будущих вооруженных столкновений, характер будущих театров войны, Дробов сделал вывод о возможности применения противником партизанства войскового типа в тылу нашей армии, а также о вероятности применения партизанства нами во все периоды будущей войны.

Вот почему «генеральные штабы армий еще в мирное время для обеспечения себя от действий вероятных врагов и нанесения им ударов в целях их большего истощения помимо общей подготовки своих вооруженных сил к войне: намечают районы действий партизан по полосам (в тылу у противника, на самом театре боевых действий — в приграничной полосе и в тылу у себя) с точной

разработкой плана действий в каждом районе по периодам; насаждают там сеть партизанских ячеек со всеми необходимыми для будущей боевой работы органами, обеспечив материальную базу; намечают кадры партизан и распределяют их согласно плана; ведут подготовку намеченного кадра партизан в политическом, организационном и тактически-боевом отношениях».

Именно такая работа и проводилась в СССР во второй половине двадцатых, первой половине тридцатых годов.

Глава 2. Не месть, а военные действия в тылу врага

Парадоксально, но факт: в июле—августе 1941 года организаторы партизанской борьбы обратились не к разработкам Гершельмана и Клембовского, Дробова и Каратыгина, а к примитивным инструкциям 1918—1919 годов для революционных партизан-повстанцев.

Почему так произошло? Потому, что труды репрессированных авторов почти полностью были уничтожены, лишь ограниченное число экземпляров легло на полки сейфов спецхрана. Потому, что дореволюционная военная наука полностью отвергалась. И еще потому, что призывы к подготовке партизанской войны в официальных кругах расценивались со второй половины 30-х годов как проявление пораженчества и жестко пресекались.

Большевики, решая военные проблемы в канун революции, подчеркивали, что в России, наряду с борьбой трудящихся против правящего режима, получила развитие борьба между двумя частями народа, вставшими по разные стороны баррикад. Считалось естественным и неизбежным, что революционное восстание примет форму продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны. Такую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных сравнительно большими

промежутками времени, крупных сражений вместе с массой мелких стычек в течение этих промежутков.

Иными словами, боевые действия оценивались с точки зрения их продолжительности, пространственного размаха и форм вооруженной борьбы. Под крупным сражением имелось в виду всеобщее вооруженное восстание, то есть открытое сражение революционных сил с правительственными войсками. Под массой мелких стычек — партизанские действия.

Диапазон партизанских действий был достаточно широк, он включал террор и экспроприации («эксы»). Это уничтожение отдельных начальствующих лиц военно-полицейской службы, шпионов правительства в революционных организациях, вооруженные конфискации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, конфискация денежных средств у правительства и частных лиц на нужды революции.

Но постепенно понятие «партизанской войны» в революционных кругах претерпело эволюцию. Если поначалу оно ассоциировалась в основном с экспроприациями, то позже понятие усложнилось. Оценивая партизанскую войну прежде всего как военное творчество масс, В.И. Ленин выдвинул задачу организации партизанских выступлений боевых дружин для накопления боевого опыта и боевой закалки в период подготовки вооруженного восстания. Партизанские выступления предполагалось проводить под руководством местных центров партии и ЦК.*

В последующем Ленин много раз возвращался к этой проблеме в различных статьях и работах. Он значительно расширил цели и задачи партизанской борьбы и даже посвятил ей специальную теоретическую работу «Партизанская война». В ней он справедливо назвал партизанские действия не мстью отчаявшейся части народных масс своим поработителям, а необходимой составной

---

* Обращение к партийной практике организации вооруженной борьбы автор считает необходимым потому, что положенная в основу организации партизанской борьбы начального периода Великой Отечественной войны, она привела к целому ряду трагических ошибок.

частью вооруженной борьбы, требующей заблаговременной тщательной подготовки.

Летом и осенью 1905 года партизанские выступления приобрели достаточно большой размах, особенно на окраинах России: в Польше, Прибалтике, на Кавказе. Наряду с многочисленными нападениями на полицейских и военных чинов, разгромом полицейских участков, проводились хорошо организованные операции. В их числе предпринятое в сентябре нападение отряда из 70 человек на рижскую центральную тюрьму.

В Прибалтике были созданы вооруженные отряды «лесных братьев», в Грузии аналогичные им «красные сотни». Они оказывали сопротивление властям, предпринимали нападения на сельские и казачьи учреждения, экспроприировали государственные денежные средства.

На этом этапе вооруженной борьбы партизанские действия, как правило, носили стихийный характер. Они не имели централизованного руководства и были предоставлены инициативе местных партийных организаций или самих боевых дружин.

* * *

В годы гражданской войны принимались меры к централизации военно-оперативного руководства партизанской борьбой. С этой цели был создан Центральный штаб партизанских отрядов (ЦШПО) при оперативном отделе (Опероде) Наркомвоенмора. После подписания Брестского договора по конспиративным соображениям этот штаб переименовали в Особое разведывательное отделение Оперода (начальник С.И. Аралов). При Особом разведотделении была создана спецшкола для подготовки подрывников.

Массовое партизанское движение развернулось в районах, занятых врагом. Так, летом 1918 г. на Украине действовали до 200 тысяч партизан-повстанцев. А при изгнании австро-немецких войск с Украины здесь с оружием в руках сражались уже 300 тысяч партизан. Немало партизан было в Белоруссии. Например, осенью 1918 г. на территории только Витебской губернии действовали

до 20 тысяч партизан. К концу осени 1919 г. на Украине и в Крыму вооруженную борьбу в тылу врага вели свыше 120 тысяч партизан-повстанцев.

Представляет интерес опыт подпольного военного штаба, руководившего партизанским движением на территории Черниговской и части Полтавской губерний, описанный А.С. Бубновым в его труде «О Красной армии». Деятельность этого штаба можно рассматривать как типичный пример. Штаб поддерживал тесную связь с уездным ревкомом. Благодаря этому удалось создать несколько партизанских отрядов общей численностью более 6 тысяч человек. В деятельности штаба выделяются три периода: организационный; постепенного перехода к вооруженным схваткам; открытой вооруженной борьбы против германо-гетманских войск.

Части и соединения Красной Армии, оказавшись в тылу врага в силу сложившейся обстановки, не таяли, а переходили к партизанским действиям и при этом, как правило, численно росли в ходе борьбы.

Классическим примером в этом отношении является рейд сводного отряда под командованием В.К. Блюхера (1890—1938) численностью более 12 тысяч бойцов. После падения Уфы этот отряд оказался полностью отрезанным от основных частей Красной Армии. Положение было критическим, не хватало оружия, продовольствия, снаряжения. Со всех сторон нападали белочехи и дуловцы. В.К. Блюхер решил совершить рейд по тылам врага и выйти на соединение с войсками Восточного фронта. Осуществляя этот маневр, отряд прошел свыше 1500 верст через хребты Южного Урала, по пути разрушая тылы противника, дезорганизуя его управление. Завершив рейд, отряд соединился с частями 3-й армии.

Особое место в истории гражданской войны занимает партизанское движение в Сибири. Еще в декабре 1918 г. для руководства борьбой трудящихся в тылу войск А.В. Колчака (1873—1920) было создано Сибирское бюро ЦК РКП(б). Большую помощь партизанам и повстанческому движению за линией фронта оказывала Красная Армия. Командование и политорганы ее частей направ-

ляли своих представителей в партизанские отряды, посылали вооружение и боеприпасы, передавали распоряжения и приказы, на основе которых развертывались согласованные операции против интервентов и белогвардейцев.

Следует отметить, что именно опыт партизанской борьбы, накопленный в Сибири, в наибольшей мере учитывался в период подготовки к партизанской борьбе на рубеже 20-х и 30-х годов. Так, при закладке баз и развертывании школ по подготовке партизанских кадров на западной границе опыт сибирских партизан тщательно изучался и анализировался. С этой целью осуществлялись даже специальные экспедиции. В них, в частности, принимал участие один из руководителей и организаторов партизанской борьбы в Подмоскovie, Белоруссии и Латвии А.К. Спрогис (1904—1980).

Партизанская борьба в Сибири (красное партизанство) прошла несколько этапов (фаз) своего развития. Вначале, после первых поражений, ее вели отдельные уцелевшие отряды красноармейцев и красногвардейцев, продолжавшие сражаться, несмотря на полную бесперспективность борьбы с военной точки зрения. Второй этап — восстания крестьян против распоряжений и законов новой власти. Третий — партизанские действия небольшими отрядами: налеты и нападения на милицию и органы белой власти.

На втором этапе обозначились основные очаги повстанческого и партизанского движения. Борьба шла под определенными политическими (против власти) и патристическими (против насилия иностранных захватчиков) лозунгами. В то же время основная масса сельского населения (середняки) придерживалась нейтралитета.

Против белогвардейцев активно действовали только мелкие отряды, создавая в тылу белых дезорганизацию и напряженное положение. Борьбу с красными партизанами вели небольшие отряды белогвардейских войск, состоявшие целиком из офицеров и казаков, отряды белой милиции и местной самообороны. Серьезных операций против партизан не было, да и сами они не давали повода для такого рода действий.

Третий этап партизанской борьбы в тылу врага начался со второй половины 1919 года. Он характеризовался расширением старых и появлением новых районов действий партизан-повстанцев, массовостью их выступлений и ростом активности.

Следует отметить, что у сибирских партизан не было опытных штабов и специалистов, которые могли бы с помощью агентурной разведки расшифровать планы противника, попытаться координировать действия с соседями, держать инициативу в своих руках и все время наносить врагу удары, срывая его планы. В Сибирь не было направлено из Советской республики ни одной группы командиров Красной Армии, которые могли бы оказать сибирякам помощь.

Одним из основных способов действий сибирских партизан были так называемые «кочующие фронты». Суть их состояла в том, что на известных направлениях, по которым вели наступление войска противника, партизаны пытались преградить им путь. Широкие маневренные действия партизан на флангах встречались редко, так же как и окружение отдельных отрядов врага на марше или нанесение ударов с тыла, с одновременной демонстрацией сил с фронта или на флангах.

Определяющим здесь было то, что белогвардейские войска двигались колоннами, по рубежам, согласовывая свои действия по времени и направлению. Система марш-маневров белых и стала причиной появления «кочующих фронтов».

Тактика партизан не отличалась разнообразием. Обычно, не сумев сковать противника и не выдержав его натиска, партизанский отряд уходил из-под ударов к своей базе или же в сторону от направления наступления противника.

Интересны выводы, которые сделал командующий войсками 5-й армии Восточного фронта, а в последующем главнокомандующий вооруженными силами Дальневосточной республики Г.Х. Эйхе (1893—1968):

«Военное руководство красных видимо недопонимало, что центр тяжести борьбы лежит не в пассивной оборо-

не занимаемой территории (совершенно неоправданной и безуспешной — В.Б.), а в активных действиях и что все усилия должны быть направлены на разгром и изгнание врагов. В этом основа всех просчетов восставших, в том числе переоценка своих сил и тактических условий местности и недооценка сил противника».

Почти не практиковался такой известный партизанский прием: расступиться и пропустить врага, а затем двигаться позади наступающей колонны противника, чтобы заставить его изменить фронт или даже направление наступления. Среди наиболее часто применявшихся и типичных способов действий сибирских партизан были набеги (налеты) на небольшие гарнизоны врага, засады и налеты на совершавшие марши небольшие отряды войск, перехват обозов и тому подобные действия, имевшие ограниченное тактическое значение.

Длительное время основной формой организации повстанцев и партизан являлся отряд. Численность и внутренняя структура отрядов были произвольны и никак не соотносились с ранее разработанной военной теорией организации партизанских войск. Все зависело от наличия людей, вооружения, опыта и знаний его организатора-командира. Объективные условия обстановки (территория-район формирования и действий, отношение местного населения, материальная база, расположение и силы противника, характер его действий и т.д.) чаще всего играли при этом решающую роль.

В июле 1919 г., когда Красная Армия Восточного фронта, освободив Урал, подошла к границам Сибири, ЦК РКП(б) принял развернутое решение по вопросу о сибирских партизанах. Оно предусматривало, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить связь между собой, координировать свои действия и переходить к централизованному командованию.

Однако, на практике этот процесс оказался весьма сложным и длительным. Реорганизация затянулась вплоть до января 1920 г., когда в результате освобождения Сибири Красной Армией войска партизан были расформированы.

До этого момента партизанские отряды пытались сводить в полки. Внешне новая войсковая организация напоминала структуру старой армии. Это дает основание некоторым авторам говорить о партизанских частях как о частях Красной Армии, с чем нельзя согласиться.

Аналогичная тенденция привела в годы Великой Отечественной войны к ошибочным попыткам создать во вражеском тылу целые партизанские армии. Но уже первые практические шаги по переброске этих формирований во вражеский тыл и немедленно возникшие трудности со снабжением заставили отказаться от данной идеи.

Партизанские войска лишь внешне напоминали структуру Красной Армии, которая комплектовалась по классовому принципу в порядке мобилизации. Партизанские отряды возникали в районе боевых действий и формировались из добровольцев, которых подбирал лично командир (добровольность — один из главных партизанских принципов — В.Б.).

В Красной Армии командный состав назначался приказами сверху. Командный состав партизан состоял из тех, кто сам создавал отряды. Решающее значение имели при этом не теоретическая подготовленность и не прежние чины и звания, а проявленные на деле организаторские и командирские способности, популярность среди бойцов. Правом выбора командира обладали собрания бойцов отрядов, съезды представителей партизан, выборные штабы.

Комиссары в партизанских отрядах встречались только в виде исключения. Сплошь и рядом они не были членами партии большевиков, что объясняется малочисленностью подпольных большевистских организаций. Редким исключением были в партизанских отрядах и партийные организации. Не было там таких органов как особые отделы, несущие в армии наравне с политотделами ответственность за поддержание боеготовности.

Основной тактической единицей сибирских партизан так и остался до конца отряд. Штабы имелись лишь в виде зачатков оперативных ячеек, они играли роль канцелярий при командирах-единоначальниках. Так что вряд

ли можно было проводить параллель, что красные партизанские «армии» — это регулярные части, но только по другую сторону фронта.

Партизанское движение народных масс Сибири против интервентов и белых имело ярко выраженный очаговый характер. Оно было связано с определенными районами. Если приходилось уступать неприятелю, то партизаны отходили в соседние уезды или в непроходимую, недоступную войскам тайгу. Стоило войскам уйти, как партизаны возвращались на свои места и, как неоднократно подчеркивали белогвардейские администраторы, «история борьбы с ними начиналась сначала».

Это была система сопротивления, не предусматривавшая широких и активных военных действий. Даже в тех случаях, когда партизанам приходилось вести боевые действия в составе соединений, приказы были проникнуты духом активной обороны. Никакой речи о ведении маневренных операций не шло. Партизаны редко действовали за пределами районов своего пребывания. Этим объясняется тот факт, что значительный численный рост партизанских отрядов так и не привел к качественному изменению партизанских сил, к применению ими новых форм и способов борьбы.

Но выигрышные моменты у сибирских партизан тоже были. Так, партизанские отряды значительно уступали колчаковским регулярным войскам в огневом бою. Против пулеметов, винтовок и артиллерии трудно было бороться с дробовиками и охотничьими ружьями, или же имея по десятку патронов на винтовку. Поэтому партизаны выигрывали тогда, когда в основе их действий лежала не огневая, а ударная тактика, когда решающее слово принадлежало ночному бою, внезапным атакам с тыла и с флангов. В таких случаях у партизан было много преимуществ: большая масса «ездящей верхом пехоты», связь с местным населением и его поддержка, отсутствие громоздких обозов, растянутых коммуникаций, высокая маневренность вне поля боя.

В беспорядочности (с точки зрения классического военного искусства) военных действий состояло и состоит

главное преимущество партизан. Вспомним жалобы Наполеона и фашистских генералов на то, что партизаны воюют не по правилам.

К сожалению, именно этих своих преимуществ не понимали многие партизанские командиры, пытавшиеся перевести партизанскую войну на рельсы обычных военных действий между регулярными частями, чтобы действовать «на манер большой войны». Позже эта застарелая ошибка еще не раз проявила себя в годы Великой Отечественной войны и послужила причиной неоправданной гибели многих партизанских формирований, значительно уступавших немецким частям в технике и вооружении.

Одной из боевых задач, с которой сибирские партизаны справлялись наиболее успешно, являлась боевая деятельность на Сибирской железнодорожной магистрали. Протяженность дороги от станции Маньчжурия (пограничный железнодорожный пункт в Северо-Восточном Китае) до Омска превышала 4500 км. Из них половина пролежала в районах повстанческо-партизанского движения.

Белогвардейское командование было чрезвычайно озабочено организацией надежной охраны дороги. Оно разработало обстоятельный проект создания на всем пути целой системы инженерных фортификационных сооружений. Но это не мешало партизанам срывать работу дороги, даже не имея взрывчатки. Сжигание деревянных мостов, спиливание телеграфных столбов, увод специалистов, захват глухих разъездов, устройство крушений путем развинчивания рельсов, обстрелы поездов — все это стало достаточно эффективным средством дезорганизации тыла противника. Именно партизанские действия на железной дороге помешали перебросить к Деникину остатки колчаковской армии.

Основным же содержанием военных действий партизанских войск являлась борьба с карательными экспедициями белых, периодически предпринимавшимися в глубь уездов. Здесь белогвардейцы применяли те же принципы стратегии сокрушения, которые они использовали в борьбе

против Красной Армии. Войска вели наступление с целью уничтожения партизан, прочесывали местность в определенных районах. Далее следовали занятия (захват) определенных населенных пунктов, их временная оккупация, оборона.

Красные партизаны противопоставляли этой ошибочной стратегии белых гибкие формы вооруженной борьбы: борьбу на истощение и дезорганизацию тыла. В последнем самым важным было не уничтожение живой силы противника, а стремление лишить его источников пополнения сил и средств. Во все времена именно это являлось одной из главных задач партизан.

* * *

Партизанство махновцев следует рассматривать в контексте отношений крестьянства и власти. В ходе гражданской войны авторитет государства в украинской деревне катастрофически падал по мере смены советской власти — Радой, Рады — гетманщиной и немецкой оккупацией, немецкой оккупации — французской, белой и оккупационной власти — советской властью, советской власти — атаманщиной и деникинщиной. Переполнило чашу терпения крестьян стремление большевиков непременно привести деревню к социализму самым кратчайшим путем. Но надежды на то, что «крестьянство должно было спасти государство, пойти на разверстку без вознаграждения» не оправдались.

Поначалу, на рубеже 1918-1919 гг., партизанское движение под флагом Н.И. Махно (1889—1934) резко отличалось от других повстанческих отрядов. Нестора Махно сравнивали со Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым. Да и сам он видел себя в истории в одном ряду с этими вождями крестьянских восстаний.

Для того периода создание партизанских отрядов под имя командиров было типичным явлением. Многие партизанские формирования объединялись не столько идеей, воинской дисциплиной, сколько симпатией к своим командирам, тому или иному «батюшке» (ныне сказали бы —

«полевому командиру»). Именно популярность Махно среди крестьянства, его удачливость, личная отчаянная смелость и дерзость позволили ему создать наиболее сильную, самую многочисленную (до 40 тысяч) повстанческую армию.

Сам Махно прекрасно понимал значение пропаганды и поддерживал в народе свой образ (как сейчас говорят — имидж) народного героя, неустанного борца за его благосостояние. Бедноте раздавали отобранное в помещичьих имениях имущество. В последующем поддержка и укрывательство крестьянами партизан-махновцев были обеспечены повсеместно. Потом крестьян приучили к тому, что они регулярно получали часть военной добычи махновцев, участвуя в грабеже захваченных городов, пассажирских поездов, военных эшелонов (как не вспомнить здесь события в Чечне 90-х годов.)

Нельзя не отметить, что в партизанских формированиях Махно существовал дух соперничества, лихости, смелости, что поднимало боевой дух. Первоначально в них большинство составляла пехота, но постепенно на первое место вышла кавалерия. Махно умело использовал приемы маневренной войны, непременным атрибутом которой стали повозки-тачанки, снаряженные пулеметами. Во время стремительных переходов тачанки служили хорошим транспортным средством для переброски пехоты на дальние расстояния. В бою они осуществляли мощную огневую поддержку.

Грамотно применяя тактику партизанской войны, махновцы успешно противостояли и деникинским казачьим частям и регулярным частям 1-й Конной армии. «Вся махновская «братия», — вспоминал маршал С.М. Буденный (1883—1973), — ездила на отличных конях, благодаря чему банды были весьма подвижны и легко уходили от преследования. Частям Красной армии редко удавалось полностью ликвидировать даже застигнутый врасплох бандитский отряд».

Характерную оценку партизанского движения на Украине, и в частности Махно, дал Л.Д. Троцкий (1879—1940) в своих статьях «Украинские уроки» и «Махновщи-

на». Именно ею впоследствии руководствовались при характеристике партизанщины, опасаясь отчуждения партизанства от власти, перерождения его в бандитизм.

«В период восходящей гражданской войны партизанство одухотворено идеей разрушения ненавистного классового государства, — писал Троцкий. — Но когда власть уже перешла к рабочему классу, партизанство с его отрядной самостоятельностью становится безыдейным и реакционным. Развивая центробежные тенденции, т.е. отталкиваясь от революционной власти и не имея в то же время никакой своей особой идеи, никакого самостоятельного знамени, партизанство группируется вокруг лиц. Появляются отряды и армии Григорьевых и всяких других атаманов, батек и дядек.

Этот личный культ беспринципного атаманства является в свою очередь, мостом к контрреволюционному вырождению партизанства, к прямому предательству на службе у своей или чужой буржуазии. Все это мы с избытком можем наблюдать на мятеже Григорьева. С другой стороны, мы на том же примере видим, что партизанство, которое совершает иной раз чудеса, когда служит орудием восходящему классу в его борьбе за власть, оказывается жалким и бессильным и кончает пьяным дебошем, когда становится орудием авантюриста против исторически прогрессивного класса.

Проявляя крайнюю нестойкость и малую боеспособность в борьбе с более правильно организованными войсками Деникина, партизанские отряды на почве самой Украины поворачиваются, как мы видим, против того класса, революционная борьба которого вызвала их к жизни. Это и значит, что партизанство в конец пережило себя и стало реакционным фактором. С ним нужно покончить во что бы то ни стало».

О махновских же полках Л.Д. Троцкий написал следующее: «Армия Махно — худший вид партизанщины, хотя в ней немало есть хороших рядовых бойцов. Никакого намека на порядок и дисциплину в этой «армии» не найти. Никакой организации снабжения. Продовольствие, обмундирование, боевые припасы захватываются где по-

пало, расходятся как попало. Сражается эта «армия» тоже по вдохновению, никаких приказов она не выполняет. Отдельные группы наступают когда могут, т.е. когда нет серьезного сопротивления, а при первом крепком толчке неприятеля бросаются врассыпную, сдавая малочисленному врагу станции, города и военное имущество. Вина за это целиком падает на бестолковых и беспутных анархических командиров».

Если абстрагироваться от революционной фразеологии Л. Троцкого, то остается явная озабоченность основателя Красной Армии тем, что партизанство при неумелом обращении легко выходит из-под контроля и тогда из инструмента обретения власти становится прямой угрозой для нее как в центре, так и на местах.

Впоследствии это положение еще раз нашло подтверждение, когда волна крестьянских выступлений прокатилась по России. Только жесточайшие карательные акции Красной Армии под командованием М.Н. Тухачевского (1893—1937) свели на нет выступление партизанских формирований под руководством А.С. Антонова («антоновщина») в 1920—1921 гг. в Тамбовской и части Воронежской губерний.*

* * *

Поражение войск А.И. Деникина (1872—1947) и А.В. Колчака, неудачи белополяков и П.Н. Врангеля (1878—1928) явились толчком для поиска руководителями белой эмиграции новой тактики борьбы с большевиками. Например, в первых числах ноября 1920 г., то есть за несколько дней до крымской катастрофы армии генерала Врангеля, доклад на данную тему в русском посольстве в Париже сделал полковник бывшей царской армии Н. Пораделов.

---

* Было еще и азиатское партизанство, так называемое «басмачество», борьба с которым затянулась на десятилетие. В данной работе оно не рассматривается. Отдельные положения этой темы раскрыты, в частности, в трудах историка А.И. Зевелева.

Оценивая опыт гражданской войны, автор доклада пришел к выводу, что из двух основных форм борьбы с большевиками — наступлений с внешнего фронта и партизанско-повстанческих действий — наиболее перспективной является партизанская война. «Особенность малой партизанской войны заключается в том, — говорилось в докладе, — что она не нуждается в наличии широкой базы, имея таковую внутри себя, что она не боится за прочность своих коммуникационных линий и свободна в переброске и переносе тыла на любые направления. Следовательно, начало операций может развиваться совершенно самостоятельно без опоры на материальный тыл».

Маленькие, подвижные, не зависящие от коммуникационных линий, опирающиеся на местное население, эти отряды не только сохранились, но непрерывно множатся и расширяют район своих действий. Вполне возможно использовать партизанский фронт, в действительности уже существующий и требующий только взаимосвязанных, организованных и планомерных действий. Таким образом, вид и способ дальнейшей борьбы с большевиками подсказывается сам собой и не требует сложных доказательств.

Наибольшую живучесть, отмечал Пораделов, проявляют отряды, действующие на окраинах страны, тайно поддерживаемые соседними с РСФСР новыми государственными образованиями. Имелись в виду районы Белоруссии, Украины, Карелии, Ингерманландии, Петроградской и Псковской губерний, граничившие с Польшей, Латвией, Эстонией и Финляндией.

Предложенный им план действий свидетельствовал о наличии разработанной концепции партизанской войны. Для объединения и идейной поддержки повстанчества предполагалось за границей России создать особый центр, который, кроме объединения всего существующего движения, мог бы явиться ячейкой будущей правительственной власти «при свержении большевистского владычества».

Параллельно с повстанческим движением планировалось создать широко разветвленную сеть подпольных

организаций для работы по дезорганизации и деморализации советского государственного аппарата, Красной Армии, ведения разведки, а также выполнения особых задач, возникающих по ходу обстановки. Предполагалось охватить единым партизанским фронтом огромную территорию от Баренцева до Черного морей.

«Центр» формировался в тайне от других эмигрантских образований на основе сугубо индивидуального отбора. В его руководящее звено вошли генерал Н.Н. Голловин, председатель «Национального комитета» А.З. Карташов, член ЦК кадетской партии И.П. Демидов.

В качестве первоочередных ставились задачи ослабления сопротивляемости противника и накопления сил для решительного удара. Последнее подразумевало, в частности, подготовку кадров, которые «должны были взять на себя общее и местное руководство народным движением». «Центр» имел филиалы в Варшаве, Константинополе, Гельсингфорсе и Ревеле.

Надо признать, что эти замыслы была вполне реальны по исполнению. В вопросах организации партизанской борьбы эмигрантские центры действовали умело, тактически грамотно, с пониманием природы партизанского боя. Это лишний раз подтверждает тот факт, что бывший офицерский состав царской армии, составлявший ядро данных центров, был прекрасно знаком с теорией и практикой малой войны, партизанства и повстанчества.

Однако раскол общества на два лагеря — поддерживавших большевиков и их противников — оказался в целом не в пользу белых. Партизаны атамана Шкуро, например, не пользовались поддержкой крестьян. К тому же стремительно укреплялась государственность РСФСР. Были заключены мирные договоры с Финляндией и Польшей. 1921 год стал годом прорыва экономической блокады Советской России со стороны западных стран. Неуклонно осуществлялись меры по закрытию государственной границы. Активизировалась деятельность ВЧК—ОГПУ по борьбе с контрреволюционными организациями.

Важным фактором в борьбе с белым партизанством стала бескомпромиссная позиция, занятая правящей партией и госаппаратом по отношению к крестьянству вообще, к крестьянским волнениям в частности. Жесточайшие действия Красной Армии по подавлению очагов партизанской борьбы на Тамбовщине и в других районах лишили белое партизанство социальной почвы.*

На наш взгляд, скрытый за политическими лозунгами о классовой борьбе геноцид в отношении среднего и зажиточного крестьянства в СССР в 20-ые и 30-ые гг. в значительной мере питался опасением перехода его к партизанско-повстанческой борьбе в ответ на принудительную коллективизацию. А наличие эмигрантских зарубежных центров в западных странах, располагавших сетью агентуры в СССР, и широких крестьянских масс, недовольных властью, говорят о том, что эти опасения не были беспочвенными.

Белое движение проиграло красному из-за стратегических просчетов в политике, пропагандистской необеспеченности партизанской борьбы. Социальная программа большевиков, на государственном уровне подкрепленная привлекательной пропагандой, выгодно отличалась от монархических лозунгов эмиграции. Плюс террор по отношению к крестьянству, жесточайшее подавление антиправительственных крестьянско-партизанских выступлений. Все эти факторы оказались в конечном счете решающими.

* * *

Накопленный опыт действий «красных» и «белых» партизан нашел отражение в официальной военной доктрине. Наркомвоенмор М.В. Фрунзе (1885—1925) в июне 1921 г. в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» писал: «Второе средство борьбы с техническими

---

* Для борьбы с вставшими крестьянами широко использовались бронев автомобили, артиллерия, авиация, даже отравляющие вещества. Практиковались массовые казни заложников, уничтожались целые деревни. — *Прим. ред.*

преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территории возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником.

Но обязательным условием плодотворности этой идеи «малой войны», повторяю, является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас».

С 1924 года по указанию ЦК ВКП(б) под руководством М.В. Фрунзе и Ф.Э. Дзержинского (1877—1926) была развернута большая работа по подготовке пособий по тактике партизанской борьбы и созданию особых партизанских школ, а также специальной техники и вооружения для партизанских формирований.

В Москве были открыты партизанские школы. Одной из них руководил Кароль Сверчевский (1897—1947), впоследствии известный герой войны в Испании, командующий 2-й армией Войска Польского во время Великой Отечественной войны. Пять партизанских школ работали на Украине.

Слушатели этих школ изучали тактику и методы боевых действий партизанских формирований, их организацию, вооружение, вопросы базирования и тылового обеспечения, способы разложения войск противника, методы политической работы среди местного населения.

В последующие годы в общем комплексе мер подготовки к войне намечалось еще в мирное время определить будущие районы партизанских действий в тылу про-

тивника, в своей приграничной полосе и в тылу своих войск по периодам. В будущих районах военных действий предлагалось создавать сеть партизанских ячеек со всем необходимым для будущей боевой работы, обеспечив им соответствующую материальную базу.

Предлагалось вести подготовку партизанских кадров в организационном, политическом и тактико-специальном отношении. Аналогичная подготовка планировалась во всей армии и флоте, особенно среди комсостава, чтобы каждый командир знал существо партизанских действий и на практике умел им противодействовать, или же наоборот, самостоятельно осуществлять в ходе решения задач, поставленных ему как партизану.

Глава 3. Работу «Д» приказали свернуть

В соответствии с решениями военно-политического руководства СССР, в 1924—1936 гг. производилась широкомасштабная подготовка к партизанской войне против иностранных агрессоров.

Она включала:

- Создание тщательно законспирированной и хорошо подготовленной сети диверсионных групп и диверсантов-одиночек в городах и на железных дорогах к западу от линии укрепленных районов;

- Формирование и всестороннюю подготовку маневренных партизанских отрядов и групп, способных действовать на незнакомой местности, в том числе за пределами страны;

- Переподготовку командного состава, имевшего опыт партизанской борьбы в гражданской войне, и подготовку некоторых молодых командиров в специальных партизанских учебных заведениях;

- Отработку вопросов партизанской борьбы и борьбы с вражескими диверсионными группами на специальных и некоторых общевойсковых учениях;

- Совершенствование имеющихся и создание новых технических средств борьбы, наиболее пригодных для применения в партизанских действиях;
- Материально-техническое обеспечение партизанских формирований.

* * *

Подготовкой к партизанской войне занимались IV (разведывательное) управление главного штаба РККА и специально созданные IV отделы штабов военных округов. Они взаимодействовали с соответствующими подразделениями и дорожно-транспортными отделами ОГПУ.

К концу 1929 г. была в основном завершена значительная работа по подготовке командных и политических партизанских кадров. Готовились небольшие отряды, диверсионные и организаторские группы. На базе последних могли создаваться более крупные партизанские формирования. Для них закладывались тайные склады продовольствия, минно-взрывные средства, оружие, боеприпасы.

Так, к 1 января 1930 г. в приграничной полосе Юго-Западной железной дороги глубиной до 200 км из личного состава погранвойск и военизированной охраны железных дорог были подготовлены, кроме подрывных команд 2-х железнодорожных полков, более 60 партизанских подрывных команд общей численностью около 1400 человек. Оборудованы специальные минные трубы, ниши и камеры на железной дороге и на объектах. Аналогичная работа проводилась в Белорусском и Ленинградском округах.

Детали и особенности этой работы хорошо представлены в воспоминаниях И.Г. Старина, который в те годы занимался подготовкой диверсантов по линии IV управления Генштаба РККА. В БССР, например, создали Специальное бюро ГПУ. С 1930 по 1936 гг. оно провело целый комплекс мероприятий по подготовке к партизанской борьбе. Так, уполномоченный Спецбюро ГПУ Белоруссии А.К. Спрогис был начальником специальной школы, в которой прошли обучение многие будущие партизаны.

Вот что писал об этом сам А.К. Спрогис — активный участник партизанской войны в Испании, один из организаторов партизанской борьбы в Подмоскowie и Белоруссии, возглавивший в годы Великой Отечественной войны Латвийский штаб партизанского движения.

«В 1928 г. меня направили на учебу в Высшую пограничную школу. Там проходили переподготовку командирские кадры. После окончания школы я стал совершенствовать свою квалификацию на специальных курсах, где мы, группа выпускников Высшей пограничной школы, изучали разведывательно-диверсионное дело, чтобы более эффективно бороться с нарушителями границы, распознавать все их приемы и уловки. Полученные знания мы продолжали совершенствовать на практике — в Белорусском пограничном округе, куда меня направили после курсов.

В этот период (начало 30-х годов) по указанию ЦК проводились мероприятия по укреплению обороноспособности западных районов страны на случай нападения империалистического агрессора.

Мы осваивали методы партизанской борьбы, работали над созданием партизанской техники, обучали будущих партизан минно-подрывному делу. Заранее подбирались кадры организаторов военных действий в тылу врага (среди них были тогда такие товарищи как Ваупшасов, Орловский и другие, ставшие в годы Отечественной войны героями партизанского движения). От партизан требовалась всесторонняя подготовленность и я в числе других освоил парашютное дело, получил значок инструктора парашютизма. Все, чему мы научились в мирное время, оказало потом неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами».

По воспоминаниям И.Г. Стариноva, в 1929—1933 гг. ему довелось преподавать минно-подрывное дело партизанам и диверсантам в спецшколах ГПУ Украины в Харькове и в Купянске, на двух учебных пунктах ГПУ Юго-Западной железной дороги в Киеве, где начальниками были М.К. Кочегаров и И.Я. Лисицын, в спецшколе IV отдела штаба Украинского военного округа в Киеве,

где начальником был М.П. Мельников, и на спецкурсах этого отдела в Одессе, а в 1933—1934 гг. — в спецшколе в Москве, где начальником был К. Сверчевский.

Кроме подготовки в специальных учебных заведениях, систематически проводились кратковременные сборы партизанских формирований, которые маскировались как сборы «пожарников», «охотников», «рыбаков» и т.п.

Командиры Красной Армии и пограничных войск, прошедшие специальную партизанскую подготовку, в случае необходимости могли организованно переходить к партизанским действиям, скрытно базироваться и передвигаться на занятой противником территории, выходить из вражеской блокады, использовать подручные средства для нанесения урона врагу.

Командно-политические кадры и специалисты партизанских формирований готовились обычно по такой схеме: первичная общевоинская, техническая, специальная подготовка и сколачивание ядра будущего партизанского формирования. Подготовка диверсионных групп и диверсантов-одиночек, в зависимости от состава и предстоящих задач, обычно занимала от 3 до 6 месяцев. Основными предметами были: политическая, физическая, стрелковая подготовка, конспирация, минно-подрывное дело, разведка.

Первичная общевоинская и техническая подготовка проводилась на курсах Осоавиахима, где отобранные партийными и комсомольскими органами добровольцы обучались стрелковому делу, топографии, вождению автомашин, плаванию и т.д. Одновременно велась политическая и физическая подготовка, а также тщательное изучение личного состава для определения его пригодности к партизанской борьбе.

Предварительная подготовка в кружках Осоавиахима продолжалась от одного года до полутора лет, если обучаемые ранее не служили в РККА. Лица, прослужившие в Красной Армии, также готовились в технических кружках Осоавиахима по нужным для партизанской борьбы, но не секретным специальностям, например, в качестве радиотехников, электромонтеров, шоферов и т.д. Окон-

чившие курсы Осоавиахима и показавшие по всем дисциплинам свою пригодность к партизанской борьбе зачислялись в закрытую специальную школу.

При обучении диверсионных партизанских групп, предназначенных для базирования и действий в городах, особое внимание обращалось на вопросы конспирации и тайной связи.

Личный состав партизанских рейдирующих формирований тренировался в совершении маршей, в использовании различных видов транспорта (гужевого, автомобильного и т.д.) в тылу врага. Партизаны, которые предназначались для действий в глубоком тылу врага, проходили также и воздушно-десантную подготовку, вплоть до прыжков ночью.

В учебных подразделениях, где начальниками были М.К. Кочегаров и И.Я. Лисицын, одновременно готовились от 5 до 12 человек в каждом, в остальных до 30-35 человек. Велась и подготовка одиночек. В школе, где начальником был К. Сверчевский, в 3-х изолированных группах шла одновременная подготовка 40 человек.

Учебные заведения по подготовке партизанских кадров были весьма своеобразными. Они не только готовили партизан, но и вели подготовку материальных средств к закладке их в тайники. Для обучения слушателей широко привлекались наиболее подготовленные командиры партизанских формирований гражданской войны, а также специалисты из войсковых частей.

Специальные учебные заведения имели достаточное количество учебных пособий. Не было проблем и с практическими занятиями на полигонах. Для подготовки на конспиративных квартирах имелись комплекты наглядных учебных материалов в чемоданах.

Специальная подготовка партизанских кадров обычно велась по группам специалистов: диверсантов, разведчиков, снайперов, радистов. Состав групп, как правило, формировался в ходе предварительной подготовки. При отборе кандидатов особое внимание обращалось на морально-политические качества, физическую натрениро-

ванность, выносливость, дисциплинированность, инициативность.

Будущие разведчики и диверсанты обычно уже имели довольно высокую общевоинскую подготовку, которую они приобрели на службе в Красной Армии или по линии Осоавиахима. Более того, многие из них имели одну или даже две гражданские специальности, полезные в партизанской борьбе. Среди них были электромонтеры, химики, шоферы, радисты.

В специальных учебных заведениях курсанты осваивали партизанскую тактику, технику и тактику диверсий, совершенствовали знания по топографии, а специалисты (минеры, снайперы, разведчики) совершенствовали свое мастерство. Минеры могли сами изготавливать взрывчатые вещества, зажигательные устройства, взрыватели, подрывные машинки и мины, в том числе собирать их из деталей, которые можно приобрести в магазинах.

Качество подготовки, боевые возможности маневренных партизанских формирований проверялись на специальных и общевоинских учениях. Так, в 1932 г. под Москвой были проведены специальные маневры. В них участвовали дивизия особого назначения войск НКВД, Высшая пограничная школа, академии и училища Московского военного округа, партизаны-парашютисты под командованием С.А. Ваупшасова (1899—1976).

Самые крупные общевоинские учения, в которых участвовали подготовленные партизанские кадры, состоялись осенью 1932 г. в Ленинградском военном округе. В них участвовали около 500 «партизан» из Ленинградского, Белорусского и Украинского военных округов. Эти «партизаны» были вооружены японскими карабинами и учебными гранатами, а «диверсанты» учебными минами. Все они были в гражданской одежде, в головных уборах с красными полосками, имели плащи и рюкзаки. В ходе учений «партизаны» проникали в тыл противника через «линию фронта» и перебрасывались туда по воздуху.

Партизанские отряды успешно провели ряд нападений из засад, но их налеты на штабы армии оказались неудачными. Охрана была бдительна, обнаруживала пар-

тизан еще на подходах. Более эффективно действовали небольшие диверсионные группы на путях сообщения «противника». Даже на сильно охраняемых участках «партизаны» ухитрялись ставить так называемые «нахальные» мины, установка которых занимала менее 30 секунд. На слабо охраняемых участках партизаны успешно применяли учебные неизвлекаемые противопоездные мины. В результате вспышек учебных мин были случаи остановки регулярных поездов. Машинисты паровозов принимали мины за петарды и останавливали составы.

Эти учения убедительно доказали, что в результате внезапных крупных операций партизанских сил можно на длительные сроки вывести из строя коммуникации противника. При этом хорошо подготовленные партизанские формирования, умело применяя мины различного назначения, остаются неуязвимыми.

Большое внимание уделялось планированию первых операций партизанских сил. В те годы твердо придерживались установки, согласно которой партизанские операции должны быть крупными и внезапными, чтобы одновременными действиями многих десятков диверсионных групп и партизанских отрядов сразу отрезать войска противника на фронте от источников их снабжения в тылу.

Опыт общевойсковых и специальных учений, особенно командно-штабных учений, показал также, что партизанская война в тылу противника должна вестись во взаимодействии с войсками и авиацией фронтов, в виде крупных операций по выводу из строя коммуникаций противника и нарушению работы его тылов. Для этого были подготовлены органы и средства управления партизанскими силами.

Характерно, что если крупные партизанские отряды «противник» обнаруживал еще на подходах, то мелким диверсионным группам удавалось проникать в населенные пункты, где располагались штабы, и с помощью учебных мин создавать тревожное положение. При этом все группы оставались неуловимыми.

Одну из таких групп возглавлял Н.Л. Прокопюк (1902—1975) в последующем Герой Советского Союза.

Умелые действия этой группы отметил на разборе действий «партизан» заместитель начальника управления Генерального штаба.

* * *

Разработанный Генштабом РККА план отражения иностранной военной агрессии в начале 30-х годов предусматривал развертывание партизанской борьбы в тылу врага с первых дней войны, и прежде всего за пределами Советского Союза. О размахе подготовки к ведению партизанской борьбы за пределами Советского Союза на случай вражеской агрессии говорят следующие данные.

В Украинском военном округе для переброски по воздуху в тыл врага за пределы СССР были подготовлены более 80 организаторских и диверсионных групп общей численностью свыше 600 человек, состоявшие в основном из опытных, хорошо подготовленных бывших советских партизан, а также эмигрантов из Польши и Румынии. На территории этих стран, главным образом в западных областях Украины и в Молдавии, находившихся по ту сторону границы, были намечены места для десантирования и имелись люди, которые могли оказать помощь десантникам. Большую часть групп, подготовленных для действий за пределами Советского Союза, предполагалось выбросить в тыл врага на парашютах в первые военные ночи.

«Нет слов, — писал С.А. Ваупшасов, — шесть белорусских партизанских отрядов не смогли бы своими действиями в тылу врага остановить продвижение мощной немецкой армейской группировки, наступающей на Москву. Но замедлить сумели бы! Уже в первые недели гитлеровского вторжения партизаны и подпольщики парализовали бы коммуникации противника, внесли дезорганизацию в работу его тылов, создали бы второй фронт неприятелю».

Партизанское движение в Белоруссии смогло бы быстрее пройти стадию организации, оснащения, накопления опыта и уже в первый год войны приобрести тот могучий размах, который оно приобрело только в 1943—1944 гг.

Есть все основания полагать, что если бы мероприятия по подготовке к партизанской борьбе сохранились до начала войны, то даже при внезапном нападении фашистской Германии на СССР вражеские войска, подойдя к Минску и Киеву, остались бы без боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Оккупантам не удалось бы использовать и захваченные железные дороги, так как в тылу агрессора развернулась бы партизанская война.

Можно только предположить, в каком катастрофическом положении оказались бы вражеские войска на фронте при парализованных коммуникациях и дезорганизованном тыле. Но этого не случилось.

* * *

В результате репрессий в 1937—1938 гг. партизанские кадры понесли невосполнимые потери. Были репрессированы многие работники Генштаба, НКВД, секретари обкомов, которые в начале 30-х годов занимались подготовкой к партизанской войне, репрессированы командиры Красной Армии, имевшие специальную партизанскую подготовку. Были ликвидированы тайники с оружием, боеприпасами, взрывчаткой, предназначенные для партизанских сил. Была ликвидирована сеть партизанских школ во главе с компетентными руководителями. Были расформированы партизанские отряды и группы.

Частично уцелели лишь те партизанские кадры, которым довелось принять участие в первой вооруженной схватке с фашизмом в Испании, в частности А.К. Спрогис, С.А. Ваупшасов, Н.А. Прокопюк, И.Г. Старинев и ряд других.

Более четкое представление обо всем этом дает докладная записка, направленная А.К. Спрогисом в адрес вышестоящего командования после возвращения из Испании. В течение года он не мог найти применения своему опыту и знаниям.

«Около восьми лет, — писал А.К. Спрогис, — я занимался подбором людей для партизанских и диверсионных групп, руководя ими и непосредственно участвуя в ор-

ганизации диверсионных актов (за рубежом — В.Б.). На практической работе я встретился с недооценкой этой работы, неоднократными случаями недоброжелательного отношения к ней вышестоящих лиц. Отрицательному отношению к этой работе и людям, ее осуществляющим, способствует отсутствие положений и указаний, учитывающих ее специфику.

Я глубоко убежден в том, что у этой работы большое будущее. На известном отрезке времени, при известных условиях, при соответствующей заблаговременной подготовке (особенно кадров) эта работа может принести громадный вред нашим противникам и явится серьезным фактором, влияющим на успех военных операций, способным нанести колоссальный подрыв мощи противника во всех отношениях.

Этот вопрос (по крайней мере мне так кажется) настолько для всех ясен, что ничего нового я не сказал. Это давно известно всем. Если это так, то я хочу поставить вопрос о том, почему так мало делается для того, чтобы подготовить эту работу, чтобы она в нужный момент могла выявить свою мощь.

Хочу кратко охарактеризовать известную мне часть работы «Д», которая требует, с моей точки зрения, серьезного улучшения. Говоря об этой работе я имею ввиду два учреждения, организующих ее, а именно НКВД (до 1937 г. его особый отдел, а потом 3-й отдел) и 5-й отдел Генштаба РККА (Разведуправление). Как работавшему по линии и одного и другого управлений мне в этой части постановка ее довольно хорошо известна. Коснусь только ряда вопросов.

В начале 1930 г. небольшая группа слушателей Высшей пограничной школы (ВПШ) ОГПУ (в том числе и я) была вызвана в особый отдел центра, где имела соответствующий разговор с руководящими лицами. В частности, я хорошо помню товарища Гендина.*

---

* Гендин — начальник Главного разведывательного управления РККА. В ноябре 1937 г. был арестован как «враг народа» и вскоре расстрелян.

Его я знал и раньше. Из нашей группы было отобрано 30 человек, в том числе и я. После прохождения месячных специальных курсов нас направили в три пограничных округа — Ленинградский, Украинский и Белорусский для организации и подготовки диверсионно-партизанской работы.

Установка была такова, что к весне ожидается война. Война не началась, но все группы по округам, соответствующие отделения в составе округов продолжали начатую подготовительную работу. Я находился в БССР, но был в курсе работы всех округов. В результате неудобств, неувязок, нечуткого (если не сказать хуже) отношения руководителей... все представители этих отделений старались уйти с этой работы. В том числе и назначенные начальниками отделений Алексеев, а потом Иванов-Ханин. В течение небольшого промежутка времени с этой работы ушло 75 процентов состава, хотя пришли все на добровольных началах, охотно.

В БССР всякими правдами и неправдами ушли такие работники как Гринвальд (Муха), Орлов (Аршинов), Ваупшасов (Смольский), люди, которые имели богатый партизанский опыт в прошлом. Именно они руководили такой идеально проведенной операцией, как налет на город и станцию Столбцы (Западная Белоруссия). Тогда 60 человек за ночь разгромили полицию, жандармерию, казармы пехотного полка, тюрьму, освободили арестованных, на рассвете за городом приняли бой с кавалерийским полком и прорвались через границу к своим.

Эти люди ушли не потому, что они выдохлись или переродились. О противном говорит тот факт, что как только в 1936 г. стало известно, что для работы «Д» есть возможность уехать в страну «Х» (Испанию — В.Б.) они стали рваться туда добровольцами. О том как они себя там проявили можно судить по тем наградам, которыми их награждали партия и правительство.

Я на этой работе остался до последнего момента, ибо верил в ее целесообразность, но в конце концов ушел, обещая себе вернуться к ней тогда, когда начнутся активные действия. Так и получилось. Через три месяца я

опять вернулся на эту работу и уехал в страну «Х», а по возвращении пишу эту докладную записку.

Ответить на вопрос почему так происходит в высшей степени трудно. Причина кроется в существующей обстановке, а также в отношении высшего руководящего состава к работникам этой отрасли. Отношение, которое трудно поддается критике, но в то же время имеет огромное значение. Пояснить свою мысль я постараюсь на личном примере.

Мы привыкли, что наш труд ценим. Я не ошибусь, если скажу, что этого не было не только в БССР, но и на Украине и в Ленинграде. Наша работа стала считаться второстепенной. Наши работники использовались не по прямому назначению: производство обысков, арест, конвоирование арестованных, нагрузка дежурствами и т.д. и т.п. Это была система, продолжавшаяся из года в год. Не трудно понять, что это отражалось в аттестации по присвоению званий.

В 1936 г. во время моего разговора с бывшим начальником особого отдела Карелиным последний заявил, что моя работа с 1930 по 1936 г. в качестве помощника, а потом уполномоченного особого отдела по работе «Д» — это не оперативная работа. И вот результат. Хотя я в рядах РККА и ВЧК-ОГПУ-НКВД непрерывно с начала 1919 г. и имею соответствующую подготовку: военную школу ВЦИК и ВПШ ОГПУ, я был аттестован с присвоением звания младший лейтенант госбезопасности.

Мои рапорты о пересмотре остались без каких-либо последствий. Кроме того, имелся и другой момент, который отразился на нашей работе. До 1937 г. систематически из года в год уменьшались средства, отпускаемые на работу «Д». Она свертывалась. Не знаю как обстояло дело в 1937 г., так как я находился в это время за пределами СССР. Ответ здесь прост. Центром утверждено столько-то и столько-то и все вопросы снимаются*.

Только поступление Спрогиса в академию им. М.В. Фрунзе по личной рекомендации наркома обороны

---

* Архив автора.

К.Е. Ворошилова (1881—1969), да счастливая случайность, как вспоминал он не раз в личных беседах, отвели от него угрозу ареста.

* * *

Работа по подготовке к партизанской войне проводилась в конце 20-х, начале 30-х годов в весьма сложных условиях, связанных с насильственной коллективизацией и последовавшим голодом. Были случаи «раскулачивания» подготовленных партизанских кадров, рассекречивания партизанских баз, складов оружия и продовольствия, будущих партизан-подпольщиков. Подвергались арестам эмигранты из западных государств, подготовленные для партизанской войны на территории агрессора.

Существенное негативное влияние на подготовку к партизанской войне оказало то обстоятельство, что активными участниками всех планов и мероприятий в этой области являлись репрессированные по приказу И.В. Сталина крупные военачальники: Я.К. Берзин, В.К. Блюхер, А.И. Егоров, В.М. Примаков, И.П. Уборевич, И.Э. Якир и многие другие.

Прекращение широкой подготовки войск к ведению партизанской войны объяснялось тем соображением, что в Красной Армии достаточно командиров и политработников всех уровней, которые в случае необходимости могут организовать переход войск к организованным и управляемым партизанским действиям. Однако на практике этого не произошло.

Общеизвестно, что в результате репрессий 1937—1938 гг. подверглись арестам около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, огромные потери понес политический состав.

Сталин уничтожал партизанские кадры потому, что опасался наличия в стране специалистов, владеющих тактикой и техникой диверсий, отлично зная по собственному опыту боевика-подпольщика их потенциальные воз-

возможности. Вскоре после убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 года) понятие «советский диверсант» исчезло, остался только «вражеский диверсант».

Сыграла свою роль и уверенность в легкой победе над противником без партизанской войны. Напомним, что уже в 1935 г. нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов говорил: «Я лично думаю, что мы должны победить врага, если он осмелится на нас напасть, малой кровью с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов».

Через год он же утверждал, что «мы не только не пустим врага за пределы нашей Родины, но будем бить его на территории, откуда он пришел». Не было недостатка в подобных заявлениях от лидеров государства и позже.

Однако врага в глубь страны пустили, понеся при этом громадные людские и материальные потери. Армия не смогла защитить население страны от посягательств внешнего врага. Высшей ценностью в войне стало сохранение правящего режима, а не спасение жизней мирных советских граждан. Второй по значению ценностью оказалась территория. Сначала города и поселки необычайно легко сдавали врагу, а потом, оплачивая реками крови, с большим трудом возвращали.

Тема просчетов и ошибок высшего руководства СССР и командования РККА до сих пор является предметом горячих дискуссий. Мы ее не будем касаться. Применительно же к рассматриваемой проблеме хотелось бы отметить следующее.

Неправильно учитывались возможные условия начального периода войны и способы отражения внезапного нападения агрессора. Как в стратегическом, так и в оперативном масштабе недооценивались вопросы обороны. Между тем, в сложившейся накануне войны обстановке требовалось не только формальное признание правомерности обороны, но и основательная разработка способов ее ведения, а главное — практическая подготовка оборонительных операций в приграничных военных округах.

В тогдашней военной доктрине не нашлось места таким понятиям как «малая война» и «партизанство». Партийное руководство не верило в свой народ, боялось удара в спину. В результате страна оказалась слабо подготовленной к ведению партизанской борьбы, несмотря на громадный исторический, теоретический и практический опыт в этой области. Пришлось спешно организовывать партизанскую борьбу в тылу врага уже в ходе развернувшихся боевых действий, ценой огромных жертв и материальных затрат.

С началом войны многие подразделения пограничных и военных округов, в силу вынужденных обстоятельств очутившиеся в тылу противника, оказались неспособными перейти к партизанским действиям и выполнению специальных задач в интересах оборонительных операций Красной Армии.

* * *

Проведенный нами историко-теоретический анализ позволяет сформулировать следующие принципиальные положения.

Партизанская борьба — это сложный общественно-социальный процесс, обусловленный рядом объективных и субъективных факторов, имеющий закономерности и стадии своего развития. Это составная часть вооруженной борьбы, направляемой на оказание всесторонней помощи армии в целях быстрее разгрома врага, а при отсутствии армии — протекающей самостоятельно и способствующей созданию в будущем регулярных формирований.

Партизанская борьба возникает как организованно, так и стихийно, подразделяясь на партизанство войскового типа и партизанство — повстанчество. Последнее при отсутствии центрального руководства и организованности нередко вырождается в политический и уголовный бандитизм.

В числе основных условий возникновения и развития партизанства можно назвать: неудачи в боевых действиях регулярных войск; отсутствие собственной армии; ве-

дение войны на значительном пространстве страны достаточно продолжительное время; благоприятные физико-географические условия местности; благоприятное морально-психологическое состояние населения.

Партизанство в своем развитии проходит присущие ему закономерные стадии развития. Назовем главные: партизанство войскового типа способствует созданию иррегулярных партизанских формирований; происходит переход к организованным и планируемым партизанским действиям; иррегулярное партизанство сливается с армейскими действиями и подчиняется им.

Формы организации и принципы управления партизанскими формированиями определяются задачами и способами их боевой деятельности. Они также зависят от разных факторов: политической обстановки; экономики соответствующих районов; наличия экономических и административных центров; характера и результативности действий регулярной армии на фронте; применяемых средств вооруженной борьбы, классового и национального состава населения.

Партизанская борьба предполагает создание территориальных опорных пунктов, территориальной системы партизанских сил, взаимодействующих между собой. Пагубно придавать партизанским силам единую по шаблону организационную структуру. Решая этот вопрос, надо каждый раз исходить из конкретных условий. Естественная тяга партизанских формирований к войсковой организации не означает обязательного копирования армейских структур.

Центр тяжести партизанской борьбы лежит не в пассивной обороне занимаемой территории, а в активных действиях, в наступательной тактике. Только в этом случае недостатки вооружения партизан для ведения огневого боя компенсируются обстоятельным знанием и умелым использованием местных условий, маневренностью, ударной тактикой (ночной бой, налет, засада, диверсия). Целью является истощение и деморализацию его тыла (не уничтожать любой ценой живую силу противника, а лишать его источников пополнения сил и средств).

Основным фактором успешного развертывания партизанской борьбы в тылу врага выступает заблаговременная разработка ее плана и создание всех условий, обеспечивающих успех ее широкого развития.

Важным условием эффективности партизанской борьбы следует считать обеспечение тесной связи войсковых партизанских формирований, предназначенных для диверсионно-разведывательной деятельности во вражеском тылу, с местными партизанскими силами. Партизанская борьба может быть успешной только в том случае, если партизаны имеют поддержку со стороны большинства населения оккупированной территории.

Партизанская борьба невозможна без подготовительной фазы, в ходе которой ведется политическая пропаганда среди населения, закладывается материальная и продовольственная база, готовятся кадры руководителей и специалистов, создается разветвленная сеть агентуры.

ЧАСТЬ 2.

РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Глава 4. Ключевая роль органов НКВД-НКГБ

С первых дней войны политическое руководство СССР уделяло значительное внимание развертыванию партизанского движения. Об этом свидетельствуют партийные и правительственные решения, указы, директивы, постановления. Их всегда приводят в качестве неоспоримого аргумента и первопричины, чтобы никто не сомневался в том, откуда все пошло.

Но, как известно, путь от идеи до ее реализации долг и тернист. Сложности начинались тогда, когда возникал вопрос «как делать?» Оказывается, нужны были постоянно расходуемые и восполняемые вооружение, боеприпасы, продовольствие, снаряжение, каналы связи, специалисты-профессионалы (командиры, разведчики, минеры, радисты, медики, переводчики) и многое другое. Требовалась и агентурная сеть в том районе, где будут действовать партизаны, контрразведывательное обеспечение. Но как раз об этом в директивах и постановлениях не было ни слова. И специалистов тоже не было. Их репрессировали перед войной.

Вчерашний председатель сельского совета или колхоза, еще совсем недавно нацеленный на поставки продовольствия, посевную и уборочную кампании, решением партийного органа назначенный командиром партизанского формирования, не годился для решения указанных задач. Он не знал азов военного и партизанского дела,

разведки и контрразведки. Этому так сразу не научишься. И даже если он был убежденным коммунистом, патриотом, по-боевому настроенным и семи пядей во лбу, такое решение нельзя считать верным. Оно скорее являлось преступным.

В лучшем случае некомпетентное руководство вело к пассивности партизанского формирования, окопавшегося в глубоком лесу без средств связи, месяцами ничего не предпринимавшего ни для разведки противника, ни для диверсий. А кормили его местные жители реквизированными у них продуктами, посылая проклятия в спину таким «защитникам».

В худшем же случае из-за некомпетентного руководства партизанское формирование несло бессмысленные потери в личном составе и быстро разваливалось.

* * *

Развертыванием партизанских формирований занимались и партийные, и государственные, и военные органы. Соответственно, из-за отсутствия до мая 1942 года единого центрального руководства, они подчинялись тем органам, которые их создавали. Это штабы партизанского движения при территориальных партийных органах и фронтовом командовании, военные советы фронтов и армий, обкомы партии, Народный комиссариат внутренних дел, Главное разведывательное управление Генерального штаба РККА.

Так, в докладной записке НКВД УССР от 6 марта 1942 г. в Военный совет Юго-Западного направления отмечалось, что «партизанскими формированиями занимаются НКВД УССР, политотделы, разведотделы и особые отделы армий, оперативные группы ЦК компартии Украины. На линии фронта имеется большое скопление различных представителей от всех указанных организаций, которые работают вразнобой и мешают друг другу».

Рассмотрим в данной связи ту роль, которую играл в развертывании партизанского движения Народный ко-

миссариат внутренних дел. По мнению автора, ее сразу же следует определить как ключевую.

К сожалению, ранее столь откровенно не говорили. Ведь именно это утверждала немецкая пропаганда. Соглашаться с противником было просто невозможно. И вообще дико звучало, поскольку речь шла о «ВОЙНЕ НАРОДНОЙ!» Вот никто и не соглашался ни во время войны, ни после нее, ни сейчас. Все лавры было принято отдавать партии.

Напомним, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел под руководством Л.П. Берия (1899—1953). А 4 апреля 1943 г. по решению Президиума Верховного Совета СССР вновь был образован НКГБ во главе с В.Н. Меркуловым.

* * *

Именно органы и войска НКВД (пограничные, внутренние и другие) сыграли ведущую роль в развертывании партизанского движения, создании отрядов и диверсионных групп на первом этапе партизанской борьбы, т.е. до мая 1942 г.

Следует отметить, что рассмотрение общих для всех войск НКВД задач (от призыва в войска до вопросов финансирования) поручалось Главному управлению пограничных войск (ГУПВ), как сложившемуся старому и опытному аппарату. И хотя 28 апреля 1942 г. было создано Главное управление внутренних войск НКВД СССР, до мая 1943 г. (когда было сформировано Главное управление по охране тыла фронтов действующей Красной Армии) управление войсками по охране тыла также осуществлялось через ГУПВ.

В связи с этим практически невозможно провести четкую грань между пограничными и внутренними войсками при определении степени их участия в развертывании партизанского движения, по крайней мере, до мая 1942 г.

С первых дней войны в работу по созданию партизанских формирований включились органы госбезопасности. В частности, перед работниками НКГБ, переводившимися на нелегальное положение, в качестве основной ставилась задача организовывать совместно с НКВД партизанские отряды и диверсионные группы для активной борьбы с врагом на занятой им территории.

Была также создана Особая группа для осуществления разведывательно-диверсионной работы, в том числе в прифронтовом вражеском тылу. В октябре 1941 г. вместо нее создали самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР.

Вот что пишет по этому поводу в своей книге «Разведка и Кремль» бывший руководитель Особой группы П.А. Судоплатов (1907—1996):

«В первый же день войны мне было поручено возглавить всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии по линии советских органов госбезопасности. Для этого в НКВД было сформировано специальное подразделение — Особая группа при наркомате внутренних дел. Приказом по наркомату мое назначение начальником группы было оформлено 5 июля 1941 г. Моими заместителями были Эйтингон, Мельников, Какучая.

Начальниками ведущих направлений по борьбе с немецкими вооруженными силами, вторгшимися в Прибалтику, Белоруссию и на Украину, стали Серебрянский, Маклярский, Дроздов, Гудимович, Орлов, Киселев, Маса, Лебедев, Тимашков, Мордвинов. Начальники всех служб и подразделений НКВД приказом по наркомату были обязаны оказывать Особой группе содействие людьми, техникой, вооружением для развертывания разведывательно-диверсионной работы в ближних и дальних тылах немецких войск.

Главными задачами Особой группы были: ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией,

руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника».

* * *

Оккупация немецко-фашистскими войсками значительной территории европейской части СССР потребовала от советских органов госбезопасности осуществления в более широких масштабах разведывательных и контрразведывательных мероприятий, развертывания диверсионной работы за линией фронта.

В августе 1941 г. существовавшие на основании приказа НКВД СССР от 25 июля 1941 г. оперативные группы НКВД—УНКВД республик, краев и областей по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе были реорганизованы в 4-ые отделы. На них возлагались следующие задачи:

- Организация и руководство боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп;
- Организация связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника;
- Организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп, разведка тыла противника и мест переправы партизанских отрядов;
- Обеспечение партизанских формирований оружием, боеприпасами, техникой, продовольствием и одеждой.

Начальник 4-го отдела отвечал за подготовительную и боевую деятельность партизанских формирований, координировал свои действия по организации партизанских отрядов, истребительных батальонов и диверсионных групп с особыми отделами НКВД, войсковым командованием и партийно-советскими органами по всем вопросам. Для более тесного контакта 4-го отдела УНКВД с

войсковым командованием ему предписывалось иметь своих представителей при штабах войсковых соединений (армии, фронта), расположенных на территории области.

18 января 1942 г. было создано 4-е Управление НКВД, которому подчинили одноименные отделы на местах. Его основной задачей являлось проведение специальной работы в тылу противника. Четвертые отделы и Четвертое управление занимались формированием и заброской в тыл противника оперативных и диверсионных групп.

На эти группы, помимо разведывательной и диверсионной работы, возлагались и такие задачи, как создание новых партизанских отрядов, установление связи с уже существующими в немецком тылу формированиями партизан и руководство ими.

Например, в Ленинградской области местные органы НКВД в конце июня и в июле 1941 г. сформировали и отправили на оккупированную территорию 6 партизанских полков, 30 отрядов и групп общей численностью 4800 человек.

Управление НКВД по Ленинградской области в соответствии с решением бюро обкома партии и задачами, стоявшими перед разведотделом, создало в июле 1941 г. несколько оперативных групп. Эти группы располагались на линии фронта, проходившей по территории Ленинградской области (Кингисепп, Луга, Шимск, Старая Русса). Каждая группа имела свой район действий на территории, занятой противником, и проводила все мероприятия в контакте с уполномоченными обкома партии и военным командованием прифронтовой полосы.

Например, с 17 по 20 августа 1941 г. только в Ленинграде были сформированы 19 партизанских отрядов из районных сотрудников НКВД общей численностью 650 человек. Отряды были вооружены, снабжены боеприпасами и продовольствием и направлены в тыл противника в районы, указанные штабом Северного фронта. Для установления связи с партизанскими отрядами в тыл противника были направлены 52 человека.

Следует отметить, что такая работа на местах была начата еще до создания Особой группы, оперативных групп и четвертых отделов. Так, на территории Белорусской ССР из числа работников центрального аппарата НКГБ и НКВД и курсантов межкраевых школ уже 26 июня 1941 г. формировались партизанские отряды в районах, частично занятых противником и прилегающих к фронтовой полосе, «с целью поднятия на борьбу с врагом всего населения».

Перед организованными партизанскими отрядами была поставлена задача:

«До занятия территории противником, в контакте с местными партийными, советскими, комсомольскими организациями и колхозным активом, используя все людские возможности и средства вооружения в районах, создать базы и очаги партизанского движения с последующим развертыванием активных действий по разгрому врага в случае занятия данной территории противником.

С занятием территории противником организованные партизанские отряды должны в первую очередь физически уничтожать людской состав немецкой армии и технику, проводить диверсионные акты путем взрыва мостов, железнодорожных узлов, обрыва связи, поджога важных объектов, которые мог использовать противник».

Уже к 26 июня (т.е. за трое суток) удалось организовать 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека (в том числе 539 оперативных и руководящих работников НКГБ, 623 работника НКВД). Личный состав этих отрядов был вооружен пистолетами, винтовками и гранатами. В каждом отряде было 2-3 ручных пулемета.

Одновременно из числа руководящего оперативного состава НКГБ и партийных работников сформировали 10 организаторских групп по 8-9 человек каждая. Их послали в сельские районы Полесской, Витебской, Минской и Гомельской областей для организации работы по созда-

нию партизанских отрядов, возглавить которые предписывалось руководящим оперативным или партийным работникам. Учитывалось, что в годы гражданской войны в этих районах существовало широкое партизанское движение. При занятии указанной территории противником на базе организаторских групп действительно возникали партизанские отряды.

По данным на первую половину сентября 1941 года, на территории Белорусской ССР, кроме ранее указанных 14 партизанских отрядов, были дополнительно организованы еще 18. Основной упор в своей деятельности эти партизанские отряды НКГБ—НКВД делали на уничтожение живой силы и техники врага. На их счету в первых боях были уничтоженные немецкие танки и бронемашинны, захваченные автомобили и мотоциклы, разгромленные немецкие посты и колонны. Отдельные отряды действовали в контакте с частями Красной Армии. По данным их разведки уничтожались артиллерийским огнем командные пункты противника.

Однако очень быстро активность этих партизанских отрядов снизилась. В докладной записке НКВД БССР о результатах разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника, направленной в НКВД СССР, отмечалось, что при организации партизанских отрядов допущены ошибки. Большинство отрядов полностью формировалось из сотрудников НКВД и милиции, без привлечения местных жителей. Имея задачу оставаться на территории, оккупированной противником, они не обеспечивались гражданской и теплой одеждой, достаточным вооружением. Не была создана продовольственная база, не установлена связь с партийно-советским активом, оставшимся для подпольной работы. В силу указанных причин отряды не могли развернуть партизанское движение, так как имели запас автономности по боеприпасам и продовольствию всего 2-3 недели. Кроме того, не была налажена связь командования с отрядами.

В дальнейшем, в процессе создания обкомами партии партизанских отрядов в Полесской, Пинской, Гомельской

и Витебской областях из числа местного партийно-советского актива, их руководящее ядро по-прежнему составляли оперативные сотрудники райотделов НКВД.

Одновременно НКВД БССР организовывал разведывательную и диверсионно-террористическую работу через свои резидентуры. Так, для организации подрывной деятельности на территории Белоруссии, занятой противником, кроме 73-х диверсионных резидентур Наркомат внутренних дел БССР создал специальную школу по подготовке диверсионных кадров.

В дальнейшем НКВД БССР в качестве основной задачи разведывательной работы в тылу противника определил установление связи и осуществление руководства действующими на территории Белоруссии партизанскими отрядами, диверсионными группами и диверсионно-разведывательными резидентурами, а также восстановление связи с бывшей внутренней агентурой, оставшейся на территории, занятой войсками противника.

По сути, органы госбезопасности БССР, прилагая усилия для активизации партизанского движения, взяли на себя в этот период функцию командования всеми партизанскими формированиями, с которыми удавалось установить связь. В январе—феврале 1942 г. для поддержания связи с действовавшими в тылу врага партизанскими отрядами и группами, подбора и подготовки новых кадров для действий в тылу противника, были созданы центральная и областные оперативные группы НКВД.

За период с февраля 1942 г. по июнь 1943 г. НКВД БССР направил в оккупированные районы Белоруссии 48 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 771 человек. Кроме того, с помощью подпольных обкомов и райкомов партии были созданы еще 11 диверсионных групп. Спецгруппы формировались из разведчиков и подрывников, имевших опыт боевой деятельности и прошедших спецподготовку в школах органов госбезопасности. Возглавляли группы опытные оперативные работники.

В несколько ином положении находились в 1941 году чекисты Украины. К осени враг захватил большую часть территории республики, но лишь в июле 1942 г. оккупировал ее полностью. Вновь созданные 4-ые отделы НКВД-УНКВД Украинской ССР и специальные опергруппы при штабах Юго-Западного и Южного фронтов, а также при штабах 6, 12, 18, 38, 40 и 56-й армий, действовавших на территории Украины, осуществляли повседневное руководство деятельностью истребительных батальонов, диверсионных групп и партизанских отрядов. Они же организовывали связь с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находившимися в тылу противника.

Зафронтовая деятельность строилась по трем направлениям: разведывательному, диверсионному и контрразведывательному, часто совмещаемым. Создавались небольшие партизанские отряды в количестве 20—40 человек. Они формировались в ближнем тылу и после подготовки забрасывались на оккупированную территорию.

Всего, как свидетельствуют архивные данные, в период с июня по сентябрь 1941 г. НКВД УССР подготовил и забросил в тыл врага 122 партизанских отряда общей численностью 5809 человек. Были оставлены при отступлении советских войск в тылу противника за указанный период еще 192 отряда, насчитывавшие 5440 человек. В это число не входят партизанские формирования, самостоятельно создававшиеся военнослужащими, оказавшимися в окружении, а также местными жителями.

В числе задач диверсионных групп и партизанских отрядов, направляемых в тыл противника, значились следующие: разрушение аэродромов; уничтожение самолетов, автомобилей, бронетехники, складов горючего, продовольствия и боеприпасов; поджог помещений, занятых частями противника; взрыв (поджог) железнодорожных и шоссейных мостов; порча железнодорожных путей и ор-

ганизация крушений поездов; террор против местных фашистских властей (комендантов, старост, полицейских) и т.д.

* * *

Аналогичным образом строили свою работу 4-ые отделы УНКВД Московской, Калининской, Тульской и других областей РСФСР в оккупированных противником районах. Например, в совместной записке Тульского обкома партии и УНКВД по Тульской области в ГКО и НКВД СССР о развертывании партизанской борьбы в тылу противника (к середине января 1942 г. советские войска совместно с партизанами очистили Тульскую область от оккупантов) отмечалось, что обком и УНКВД за период военных действий сформировали и перебросили в тыл врага 329 партизанских групп общей численностью 2150 человек.

В целом же в 1941 г. органы госбезопасности и внутренних дел СССР забросили в тыл противника свыше тысячи партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп общей численностью около 25 тысяч человек. Выполняя поставленные задачи, эти группы устанавливали связь с местными партизанскими отрядами, направляли и активизировали их деятельность.

В конце 1941 г. и начале 1942 г. продолжалось создание и заброска партизанских формирований в ближний тыл противника. 6 декабря 1941 г. появилось указание НКВД СССР «Об организации деятельности в тылу противника партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп». Это была первая с начала войны инструкция (а не директива) об организации партизанской борьбы во вражеском тылу. В последующем данная инструкция конкретизировалась в каждом регионе в соответствии с местными особенностями.

Основой для формирования партизанских отрядов по-прежнему являлись бойцы истребительных батальонов, оперативные работники НКВД и милиции, изъявившие готовность действовать в тылу противника, а также агенты органов госбезопасности. Подбор личного состава

производился совместно с секретарями райкомов партии. Партизанские отряды, как правило, формировались в количестве 25—30 человек. Они имели войсковую организацию. Руководство отряда составляли начальник отряда, военный комиссар и начальник штаба, кандидатуры которых персонально утверждались на заседании бюро райкома или обкома. Численность истребительных групп доходила до 15 человек, диверсионных была в пределах 4—5 человек.

Совершенно четко была определена подчиненность этих формирований: органы НКВД ведали организацией и руководили деятельностью партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп, формируемых из состава истребительных батальонов, сотрудников НКВД, милиции и пожарной охраны, лишь информируя о состоянии этой работы первого секретаря обкома либо ЦК компартии союзной республики.

Партизанские формирования имели основную задачу: «внезапными налетами и нападениями из засад уничтожать на важнейших коммуникациях живую силу, боевую технику, военные грузы и транспортные средства противника, дезорганизуя питание фронта». Иначе говоря, в рассматриваемый период наспех обученные партизанские формирования забрасывались в прифронтовую тыл противника для уничтожения в первую очередь его живой силы и техники, а в ряде случаев и для разведки боем. Они не имели ни баз для длительного оседания, ни связи с местным населением, ни агентурной сети.

Так, в отчете УНКВД по Ленинградской области о работе разведотдела управления с 22 июня 1941 г. по 7 февраля 1942 г., отмечается следующее. Разведотдел УНКВД всего сформировал 129 партизанских отрядов общей численностью 6394 человека. В незанятых районах были сформированы еще 158 партизанских отрядов численностью 5389 человек. В общей сложности удалось направить в тыл противника 287 партизанских отрядов общей численностью 11733 человека. Однако на 7 февраля 1942 г. из них осталось всего 60 партизанских отрядов численностью 1965 человек (около 17%). 64 парти-

занских отряда в количестве 2186 человек вышли из вражеского тыла и влились в состав частей Красной Армии. А 163 партизанских отряда численностью 7582 человека были потеряны за 6 месяцев войны. Их уничтожил противник либо они рассеялись под ударами вражеских частей.

К 31 марта 1942 г. на территории Орловской области действовали 43 партизанских отряда, сформированных по линии НКВД, общей численностью 9995 человек. Аналогичная картина складывалась на территории Смоленской области. К 1 мая 1942 г. здесь была установлена связь с 40 действующими партизанскими отрядами общей численностью 15520 человек. Они состояли из местного населения, действовали под руководством сотрудников НКВД или работников местных партийных и советских органов.

Четыре крупных партизанских отряда подчинялись командованию Красной Армии. Они были укомплектованы в основном военнослужащими, оказавшимися в окружении. Одним из них («Смерть фашизму») численностью 1608 человек командовал бывший пограничник капитан В.В. Жабо. Кроме того, на территории Смоленской области действовали 8 партизанских отрядов, организованных НКВД СССР.

Таким образом, приоритет НКВД в создании партизанских отрядов в первый год войны очевиден. Особенно хорошо это видно на примере деятельности НКВД УССР. Так, с 1 августа до 1 ноября 1941 г. центральный аппарат НКВД УССР и областные управления наркомата сформировали, подготовили и забросили в тыл противника 1724 партизанских формирования общей численностью 28188 человек (в среднем, по 17—18 человек в каждом). Иначе говоря, более 80 процентов всех партизанских отрядов на территории Украины сформировал НКВД УССР! Кроме того, там действовали еще пять партизанских отрядов, организованных НКВД СССР.

А с 1 ноября 1941 г. по 1 марта 1942 г. 4-й отдел НКВД УССР в связи с началом наступательной операции Юго-Западного фронта вооружил и переправил в

тыл противника еще 150 партизанских формирований общей численностью 1119 человек (в среднем, по 7—8 человек в каждом). Кроме того, на случай вынужденного отхода частей Красной Армии с территории Ворошиловградской области были сформированы 120 партизанских отрядов общей численностью 1828 человек и 297 подпольных диверсионно-террористических групп на важнейших объектах и железнодорожных узлах.

Рассматривая общие учетные данные, известный исследователь партизанской войны В.Н. Андрианов писал, что на Украине с августа 1941 г. по 26 июля 1942 г. органы госбезопасности оставили в тылу врага и перебросили туда 778 партизанских отрядов и 622 диверсионные группы общей численностью 28753 человека. Однако по состоянию на 25 августа 1942 г. из этих 778 отрядов поддерживалась связь только с 216. Этот факт свидетельствует, во-первых, о больших потерях, а во-вторых, о степени подчиненности партизанских отрядов НКВД.

Если взять соотношение отрядов, подчиненных органам НКВД СССР и УССР, с отрядами других организаций в динамике, а их только так и следует брать, то получается, что первые в сентябре 1941 г. составляли около 37 процентов от общего числа, в октябре — 50, а к маю 1942 г. уже 90 процентов!

Общая картина такова. По подсчетам автора, на февраль 1942 г. органы НКВД СССР совместно с партийными органами прифронтовых областей и республик* оставили для действий в тылу врага 1600 партизанских отрядов численностью 27 тысяч человек и 500 диверсионных групп численностью 2250 человек.

Кроме того, во второй половине 1941 г. были подготовлены в прифронтовой полосе из числа бойцов истребительных батальонов и местного партийно-советского актива и переброшены в тыл противника еще 198 партизанских отрядов общей численностью 43796 человек и

---

* Калининской, Курской, Ленинградской, Московской, Орловской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Тульской областей; Белорусской, Карело-Финской, Украинской ССР.

1033 диверсионные группы численностью 4893 бойца-подрывника. Таким образом, за указанный период общая численность патриотов, переправленных в тыл врага в составе партизанских отрядов и диверсионных групп, составила 77939 человек.

Если исходить из того, что в течение 1941 года общее число партизан на оккупированной территории составило около 90 тысяч человек, а партизанских отрядов — до 2 тысяч, то получается, что 90 процентов партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп было подготовлено и оставлено в тылу врага или переброшено туда органами НКВД-НКГБ. Они же и руководили ими.

* * *

Органы госбезопасности занимались формированием партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп не только на западе, в районе боевых действий, но и на востоке. Несомненно, что многих потерь удалось бы избежать, успешнее складывалась бы диверсионно-разведывательная деятельность во вражеском тылу, эффективнее была бы партизанская борьба, если бы до начала войны в западных регионах страны удалось выполнить оптимальный комплекс мероприятий, подобный тому, который был осуществлен на востоке страны всего за два месяца и двенадцать дней.

Эта работа заключалась в создании партизанских отрядов для действий в тылу противника на советской территории, в случае ее оккупации, с задачами разрушения коммуникаций врага (японской армии) и объектов, имеющих важное военное значение.

Результатом стало создание в Читинской области 14 партизанских отрядов численностью 840 человек. Они состояли из старого партизанского актива и молодежи, партийно-комсомольского актива. Специально отобранный руководящий состав отрядов прошел в г. Чите подготовку по подрывному делу, освоению оружия и тактике партизанской войны. Были разработаны планы действия каждого отряда, очерчены районы операций, подобраны

пункты укрытия в тайге, разработан порядок пополнения и снабжения отрядов боеприпасами, установлены пункты сбора личного состава партизанских отрядов. Были также созданы 15 групп численностью 65 человек для диверсионных действий на территории СССР в случае временного занятия ее противником.

Аналогичную работу провели УНКВД Хабаровского и Приморского края. Всего же по данным на 10 октября 1941 г. были сформированы 123 партизанских отряда численностью 16440 человек.

* * *

В 1942 г. органы госбезопасности и внутренних дел, армейские разведорганы передали руководство боевой деятельностью большинства подчиненных им партизанских формирований республиканским и областным штабам партизанского движения. Сами же они сосредоточили основные усилия на контрразведывательной деятельности, а также на выполнении разведывательных и специальных заданий в тылу противника.

Так, в указании НКВД УССР от 7 июля 1942 г. о передаче партизанских отрядов Украинскому штабу партизанского движения отмечалось, что в связи с выделением этой отрасли работы из системы НКВД, следует немедленно передать начальникам соответствующих оперативных групп, фронтов и армий все партизанские отряды, как находящиеся на линии фронта, так и действующие в тылу противника. Одновременно с этим передать находящиеся в опергруппах и предназначенные для партизан вооружение, боеприпасы, снаряжение и обмундирование, запасы продовольствия, личные дела и списки состава всех партизанских отрядов, всех курьеров-связников и подрывников, подготовленных для выброски в партизанские отряды.

Но и после 7 июля 1942 г. на базе партизанских отрядов закреплялись специальные оперативные группы органов госбезопасности, имевшие радиосвязь с центром, осуществлявшие контрразведывательную, разведыватель-

ную и диверсионную деятельность. В годы Великой Отечественной войны под «крышей» партизан, под «флагом» партизанских формирований в разное время работали большинство из 2222 таких групп. Из них 244 числились за 4-м Управлением, а остальные за 4-ми отделами территориальных органов. 20 опергрупп действовали по заданиям военной контрразведки. За всю войну от этих опергрупп поступило 4418 разведывательных сообщений, из них 1358 в Разведуправление Генштаба Красной Армии, 619 — командующему авиацией дальнего действия и 420 — командующим фронтами.

* * *

Кстати говоря, в январе 1943 г. начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко направил Сталину записку о необходимости подготовки в Хабаровском крае 200 партизанских отрядов общей численностью 8 тысяч человек для действий на территории Хабаровского края в случае возникновения войны на Дальнем Востоке.

В завершение ранее начатой работы эти партизанские отряды укомплектовали личным составом из рабочих, служащих, колхозников, изъявивших желание действовать в тылу противника, а также зачислили в них 717 бывших красных партизан периода гражданской войны. Кандидатуры командиров отрядов утвердил Хабаровский крайком партии. Партийно-комсомольский актив составлял в них 2309 человек.

Эта работа проводилась на основании инструкции «О формировании и боевом использовании партизанских отрядов Хабаровского края», разработанной краевым УНКВД совместно с крайкомом партии. Начальники областных, городских, районных и транспортных органов НКВД в процессе работы обязаны были ежемесячно представлять сведения по партизанским отрядам в 4-й отдел УНКВД.

Командиров партизанских отрядов, заместителей командиров по политической части и по разведке, 4-й от-

дел Хабаровского УНКВД привлек на 20-дневные сборы в специально созданной школе. Были определены места дислокации и подготовлены 102 материально-продовольственные базы. Смета расходов на приобретение 20-дневного запаса продовольствия, обмундирования, взрывчатых веществ, медико-санитарного имущества, строительство таежных баз и подготовку кадров для формирования партизанских отрядов в Хабаровском крае (из расчета 200 отрядов с личным составом 8 тысяч человек, 1 тысяча лошадей) составила около 33 миллионов рублей.*

Так что и после передачи партизанских отрядов, созданных по линии НКВД на театрах военных действий республиканским штабам партизанского движения, в тех регионах, где ожидалось или прогнозировались подобные военные действия (а это уже 1943 г.), организация партизанской борьбы оставалась в ведении НКВД—НКГБ.

* * *

Не ставя под сомнение необходимость централизованного руководства партизанским движением и положительный эффект, полученный в результате создания ЦШПД и других ШПД, вряд ли можно признать целесообразным резкий отход в 1942 году органов НКВД от организаторской и руководящей деятельности в отношении партизанских формирований.

Органы госбезопасности и после передачи этих своих функций ЦШПД до конца войны продолжали принимать в партизанской борьбе самое деятельное участие, решая свои специальные задачи. Так зачем надо было передавать партизанские силы под эгиду политического руководства, а после этого вкраплять в него профессионалов (командный состав, разведчиков, контрразведчиков и др.)?

Интересно обратиться в данной связи к мнению противника о партизанском движении. Так, в августе 1943 г.

---

* По данным бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма, ныне РЦХИДНИ.

немцы правильно считали, что в начале войны руководство партизанским движением находилось в руках НКВД. Лишь потом оно приобрело тенденцию подчиненности Красной Армии со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Германское командование было неплохо информировано о подготовке к партизанской войне, которая велась в СССР в 30-ые годы, справедливо полагая, что «использование партизан является испытанным и известным средством во внутривойсковых и внешнеполитических столкновениях русского народа». Однако оно не имело точных данных о том, что эта деятельность в последние предвоенные годы была полностью свернута, а партизанские кадры репрессированы. Зато они видели, что из-за своей несогласованности и непрофессионализма действия партизан в 1941—42 гг. не представляли серьезной опасности для вермахта, не могли существенно влиять на ход военных действий, мешать продвижению в глубь России германской военной машины.

Многочисленные свидетельства немецких солдат и офицеров о боевых выступлениях партизан, которыми так богата литература советского периода, не опровергают этот факт, а лишь говорят о деморализующем влиянии партизанских выступлений, но не об их ударном значении.

* * *

Очевиден тот факт, что руководство НКВД сыграло в ряде случаев и негативную роль в работе по развертыванию партизанской борьбы. Например, оно долго сопротивлялось созданию штабов партизанского движения. Так, в служебной записке, которую Л.П. Берия направил Сталину, доказывалась нецелесообразность создания Центрального штаба партизанского движения.

Мотивировалось это тем, что стихийные и разрозненные партизанские выступления якобы не могут быть охвачены руководством, да и вряд ли в нем нуждаются. Высказывались сомнения в том, что партизанские диверсии могут дать оперативный эффект. Подчеркивалось,

что подобные операции под силу лишь квалифицированным диверсантам, для подготовки и руководства которыми специальный штаб не нужен. Утверждалось, что с подобного рода обязанностями НКВД справится самостоятельно. И эту линию тогда удалось провести. А когда в ноябре 1941 г. был все же создан Центральный штаб партизанского движения, Л.П. Берия вскоре под разными предлогами арестовал ряд его сотрудников. Вновь к созданию ЦШПД вернулись лишь в мае 1942 г.

Как отмечает В.Н. Адрианов, в годы войны, в силу неподготовленности органов госбезопасности к использованию партизанских форм борьбы, было много трудностей и недостатков в области взаимодействия разведывательных сил за линией фронта. Например, к началу войны существовала инструкция о взаимоотношениях разведывательных органов НКГБ, погранвойск НКВД, НКО и НКВМФ, введенная в действие приказом от 29 апреля 1941 г. Она определяла порядок обмена разведывательными сведениями между разведорганами различных ведомств, порядок подготовки и организации переброски агентуры через границу. Однако она не предусматривала никакого взаимодействия в условиях военного времени.

В ходе войны эту задачу приходилось решать в тяжелых условиях ожесточенных оборонительных сражений и отступления войск в глубину страны. Органам госбезопасности способствовало в организации взаимодействия с партизанами по части разведывательной работы то обстоятельство, что до лета 1942 г. на них возлагалось общее руководство оперативной и боевой деятельностью партизанских отрядов. Когда же партизанские отряды перешли в подчинение Центральному и республиканским штабам партизанского движения, возникли многие сложности.

Ряд грубых просчетов и ошибок явился следствием ошибочных действий аппарата руководства НКВД, продиктованных ведомственными интересами, стремлением обеспечить не только проникновение во все доступные сферы по линии безопасности, но и линию влияния, если не руководства.

Так, на Украине в июле 1942 г. при выделении партизанских отрядов из системы органов внутренних дел вся агентура, действовавшая в тылу врага, и оперативный состав, работавший с этой агентурой, остались закрепленными за 4-м отделом НКВД республики. Аналогично Карельский ШПД и руководимые им партизанские формирования остались без агентурной сети и специалистов-разведчиков. Из 13 партизанских отрядов только в одном остался заместитель по разведке, да и то малоопытный работник. Все остальные заместители командиров по разведке были отозваны в распоряжение НКВД республики. Ранее добытые через агентуру и разведгруппы данные о противнике также остались в НКВД КФССР. Карельский ШПД и партизанские силы республики были поставлены в тяжелое положение, их база разведывательной работы крайне сузилась. Такой местнический подход не только мешал взаимодействию разведывательных сил, но и снижал результативность их работы.

Много усилий потребовалось приложить партизанам Карелии, чтобы снова наладить разведывательную работу после «реформ», проведенных летом 1942 г. Только в 1943 г. разведка карельских партизан снова получила возможность добывать подробные данные о дислокации и составе сил противника.

Если при этом учесть, что партизанские силы использовались преимущественно не для диверсий на вражеских коммуникациях, а для борьбы с регулярными частями немецких войск, то становится ясно, почему спустя год после начала войны партизанская борьба все еще не получила должного размаха.

* * *

С позиций теории партизанской войны нельзя буквально воспринимать утверждение зарубежных историков об инспирировании кем бы то ни было партизанского движения. Это сложный социальный процесс, захватывавший широкие слои народных масс. Речь может идти не об инспирировании, а лишь о том, чтобы возглавить

партизанское движение, внести в него сознательность, придать ему организованность и целенаправленность, обеспечить управляемость и подчиненность решению главной задачи.

Десятки тысяч советских людей готовы были идти добровольцами в тыл врага. Но одного патриотического желания для успешной борьбы за линией фронта явно недостаточно. Необходима соответствующая специальная подготовка, знание методов и приемов боевой, диверсионной и разведывательной деятельности. Во главе партизанских формирований должны стоять опытные и умелые организаторы-практики, усвоившие теорию партизанской войны, ее идеологию.

Между тем большая тяжесть организации партизанского движения в тылу врага легла на местные органы власти, которые не могли решать эти специфические вопросы самостоятельно, без помощи органов госбезопасности и внутренних дел. Как распределялись функции между ними, мы видели выше.

Партизанские силы с первых дней войны стали ощущать острый недостаток в минерах, радистах и других специалистах. Их подготовка была возложена на органы госбезопасности и внутренних дел. Они же снабжали создаваемые партизанские отряды и диверсионные группы оружием, боеприпасами, радиосредствами и прочим.

В начале войны слабо был подготовлен для боевой деятельности и личный состав НКВД, оставленный в тылу врага. Тем более не приходится говорить о профессиональной пригодности командиров партизанских отрядов, назначенных из числа секретарей райкомов, председателей районных и сельских советов, председателей колхозов, директоров совхозов и МТС, не имевших специальной и военной подготовки и опиравшихся лишь на авторитет прежней своей должности. Практически до начала 1942 г. шла массовая отправка в тыл врага неподготовленных и необеспеченных партизанских формирований.

В этой связи неправильным, на наш взгляд, является чрезмерный упор некоторых исследователей на массо-

вость партизанского движения уже в первые месяцы войны. Таковым оно еще не стало и к лету 1942 года. Подобный подход лишь затушевывает допущенные ошибки и просчеты, гарантируя тем самым их повторение.

Только при тесной совместной работе органов НКВД и органов исполнительной власти, единстве организаторских и политических усилий, можно было внести в партизанское движение сознательность и организованность. В то же время недооценка теории и идеологии партизанской войны, вынужденная необходимость добиваться поставленных целей методом проб и ошибок привели к многочисленным неоправданным жертвам среди партизан в первый год войны.

Больших потерь партизанских сил, имевших место в 1941—1942 гг., можно было избежать, если бы в Ставке, в ГКО и в НКВД с самого начала понимали, что квалифицированные диверсанты не могут стать альтернативой партизанским силам. Позиция реалистов восторжествовала лишь в 1943 г., когда в партизанскую борьбу стал целенаправленно привноситься профессионализм, и когда всю боевые действия партизан наконец подчинили интересам армии.

Анализ деятельности органов НКВД по развертыванию партизанского движения в период с июня 1941 г. по июль 1942 г. позволяет отметить следующее. Органы госбезопасности и внутренних дел, действовавшие совместно с республиканскими и местными партийными организациями, сыграли главную роль в организации партизанской борьбы, создании партизанских формирований на оккупированной врагом территории в первый год войны. Это касается всех аспектов: подбора кадров, комплектования партизанских отрядов, их материального обеспечения, оперативного использования и т.п.

В течение года с начала войны органы НКВД фактически руководили боевой деятельностью сформированных ими (либо с их участием) партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп, а также тех стихийно возникших отрядов из «окруженцев» и местного населения, с которыми удалось установить связь. Они же зани-

мались подготовкой кадров разведчиков, диверсантов, связников, радистов и других специалистов для работы во вражеском тылу. Подавляющее большинство всех формирований, оставленных в тылу врага или переброшенных за линию фронта, находилось в оперативном подчинении органов госбезопасности и внутренних дел.

Данный исторический опыт указывает путь достижения эффективности партизанской борьбы, который лежит прежде всего в соединении партизанского движения с профессионализмом.

Глава 5. Основа партизанских сил: «истребители»

Итак, организацией партизанских отрядов занимались различные ведомства и структуры, но ведущую роль в данном процессе играли органы НКВД-НКГБ. При этом основой (базой) для формирования партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп до мая 1942 г. являлись истребительные отряды и батальоны.

Начало их созданию положили постановление СНК от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от того же числа «О мероприятиях по борьбе с диверсантами и парашютистами». Управление истребительными батальонами, их боевая подготовка, оперативное использование в борьбе с вражескими парашютными десантами и диверсантами возлагались на НКВД СССР и его местные органы.

В НКВД СССР был образован штаб истребительных батальонов, а в НКВД-УНКВД Белорусской, Украинской, Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Грузинской ССР, Крымской АССР, Ленинграда и Ленинградской области, Мурманской, Калининской, Ростовской областей и Краснодарского края — оперативные группы. Начальниками истребительных батальонов назначались оперативные сотрудники орга-

нов НКВД и милиции, командный состав пограничных и внутренних войск.

Вопросы комплектования, политического и материального обеспечения истребительных батальонов решались в тесном взаимодействии с партийными органами прифронтовых областей и районов, объявленных на военном положении.

На Украине, по данным штаба истребительных батальонов НКВД СССР на 19 июля 1941 г., в 12 областях — Ворошиловградской, Днепропетровской, Житомирской, Запорожской, Каменец-Подольской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Херсонской, Черниговской и в г. Киеве, были сформированы 533 истребительных батальонов численностью 105252 человек.

Несмотря на быстрое продвижение немецких войск по территории Белоруссии, к 19 июля 1941 г. здесь действовали 78 истребительных батальонов, в которых состояли около 13 тысяч человек.

В Прибалтике оперативная группа НКВД по руководству истребительными батальонами была создана при управлении Прибалтийского пограничного округа. Возглавил ее начальник войск округа генерал-майор К.И. Ракутин. Впоследствии эти обязанности возложили на заместителя начальника штаба войск округа подполковника О.М. Окоева, затем — на начальника физподготовки округа капитана М.Ф. Пастернака. Комиссаром оперативной группы назначили секретаря ЦК Компартии Эстонии Ф.В. Окка.

Для руководства истребительными батальонами пограничный округ выделил более 50 опытных офицеров и около 200 сержантов. Комиссарами батальонов назначались политработники войск округа, а также местные партийные работники. Благодаря большому количеству добровольцев, первоначальный расчетный состав истребительных батальонов (200 человек) в ряде формирований был значительно превышен. К середине июля только на территории Эстонии удалось создать 27 батальонов общей численностью 8990 бойцов. Командирами более чем половины из них являлись офицеры-пограничники.

Личный состав батальонов в своей основной массе не был подготовлен к выполнению тех обязанностей, которые он добровольно брал на себя. Большинство совершенно не владело огнестрельным оружием. Поэтому прибывшие из погранвойск сержанты, рядовые и офицеры оказались весьма кстати для организации и обучения личного состава. Пограничные отряды предоставили истребительным батальонам учебную базу в Таллинне, Раквере, Хаапсалу, Кингисеппе, Нарве.

В Ленинградской области и Ленинграде были сформированы 168 истребительных батальонов, в которые вступили 36 тысяч добровольцев. Кроме истребительных батальонов, в Ленинграде сформировали 6 истребительных полков общей численностью 5 тысяч бойцов.

В Карело-Финской ССР комплектование истребительных батальонов проводили военные отделы горкомов и райкомов партии совместно с городскими и районными отделами НКВД. К началу июля во всех районах республики были организованы 38 истребительных батальонов общей численностью 3315 человек. К осени в них насчитывалось уже 5650 человек. Командирами батальонов, наряду с офицерами-пограничниками и сотрудниками НКВД, назначались также ответственные партработники.

В истребительных батальонах Мурманской области насчитывалось 3539 человек. Здесь наряду с батальонами создавались отдельные истребительные роты.

В Московской области к 15 июля 1941 г. были сформированы 87 истребительных батальонов общей численностью 41 тысяча человек. В Москве имелось 25 батальонов, насчитывавших 12,5 тысяч бойцов. Аналогичная работа успешно проводилась в Тульской области (91 истребительный батальон — 9100 человек), Курской области (истребительные батальоны были созданы во всех районах и насчитывали 10650 человек).

В Сталинградской области при управлении НКВД создали оперативную группу, а затем сформировали штаб истребительных батальонов области. К началу 1942 г. здесь насчитывалось 77 истребительных батальонов численностью 9,5 тысяч человек. К августу 1942 г., когда

враг подходил к Сталинграду, в области насчитывалось 82 истребительных батальона численностью 10620 человек.

К концу июля 1941 г., главным образом в прифронтовой полосе, действовали 1775 истребительных батальонов общей численностью 328 тысяч человек, подчиненных в оперативном отношении НКВД. Это и был тот резерв, за счет которого с августа 1941 г. (с преобразованием оперативных групп НКВД по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в 4-ые отделы) шло создание партизанских отрядов и диверсионных групп.

Уже 3 июля 1941 г. Ленинградский обком партии провел совещания секретарей сельских райкомов партии и командиров истребительных батальонов в Пскове, Кингисппе, Дне и Ленинграде. Участники совещаний получили указания по организации борьбы в тылу врага. Истребительным батальонам предлагалось в случае захвата их района противником оставаться в районе и переходить к партизанским действиям. Но условия для этого заблаговременно созданы не были, поэтому часть истребительных батальонов самоликвидировалась.

Формированием партизанских отрядов и диверсионных групп из бойцов истребительных отрядов, работников НКВД и милиции занимались также управления внутренних дел Горьковской, Ярославской, Тульской, Калининской областей.

Во время обороны Москвы в Подмоскowie действовали 41 партизанский отряд и 377 истребительно-диверсионных групп, сформированных из личного состава истребительных батальонов. В Орловской области из созданных 75 истребительных батальонов 72 были переформированы в партизанские отряды и диверсионные группы, насчитывавшие 4,5 тысяч человек.

* * *

Типичны мероприятия, проводившиеся на Украине. В директиве НКВД республики от 14 августа «Об организации в тылу противника партизанского движения, ди-

версионной и разведывательной работы» и в указаниях НКВД СССР по подготовке к борьбе с оккупантами партизанскими методами от 16 сентября 1941 г. отмечалось, что «ядром вновь формируемых партизанских отрядов должны стать истребительные батальоны».

В Киеве до начала оккупации были созданы на базе истребительных батальонов, партийно-советского актива и сотрудников НКВД 11 партизанских отрядов и 2 полка общей численностью 4076 человек. В Киевской области из бойцов истребительных батальонов создали 24 партизанских отряда. Всего из 62 действовавших истребительных батальонов в Киеве и области в партизанские отряды переформировали 35 отрядов (57 процентов). В ряде районов Украины, например, на Черниговщине, истребительные батальоны полностью вливались в партизанские отряды.

29 августа начальник республиканского управления по организации и руководству партизанскими отрядами, диверсионными группами и истребительными батальонами Т.А. Строкач (1903—1963) сообщал в штаб истребительных батальонов НКВД СССР:

«Во всех не оккупированных областях истребительные батальоны готовятся к боевым действиям партизанскими методами в тылу противника. Из состава истребительных батальонов, как основной базы формирования партизанских отрядов и диверсионных групп, по десяти областям Украины сформировано 66 партизанских отрядов и 800 групп общей численностью 414390 человек». К 1 января 1942 г. НКВД УССР дополнительно направил в тыл врага для комплектования партизанских отрядов 6239 командиров и бойцов истребительных батальонов.

На территории Украины к партизанским действиям в первый год войны приступили 109 истребительных батальонов. В Ленинградской области — 25. Примерно такая же картина наблюдалась в Прибалтике, Белоруссии, прифронтовых областях Российской Федерации.

Если исходить из того, что общая численность партизанских формирований, созданных в течение 6 месяцев 1941 года составляла около 90 тысяч человек, то более чем четвертая их часть (около 28 процентов) приходится

на бойцов истребительных батальонов, перестроенных в партизанские отряды и группы. Их общее количество превышало 25 тысяч человек.

* * *

Как уже сказано выше, в истребительных батальонах было немало людей, которые никогда не держали в руках оружия. В связи с этим без отрыва от производственной деятельности проводилась боевая подготовка. Отрабатывались вопросы обороны и наступления (в составе взвода, роты, батальона), преследования отходящего противника, организации его поиска по следам. Особое внимание обращалось на подготовку бойцов истребительных групп, которым предстояло действовать в тылу врага.

Так, штаб истребительных батальонов управления НКВД Москвы и области (начальник штаба полковник И.М. Леонтьев) в сентябре 1941 г. провел 15-дневный семинар с начальниками штабов и командирами рот по 150-часовой программе. На трех семинарских сборах подготовили 500 снайперов. Еще 100 человек получили звания инструкторов рукопашного боя, а 1500 — истребителей танков. На различных сборах было подготовлено 410 подрывников. Специально проводились тренировки в длительных походах с полной боевой выкладкой, обучение бесшумному снятию часовых, изучался порядок подхода к складам, мостам, штабам и т.д. Отрабатывались приемы и способы уничтожения техники противника. Занятия проходили, как правило, в ночное время.

Оперативная группа ЦК компартии Украины приняла решение о развертывании в специальных учебных центрах работы по подготовке руководителей партизанского движения, специалистов связи, минеров, разведчиков, истребителей танков. Была разработана специальная программа. В нее вошли такие предметы, как тактика действий партизанских отрядов и диверсионных групп, стрелковое дело, изучение трофейного оружия, организация разведки и контрразведки, методы и приемы уничтожения боевой техники врага с применением современных подрывных средств, идейно-политическая работа среди

партизан и местного населения на оккупированной территории.

Первая спецшкола стала действовать в середине июля в поселке Пуща-Водица под Киевом. Вскоре такие же учебные заведения были открыты в Чернигове, Полтаве, Харькове, Сумах, Сталино, Ворошиловграде и других местах. В истребительных батальонах проводились занятия по программе этих спецшкол.

Предварительная начальная подготовка бойцов истребительных батальонов, безусловно, сыграла свою положительную роль. Боевая готовность и сплоченность партизанских формирований, созданных на базе истребительных батальонов и участвовавших в боевых операциях, была на порядок выше вновь организованных, личный состав которых не был обстрелян. Например, ядром партизанского отряда из города Путивля, которым командовал прославившийся позже на Украине С.А. Ковпак (1887—1967), были бойцы городского истребительного батальона. Из бойцов истребительного батальона города Запорожья был создан партизанский отряд им. С.М. Буденного, которым командовал оперуполномоченный отдела милиции, впоследствии Герой Советского Союза И.И. Копенкин. Его отряд неоднократно переходил линию фронта и провел ряд успешных операций во вражеском тылу.

Для оценки действий истребительных отрядов в ближнем прифронтовом тылу противника приведем в качестве примера несколько цифр из отчета Московского обкома партии о деятельности истребительных батальонов и диверсионно-партизанских отрядов по данным на 25 января 1942 г. Согласно им, в Московской области с августа 1941 г. по январь 1942 г. в тылу противника действовали 5429 человек. Они уничтожили 2014 вражеских солдат и офицеров, 76 грузовых и легковых автомашин, 30 танков и бронемашин, 14 орудий, 31 пулемет, захватили 500 винтовок, 14 автоматов.*

---

* Сведения о вражеских потерях, приводимые в различных отчетах и справках партийных органов, командования РККА и партизанских формирований, следует оценивать весьма скептически. Как правило, они значительно завышены. — *Прим. ред.*

Использование добровольческих истребительных батальонов и полков для развертывания партизанской борьбы еще раз убедительно свидетельствует о ведущей роли Народного комиссариата внутренних дел в развертывании партизанского движения вплоть до создания в мае 1942 г. Центрального штаба партизанского движения.

Первоначально эти добровольческие формирования, во главе которых стояли офицеры пограничных и внутренних войск, предназначались для борьбы с диверсионно-разведывательными группами противника в прифронтовой полосе. Но вскоре истребительные батальоны стали основным резервом для создания партизанских групп и отрядов. Будучи сплоченными, обученными и обстрелянными, по своей боеготовности они оказались на порядок выше тех отрядов и групп, которые изначально создавались как партизанские формирования.

Глава 6. Партизанский резерв: «окруженцы»

В плен или в партизаны? Для бойцов и командиров РККА, оказавшихся в окружении, этот вопрос был далеко не риторическим.

Заметим, что архивы Министерства обороны до сих пор не располагают точными данными о численности красноармейцев, оказавшихся в плену. Как едко замечено, действовала и действует «спасительная» графа «без вести пропавшие». Между тем, по данным немецких архивов общее число советских военнопленных за время войны превысило 5,7 миллионов человек!

Особенно трудным для пленных был первый год войны: лагеря под открытым небом, голод и холод, отсутствие медицинской помощи, расстрелы коммунистов, комиссаров, евреев, больных и раненых. Их положение было настолько ужасным, что даже Альфред Розенберг, нацистский министр «восточных территорий», жаловался

фельдмаршалу Кейтелю в феврале 1942 года: из 3,6 миллионов пленных красноармейцев только несколько сот тысяч способны работать. Подавляющее большинство из них погибло.

Руководство СССР заняло преступную позицию по отношению к своим гражданам, оказавшимся в плену. Предложения Международного Красного Креста организовать помощь пленным оно отвергло. Сталин сказал: «Нет русских пленных. Русский солдат бьется до смерти. Если он выбирает плен, то автоматически становится предателем». Вот и стремились военнотруженики, оказавшиеся в окружении, любой ценой добраться до линии фронта и пробиться к своим войскам. Они не подозревали, что там их ждут фильтрационные пункты НКВД и, в большинстве случаев, свои собственные концлагеря. До недавнего времени в различных советских анкетах сохранялся вопрос: «были ли вы или кто-то из ваших родственников в плену, в окружении, на оккупированной территории?»

С другой стороны, по данным зарубежных исследователей, свыше 1 миллиона советских граждан служило в рядах вермахта. Еще больше их состояло в полицейских формированиях. До весны 1942 г. немцам удалось завербовать немало советских военнопленных и местных жителей, создать из них полицейские формирования и охранные батальоны.

Практически безнаказанно шли немецкие поезда на фронт. Их вели в основной массе советские железнодорожники, среди которых не было людей, подготовленных для организации диверсий на транспорте. Согласно официальным немецким данным, персонал железных дорог на советских оккупированных территориях на 1 января 1943 г. составлял 615 455 человек, из них 510 556 бывших советских граждан и только 104 899 немцев

* * *

В этой связи следует рассмотреть вопрос о переходе к партизанским действиям одиночек и небольших групп

военнослужащих, в силу обстоятельств оказавшихся во вражеском тылу, — в ходе боев на линии границы или при отступлении советских войск летом и осенью 1941 года.

Уже после войны прославленный партизанский командир, Герой Советского Союза, генерал-майор М.И. Наумов (1908—1974) написал рецензию на книгу бывшего начальника Украинского штаба партизанского движения Т.А. Строкача «Наш позывной — свобода». Много горьких мыслей высказал он в ней. Остановимся только на одной из них. Она обращена к будущим организаторам и командирам партизанской войны. По мнению Наумова, они всегда должны помнить о тех воинах, которые могут оказаться в тылу врага.

Вспоминая «о грозном 1941 годе, об окруженных армиях, вообще об окружениях и окруженцах», Наумов спрашивает: «А надо ли было таять дивизиям до мелких групп на пути от Могилева до Москвы? А не лучше было «оседлать» коммуникации группы армий «Центр», пользуясь превосходными географическими условиями — непроходимыми лесами и болотами, а также «оседлать» Карпаты, то есть коммуникации группы армий «Юг», расчленившись соответственно вдоль них в горной недоступной местности?... И он продолжает: «А не повернулся бы в этом случае зарвавшийся враг?»...

По данным историков, из 460 тысяч красноармейцев, попавших в окружение под Киевом, всего 25 тысяч вышли в расположение советских войск с оружием в руках. Сразу встали на путь партизанской борьбы только 2 тысячи бойцов. Еще 20 тысяч вступили в партизанские отряды значительно позже, пройдя сквозь плен или, что еще хуже, через службу во вражеских формированиях. Остальные 400 с лишним тысяч человек в своем большинстве погибли в плену без всякой пользы для Родины.

Весьма характерно то, что первыми приходили к мысли о партизанстве те воины, которые обладали хоть каким-то опытом или знаниями по организации и тактике партизанских действий. Например, командир разведывательного взвода одной из частей Московского ополчения

Ф.Д. Гнездилов имел опыт борьбы с басмачами в Средней Азии. Получив ранение, он оказался на излечении в одном из сел Смоленской области. Выздоровев, Гнездилов приступил к организации партизанского отряда. Его логика была проста: раз басмачи могли воевать против Красной Армии в трудных условиях пустыни, то тем более возможно атаковать немецкие тылы в лесах Смоленщины.

Чаще других военнослужащих к идее партизанства приходили пограничники. Они умели правильно выбирать места для базирования, организовывать боевое охранение, скрытно выдвигаться к вражеским объектам, внезапно нападать на них, искусно устраивали засады и налеты, успешно действовали ночью. Пограничники хорошо ориентировались на местности, отличались повышенной бдительностью, военной хитростью и смекалкой, действовали быстро и решительно, умело маскировались. Им были известны формы и способы привлечения местного населения к сотрудничеству.

Так, бывший комендант Вентспилской комендатуры Лиепайского пограничного отряда капитан И.К. Богодистый осенью 1941 г. создал подпольную организацию в Сеценской и Сунактской волостях Латвии, которая затем превратилась в партизанский отряд, действовавший в составе 3-й Латвийской партизанской бригады О. Ош-кална.

Рядовой Пархачской заставы Рава-Русского погранотряда Филиппичев с группой бойцов 7-й резервной заставы в бою под Великими Мостами на Львовщине был отрезан от своей части. Возглавив группу, Филиппичев объявил ее партизанским отрядом. По тылам врага отряд прошел от Великих Мостов до Новгорода Северского. По пути к нему присоединялись красноармейцы, оказавшиеся в окружении. Отряд совершал диверсии на дорогах, истреблял врага из засад. На боевом счету отряда Филиппичева 157 уничтоженных гитлеровцев, 2 танка и 2 моста.

Начальником отделения штаба Сколенского пограничного отряда встретил войну капитан М.И. Наумов. Во

время отступления был ранен, встретился с партизанами. Был избран командиром отряда, впоследствии назначен заместителем начальника штаба партизанского движения Сумщины. За 65 суток в период с 1 февраля по 6 апреля 1943 года соединение М.И. Наумова на санях совершило 2400-километровый рейд по степным и лесостепным районам Украины на территории Сумской, Винницкой, Житомирской, Полтавской, Кировоградской, Одесской областей. Соединение насчитывало 2800 бойцов. В районе Винницы, где располагалась ставка Гитлера «Вервольф», партизаны вызвали большой переполох в фашистском логове.

Количество партизанских отрядов, созданных на базе мелких групп пограничников, исчислялось десятками. Многие из них быстро пополнялись красноармейцами, попавшими в окружение и скрывавшимися в лесах, в деревнях и поселках, а также местными жителями. Постепенно они вырастали в крупные партизанские отряды, которые успешно действовали на значительных по площадям территориях вплоть до прихода Красной Армии. Именно так возникли партизанские отряды под командованием помощника начальника политотдела Ломжанского погранотряда младшего политрука В.Л. Никитина, начальника штаба пограничной комендатуры Липканского погранотряда капитана Н.А. Шестопалова и других.

Все же, говоря о переходе к партизанским действиям одиночек и мелких групп военнослужащих РККА и пограничников, оказавшихся во вражеском тылу, необходимо отметить, что большинство их стремилось любой ценой выйти на соединение с частями Красной Армии, считая именно это своей первоочередной задачей.

К чему зачастую приводило подобное стремление, видно на следующем примере. В июне 1941 г. в ходе боев под Уманью некоторые пограничные части совместно с войсками 6-й и 12-й армий попали в окружение. Из окружения они выходили группами. Начальник штаба Черновицкого пограничного отряда майор Перекальский возглавил группу пограничников в составе 120 человек. В пути Перекальский подчиненных растерял, сам

переоделся в гражданское платье. При облате в одной из деревень был задержан немцами и отправлен в лагерь для военнопленных. В лагере он создал группу из трех офицеров и вместе с ними бежал. По пути они прятались у местных жителей, несколько раз попадали к партизанам, пользовались их услугами для переправы через Днепр. Лишь в январе 1942 года группа Перекальского вышла к советским войскам.

Возникает вопрос: почему офицер-пограничник пять месяцев скитался по тылам врага, а не перешел к партизанской борьбе вместе со своими подчиненными? Одна из причин заключается в том, что до войны методы партизанства в пограничных войсках не изучались, на партизанские действия ни командиры, ни рядовой состав специально не нацеливались.

По данным Центрального архива пограничных войск, из 6140 офицеров-пограничников, оказавшихся в окружении, на 1 декабря 1941 года вышли к своим войскам 2897 человек среднего и старшего командного состава. Отдельные пограничники продолжали выходить в расположение советских войск и после 1 декабря. Из оставшихся более чем 3 тысяч человек часть попала в плен — это раненые в боях на границе, выданные гитлеровцам украинскими, литовскими, латышскими националистами при выходе из окружения.

Остальные перешли к партизанским действиям самостоятельно или вступили в местные партизанские отряды. Численный состав последних мог быть значительно больше, а значит, выше была бы действенность партизанской борьбы, если бы пограничные войска заранее готовились к ведению боевых действий партизанскими методами.

* * *

Пополнялись ряды партизан и за счет пленных, которым удалось совершить побег. Так, начальник 25-й заставы Лиепайского пограничного отряда А.П. Запорожеч с тяжелым ранением в конце июня 1941 г. попал в Лиепайский военно-морской госпиталь. При эвакуации гос-

питаль захватили фашисты. В августе немцы вывезли часть раненых в Восточную Пруссию. Как только Запорожец смог ходить, он сразу же вместе с четырьмя товарищами организовал побег из лагеря. Это было в сентябре 1942 г.

В конце ноября Запорожец появился в белорусских лесах на Витебщине. Там начался его партизанский путь. В ноябре 1942 г. он уже был командиром отряда, с марта 1943 г. — начальником штаба батальона, с июня 1943 г. — начальником штаба бригады имени Г.К. Жукова, с 23 ноября 1943 г. — комиссаром данной бригады. Эта бригада контролировала Браславский район и смежные территории соседних районов. Она имела в своем составе семь партизанских отрядов. Соединилась бригада с советскими частями 9 июля 1944 года. В тот же день она совместно с ними овладела городом Браслав.

Старший лейтенант М.Н. Кузьмин встретил войну политруком Вентспилской комендатуры Лиепайского погранотряда. 30 июня в боях под Ригой, действуя вместе с другими пограничниками в составе 114-го стрелкового полка, Кузьмин оказался в окружении. Командир полка приказал прорываться к своим войскам небольшими группами. Одну из них возглавил Кузьмин. Тридцать суток группа шла по тылам врага. В районе Екабпилса Кузьмина схватила полиция. Он попал в лагерь военнопленных, откуда его отправили на работу в Германию. По пути совершил побег из эшелона и оказался в Белоруссии, где вскоре установил связь с подпольной организацией в Малашковском сельсовете Освейского района. Она переправила его в лес к партизанам.

Кузьмина назначили командиром взвода, а в июле 1942 г. он стал заместителем командира партизанской бригады имени Фрунзе по разведке. Вскоре Кузьмину доверили командование партизанским отрядом имени Симацкого. За умелое руководство отрядом ЦШПД присвоил М.Н. Кузьмину очередное воинское звание «капитан». Это редкость для офицера, побывавшего в плену. Позже Кузьмина назначили командиром партизанской бригады имени Фрунзе. Только за две недели его командо-

вания (с 1 по 14 июня 1944 г.) партизаны бригады взорвали 6 мостов, уничтожили 27 автомашин, более 200 фашистских солдат и офицеров.

Рядовой боец 4-й погранзаставы Таурагского пограничного отряда Н. Росляков был тяжело ранен в бою на границе 22 июня 1941 года, попал в плен. Прошел через три концлагеря. Трижды пытался бежать, но безуспешно. Наконец, в марте 1942 г. очередной побег удался. Вместе с товарищами-пограничниками прошел Германию и Польшу, дошел до Белоруссии. Здесь стал партизаном. В мае 1942 г. группа Рослякова объединилась с отрядом имени Котовского, а вскоре отряд был реорганизован в бригаду имени Ворошилова. Место дислокации — Копыльский и Узденский районы Минской области. Здесь Росляков прошел путь от командира группы до начальника разведки бригады. Войну закончил командиром партизанского отряда им. Фурманова. Был награжден четырнадцатью правительственными наградами, в том числе орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

* * *

Некоторые армейские командиры, оказавшись во вражеском тылу, создавали партизанские роты, батальоны, полки и бригады, даже дивизии. Многие военнослужащие вступили в местные партизанские формирования. Так, летом 1942 г. в отдельных партизанских отрядах Смоленской и Орловской областей процент военнослужащих доходил до 40-50.

На земле Белоруссии попала в окружение 208-я мотострелковая дивизия. В попытках прорваться к своим войскам были израсходованы почти все ее силы и средства. Уже приближалась зима. Тогда командир, полковник В.И. Ничипорович, принял решение сформировать из остатков своих частей партизанский отряд («партизанскую дивизию № 208»). Партизаны Ничипоровича долгое время достаточно грамотно и успешно действовали в районе Бобруйска, препятствуя движению немцев по доро-

гам и попыткам использовать хозяйственные ресурсы этого региона.

Небольшой, но действенный партизанский отряд создал в Винницкой области лейтенант Красной Армии И. Калашник. Он попал в окружение в августе 1941 года под Кировоградом, где воевал в составе одной из частей 6-й армии. Два месяца пробыл лейтенант в родное село Корытное Монастырщенского района Винницкой области, где жила его семья. Назначенный оккупантами сельский староста, узнав о возвращении красноармейца, наметил отправить его на работу в Германию. Калашник в тот же день застрелил старосту и скрылся.

В декабре он создал в окрестных местах небольшую партизанскую группу. В апреле 1942 года к ней присоединилась группа попавших в окружение военных разведчиков из 8 человек. Еще через месяц добавились несколько окруженцев, скрывавшихся в соседнем селе Подвысокое. Так возник партизанский отряд имени Чапаева численностью 25 человек, почти полностью состоявший из военнослужащих. Он прославился дерзостью своих действий. Немцы несколько раз организовывали карательные операции против него, создали лжепартизанский отряд, чтобы заманить красноармейцев в ловушку, но тщетно. Калашниковцев поддерживали местные жители, благодаря их помощи отряд был неуловимым.

Отметим, что в целом процент военнослужащих среди партизан был довольно значителен: в Белоруссии — 11 процентов, в Ленинградской области — 17. За первые два с половиной года войны в БССР, Прибалтике и ряде областей УССР в партизанской войне приняли участие свыше 56 тысяч бывших военнослужащих (в том числе одних только офицеров около 10 тысяч).

Например, вот что пишет П.К. Пономаренко о роли военнослужащих в работе «Уходили в поход партизаны». По его мнению, военнослужащие, по различным причинам оказавшиеся на оккупированной территории, «сыграли большую роль в развитии всенародной войны в тылу врага». «В Белоруссии, — подчеркивает он, — 52 процента командиров бригад были военнослужащие, 89 про-

центов комиссаров работники местных партийных органов. Начальниками штабов в большинстве являлись военные».

* * *

В связи с тем, что в тылу врага осталось много военнослужащих, не сумевших вырваться из окружения, даже возникла идея создания на их базе специальной партизанской армии.

«В начале ноября 1942 г., — пишет И.Г. Старинов, — Главком партизанского движения внес предложение о создании в тылу врага партизанских армий с привлечением военнослужащих, оказавшихся на временно оккупированной территории».

Так, в тылу немецкой группы армий «Центр» весной и летом 1942 г. действовали 1-й гвардейский кавалерийский корпус, части 4-го воздушно-десантного корпуса, 33-й и 39-й армий, а также крупные партизанские группировки: смоленская — до 20 тысяч человек, брянская — свыше 24 тысяч, украинская — до 12 тысяч, калининская — до 5 тысяч. Используя выучку и боевой опыт оставшихся за линией фронта военнослужащих, большие людские резервы, территорию очищенных от врага партизанских краев и зон, здесь действительно можно было создать своеобразную партизанскую армию для действий на коммуникациях противника.

Ворошилов предлагал ввести штаты партизанских отрядов и бригад, установить воинские звания и должностные оклады. Партизанские войска могли обеспечить себя продовольствием за счет местного населения, а также в некоторой мере и вооружением за счет противника. Их следовало снабжать автоматическим оружием, противотанковыми и минно-взрывными средствами, радиостанциями, медикаментами. Создание в тылу противника партизанских войск позволяло призывать в них военнобязанных, в силу обстоятельств оставшихся на оккупированной территории.

Однако верховное главнокомандование не приняло предложение о создании партизанских войск из частей и

подразделений, оказавшихся в окружении. Тем самым оно упустило реальную возможность повысить эффективность партизанских действий. Между тем практический опыт показал, что наиболее результативно действовали партизанские формирования, приведенные к структуре войскового типа, но отвечавшей требованиям партизанской войны, во главе которых стояли командиры из числа военнослужащих.

Одним из главных таких требований являлось то, что партизанские войска должны быть весьма маневренными. О полном непонимании Ставкой и ГКО данного обстоятельства красноречиво говорит следующий факт. Значительная часть партизанских отрядов Смоленщины, а также соединения 1-го гвардейского кавкорпуса и воздушно-десантная бригада получили приказ закрепит-ся в районе Дорогобужа и юго-восточнее его. Здесь партизаны и войсковые части держали круговую оборону, а в последующем под натиском превосходящих сил противника с тяжелыми боями прорывались через линию фронта.

* * *

Таким образом, существенной особенностью партизанской борьбы в западных регионах СССР в первый год войны было то, что здесь важным резервом развития партизанского движения являлись командиры и рядовые бойцы РККА и погранвойск, оказавшиеся во вражеском тылу вследствие разгрома либо окружения их частей немецкими войсками.

ЧАСТЬ 3.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ВОЙСК СПЕЦНАЗНАЧЕНИЯ

Опыт Великой Отечественной войны убедительно говорит о важности создания специальных армейских сил, способных осуществлять диверсионно-разведывательную деятельность во вражеском тылу.

Известно, что боевой успех на театре военных действий находится в прямой зависимости от своевременного восполнения расходуемых сил — людских ресурсов и материальных средств — вооружения и техники, от успешной работы тыловых органов противоборствующих сторон. Диверсионные действия в тылу врага позволяли сковывать активность врага на отдельных направлениях, деморализовать его личный состав, а при достаточной масштабности отвлекать часть сил и средств для охраны своих коммуникаций и тыловых объектов.

С этой задачей могли бы справиться специальные разведывательно-диверсионные формирования, но таковых в то время в Красной Армии было очень мало. Привлечь разведывательные подразделения общевойсковых частей и соединений для решения названных задач не представлялось возможным, т.к. им едва хватало сил, чтобы обеспечить разведку своих участков и полос. Партизанских же формирований, заранее подготовленных для этих целей, тоже не было.

Фактически в роли таких сил в годы войны выступали отряды и группы партизанского типа, создававшиеся на базе некоторых специальных частей. Их основу составлял личный состав пограничных и внутренних войск войск НКВД, подразделений военной разведки и органов госбезопасности.

Глава 7. Истребительно-диверсионные отряды погранвойск

Постановлением Совнаркома СССР от 25 июня 1941 г. Народному комиссариату внутренних дел была поручена охрана тыла действующей армии.

Охрану войскового тыла (ОВТ) Северного фронта возглавил начальник войск Ленинградского округа генерал-лейтенант Г. Степанов. В его подчинение поступили пограничные, оперативные, внутренние войска, войска НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, находившихся на территории Карело-Финской и Эстонской ССР, Мурманской и Ленинградской областей.

Решением Ставки во второй половине августа 1941 г. Северный фронт был разделен на два — Ленинградский и Карельский, и в связи с этим образовано новое управление ОВТ — Карельского фронта, действовавшее на территории Карело-Финского и Мурманского пограничных округов.

В этой связи представляет интерес доклад начальника ОВТ 7-й армии полковника Киселева командующему армией о более рациональном использовании погранчастей Карело-Финского округа.

В своем докладе он писал: «В результате неправильного использования пограничников за первые два месяца войны пограничные части имеют до 50 процентов потерь в личном составе. Вместо нанесения внезапных ударов по тылам противника эти наиболее подвижные части, отлично ориентирующиеся в лесу, не нуждающиеся в дорогах, сидят в окопах в общей системе обороны или в лучшем случае охраняют фланги».

Киселев предложил вывести Ухтинский, Ребольский, Кипран-Мякский погранотряды из оперативного подчинения командирам дивизий, подчинив их начальнику ОВТ, и возложить на них следующую задачу: «специально сформированными отрядами из пограничников и местного населения методами партизанской борьбы нарушать про-

тивнику подвоз продовольствия и боеприпасов. Через эти же группы руководить партизанскими отрядами, действующими в тылу противника».

Положения этого документа стали основой для разработки плана оперативного использования войск НКВД, утвержденного Военным советом 7-й армии 31 августа 1941 г. План предусматривал выделение в Калевальском, Ребольском, Кипран-Мякском погранотрядах по 3-4 пограничные заставы и маневренные группы для действий в тылу противника.

Кроме того, на пограничные части, в частности на их разведывательные отделения, была возложена задача по комплектованию, подготовке и засылке в тыл противника диверсионно-разведывательных групп из числа оставшихся от мобилизации членов бригад содействия и местного партийно-советского актива. В ходе этой работы разведотделения погранчастей сформировали свыше 30 диверсионно-разведывательных групп, сведенные в последующем в роты особого назначения. В эти формирования включались кадровые пограничники, которые составляли в среднем от 20 до 50 процентов личного состава. Такие же мероприятия проводились в частях Мурманского пограничного округа. В результате проделанной работы в ротах особого назначения, подчинявшихся разведотделениям пограничных частей, к концу ноября 1941 г. насчитывалось 1041 человек.

Позже и Военный совет 14-й армии, разделяя данную точку зрения, вывел 101-й пограничный отряд из состава 42-го стрелкового корпуса для использования в аналогичных целях.

Ленинградский фронт

В критические дни боев за Ленинград, начиная с сентября 1941 года, по решению командования Ленинградского фронта в тыл группировки немецко-фашистских войск, наступавших на город со стороны Петергофа, активно засылались десантные отряды пограничников из 20-й дивизии НКВД полковника А.П. Иванова.

В ноябре 1941 года командующий 21-й армией создал на базе личного состава 99-го погранполка два штатных истребительных отряда, которые вели борьбу с противником на его коммуникациях. В течение месяца они несколько раз выходили в тыл врага, уничтожили 13 автомашин с военными грузами, 350 вражеских солдат и офицеров.

В дальнейшем по решению Военного совета Ленинградского фронта были созданы 18 истребительно-диверсионных отрядов (ИДО) при штабе фронта, а в каждой дивизии по одной ДРГ, всего 794 человека. Из них два отряда полностью сформировали пограничники: 4-й (командир — капитан Ленский) и 9-й (капитан Алексеенко).

В начальный период (сентябрь — октябрь 1941 г.) истребительные отряды представляли собой группы разной численности, от 40 до 120 человек. Опыт многих операций показал, что наиболее приемлемым является отряд в составе 100-120 человек.

4-й истребительно-диверсионный отряд (81 человек) под командованием бывшего начальника КПП «Вентспилс» капитана А. Ленского был создан на базе 10-го пограничного полка. 11 ноября 1941 г. этот отряд успешно совершил налет на тыловое подразделение вражеской дивизии, расположившееся в деревне Посад. Был уничтожен обоз из 8 подвод, сожжены бочки с топливом и 6 сараев с боеприпасами, заминированы окрестные дороги. В ходе налета были убиты 27 солдат и офицеров противника. В конце ноября отряд Ленского снова ушел во вражеский тыл и уничтожил обоз в составе 38 подвод.

Людей в отряды отбирали персонально, отдавая предпочтение молодым и здоровым, наиболее подготовленным в военном отношении. Истребительные отряды были вооружены на 50 процентов автоматами ППД и самозарядными винтовками. Кроме того, каждый боец имел финский нож или кинжал, брал с собой на операцию 2—4 гранаты, 2 бутылки с горючей смесью, 120—150 патронов для СВТ либо 300 к автомату. Опыт показал, что

необходимо в каждом отряде иметь два 50-мм миномета и 2—3 винтовки с глушителями.

Организационная структура истребительных отрядов была следующей. Командование (командир, военком, начальник штаба, помощник командира по материально-техническому обеспечению), четыре стрелковых взвода по 22 человека каждый, взвод разведки (тоже 22 человека), отделение саперов-минеров, отделение связи с переносной радиостанцией.

Вначале, когда боевого опыта было мало, истребительным отрядам давали мелкие задачи и в рейд посылали отдельные взводы. Позже в рейд, как правило, отправлялся отряд в полном составе. Отдельные операции штаб фронта спланировал таким образом, что в тыл противника к одному и тому же объекту с разных сторон выдвигались два-три отряда по точно разработанному плану и действовали согласованно. Например, в период с 10 по 15 ноября в районе Посад, Ситно, Шевелево, Отенский монастырь одновременно действовали четыре истребительных отряда общей численностью 441 человек.

В организации и планировании каждой операции участвовали оперативный и разведывательный отделы штаба фронта, отдел комплектования, политуправление. Обязательно подбирались проводники из числа сотрудников разведывательного отдела, или из местных партизан, из разведчиков частей. От них требовалось незаметно для противника провести истребительный отряд через линию фронта и вывести к объекту действия.

Личный состав истребительных отрядов и групп проходил специальную подготовку. При этом главное внимание обращалось на отличное владение оружием; умение совершать длительные переходы (в том числе лыжные); ориентирование на местности; искусное ведение разведки; маскировку; подрывное дело и минирование; бесшумный выход к объекту действий и снятие часовых; уничтожение противника путем внезапного налета, главным образом ночью, или путем действий в засадах как днем, так и ночью.

Карельский фронт

В соответствии с приказом командующего 14-й армией пограничным частям поручили готовить и забрасывать в тыл врага диверсионно-разведывательные группы из членов бригад содействия пограничникам и местного партийно-советского актива. Как уже сказано выше, в последующем они сводились в роты особого назначения, где пограничники составляли от 20 до 50 процентов. Роты, в свою очередь, вырастали в партизанские отряды.

В каждом из погранотрядов Мурманского и Карело-Финского округов пограничники с помощью партийно-советских органов создали несколько партизанских отрядов, которые действовали по плану командования погранполков в интересах военного командования.

Так, в Олангском погранотряде были сформированы 3 партизанских отряда. Одним из них командовал офицер штаба отряда, старший лейтенант И.Д. Ткаченко. В отряд подобрали карелов, хорошо знавших местные условия. После 10-дневной учебы сформировали отряды (роты особого назначения) старшего лейтенанта А.И. Калашникова (в нем было 75 бойцов Куолоярвиского погранотряда), старшего лейтенанта Ф.Ф. Журиха (бывший начальник 10-й заставы Калевальского погранотряда), майора И.А. Григорьева (Сортавальский погранотряд) и другие. Их личный состав хорошо знал местность и местные условия, имел опыт разведывательной и боевой работы. Большинство отрядов действовало успешно.

Майор К.В. Бондюк, например, командовал партизанским отрядом «Вперед». В августе 1941 г. при обороне деревни Новая Тихша отряд в течение двух суток отбил 12 атак финского батальона. С весны 1942 г. отряд участвовал в рейдах по тылам противника, действуя отдельными группами на Ребольском направлении. Позже майор К.В. Бондюк возглавил сводную группу, состоявшую из отрядов «Вперед», «Буревестник», «Железняк», «Красный онежец», которая осуществила операцию по разгрому финского гарнизона в деревне Мергубе. Преодолев

на лыжах с полной выкладкой более 180 км, сводная группа неожиданно атаковала гарнизон.

Успешно действовал отряд «Красный партизан» под командованием старшего лейтенанта Ф.Ф. Журиха. В течение лета 1942 г. отряд, состоявший из 79 бойцов, совершил четыре рейда, оставаясь в тылу врага в общей сложности 96 суток. Были уничтожены 7 финских офицеров и 203 солдата, 4 автомашины с воинским грузом, взорван мост. 15 июня 1943 г. отряд получил задание разгромить два гарнизона на территории Финляндии в Миллах-Виенвара и в поселке Хюрю. В пути партизаны встретились с финским отрядом в количестве 50 человек и разгромили его. Перешли границу. 4 июля одновременными ударами двух партизанских отрядов гарнизоны были разгромлены.

В 1944 г. соединение из отрядов «Красный партизан», «Боевой клич», «Ленинградец» под командованием Ф.Ф. Журиха провело ряд успешных операций во вражеском тылу на поросозерском и ребольском направлениях, разгромило несколько гарнизонов на территории Финляндии. Всего же, начав свою боевую деятельность в июле 1941 г., отряд Ф.Ф. Журиха за 38 месяцев совершил 29 походов в тыл противника, пройдя около 11 тысяч км.*

С первых дней войны возглавил партизанский отряд офицер-пограничник майор И.А. Григорьев. В сентябре 1941 года его назначили командиром батальона особого назначения Карельского фронта. С февраля 1942 г. И.А. Григорьев командовал 1-й партизанской бригадой. В ее состав насчитывалось 9 отрядов, минометная рота, пулеметный, разведывательный, хозяйственный взводы. Всего 1140 человек.

---

* Современные финские исследователи документально доказали, что в ряде случаев так называемый «разгром гарнизонов» сводился к истреблению групп самообороны и гражданского финского населения в сельских населенных пунктах на территории Финляндии. Иначе говоря, некоторые партизаны, воевавшие против финнов, были военными преступниками. — *Прим. ред.*

«Партизанский отряд под командованием тов. Г. (Григорьева), — отмечалось в сообщении Совинформбюро, — в тылу белофиннов провел несколько смелых операций. Партизаны прошли по лесам и болотам почти 700 км, нанося внезапные удары по коммуникациям противника. Против отряда партизан были брошены погранчасти и шюцкоровский отряд. В боях с белофиннами партизаны истребили до 750 солдат и офицеров, уничтожили большое количество автоматического оружия, радиостанций, снаряжения, боеприпасов».

В этом сообщении речь шла о самой крупной операции, проведенной партизанами летом 1942 г. по указанию ЦК Компартии Карело-Финской ССР и командования Карельского фронта. В состав бригады тогда входили 6 отрядов: «Боевые друзья», «Буревестник», «За Родину», «Мстители», им. Тойво Антикайнена, им. Чапаева — всего 648 человек. 57 дней продолжался поход. Партизаны участвовали в 26 столкновениях с противником. За героизм и мужество, проявленные в боях, 196 партизан были награждены орденами и медалями.

Партизанская бригада существовала одиннадцать месяцев. За это время она провела 68 боевых и разведывательных операций в тылу противника, в том числе более 20 крупных боев. Майор И.А. Григорьев героически погиб в бою 31 июля 1942 года.

Боевой опыт показал, что в условиях Карелии при стабилизации фронта крупному партизанскому соединению трудно переходить в тыл врага. В любое время противник мог снять нужное количество войск для борьбы с партизанами. Более эффективными являлись действия мелких отрядов и диверсионных групп, которые в случае необходимости можно было сводить под единое командование для нанесения мощных ударов по гарнизонам противника, осуществления других операций. Поэтому по решению ЦК компартии республики и командования фронта 1 октября 1942 г. партизанская бригада была расформирована. Из нее снова выделились шесть самостоятельных партизанских отрядов.

То, что удары партизан по объектам врага были эффективными, признавал и противник. Так, в обзоре командования финской армии от 1 августа 1942 г. говорилось: «В течение лета партизанская деятельность противника значительно оживилась. Она была подготовлена значительно лучше, чем раньше. На флангах одного армейского корпуса и в тылу его часто появлялись партизанские отряды. По своему составу партизанские отряды состоят из карельцев, а их командиры — офицеры пограничной охраны, хорошо знающие местность».

Активные действия партизанских отрядов, сформированных на базе пограничных частей Мурманского и Карело-Финского пограничных округов, заставили противника уже в первые месяцы войны принять меры по обеспечению своих коммуникаций. Так, успешные действия роты особого назначения под командованием старшего лейтенанта А.И. Калашникова вынудили финское командование выделить для охраны коммуникаций батальон. В результате активных действий партизанских формирований 101-го пограничного отряда противнику пришлось поставить на охрану тыловых объектов Кандалакшского направления четыре батальона полевых частей. И это в то время, когда вся его группировка на данном участке составляла только шесть полков. В декабре 1941 г. финский 137-й пехотный полк полностью был привлечен к охране коммуникаций в районе Титовка — Остсамо.

* * *

Командование 14-й армией считало нарушение путей сообщения противника и уничтожение следующих по ним транспортных средств одним из главных условий изоляции района боевых действий от притока материальных средств и людских ресурсов. В связи с этим задача пограничников состояла в том, чтобы, используя знание местности и умение действовать в отрыве от своих войск, дерзкими внезапными ударами уничтожать тылы противника, срывать снабжение его войск. Это должно было, по замыслу командования 14-й армии, заставить немец-

ко-финское командование снять часть своих войск с переднего края, и таким образом ослабить ударные группировки, наступавшие на Мурманском и Кандалакшском направлениях.

В приказе от 14 июля 1941 г. командующий Карельским фронтом поставил конкретную задачу начальнику штаба Мурманского пограничного округа майору А. Прусскому:

«Организовать и выслать мелкие группы пограничников с целью действий по тылам противника в районе южнее линии высота 2814, между реками Большая Лица и Титовка, имея задачу уничтожение моста через реку Титовка, разрушение связи, уничтожение колесного и вьючного транспорта».

Когда в ходе контрудара советских войск противник был окружен, командующий потребовал от майора Прусского усилить отряд, действующий по тылам противника, доведя его численность до 250 человек. В результате контрудара, боевых и диверсионных действий пограничников во вражеском тылу противник приостановил наступление на Мурманск и перешел к обороне.

Планируя боевые действия в тылу войск противника пограничными частями и отрядами, штаб 14-й армии использовал неблагоприятные для врага условия. Так, в боевом приказе от 21 октября 1941 г. говорилось: «В связи с наступлением темного и холодного времени организация снабжения и обогрева войск противника крайне осложнилась, а его коммуникации стали более уязвимыми. Войска Мурманского направления, продолжая активно оборонять занимаемый рубеж, имеют задачей использовать неблагоприятные для противника климатические условия и вынудить его к отходу с рубежа р. Западная Лица.

Для чего: специально отобранными отрядами силой до батальона и пограничными частями систематически действовать по его тылам, полностью воспретить подвоз противнику всего необходимого для жизни и боя, ликвидировать его базы, нарушать связь и управление, уничтожать его транспорт всех видов, до крайности затруд-

нять использование противником землянок и других помещений в целях обогрева и отдыха. Для выполнения указанных задач в каждой дивизии выделить по одному батальону, укомплектовать его специально подобранным составом».

В боевом приказе от 16 ноября 1941 г. командующему Кандалакшской оперативной группой указывалось: «В связи с замерзанием озер и болот, если вы непрерывным воздействием на тылы противника не заставите его часть сил держать в тылу для охраны своих коммуникаций, то эти сводные силы начнут действовать в нашем тылу». Отмеченная в приказе закономерность действительно неоднократно проявляла себя в ходе боевых действий.

В сентябре 1941 г. по решению командования 14-й армии все пограничные части Мурманского округа были сняты с переднего края обороны и полностью переключены на ведение боевых действий в тылу противника. Были созданы специальные партизанские формирования. Для их комплектования 82-й пограничный полк выделил роту в 125 человек. 101-й пограничный полк — тоже роту. 100-й отдельный пограничный батальон — 200 человек. 181-й отдельный пограничный батальон — роту. Несколько рот выделили армейские стрелковые дивизии.

В журнале боевых действий 14-й армии отмечено, что в оборонительных боях на Мурманско-Киркенесском направлении эти отряды сыграли важную роль. Их отправляли во вражеский тыл при организации контрударов. Действия отрядов в тылу противника согласовывались с действиями советских войск на фронте. Они нарушали работу тыла, связи, штабов и тем самым обеспечивали действия войск по разгрому противника, вклинившегося в оборону частей Красной Армии.

Особенно важную роль играли рейды по вражеским тылам сравнительно крупных сил (батальон — полк). Такие рейды проводились с целью уничтожения штабов, аэродромов, баз снабжения и других важных объектов, отстоявших от переднего края на удалении 150-200 и более километров. Продолжительность действий во вражеском тылу определялась в 5—10 суток.

Весьма характерными в этом отношении являются два рейда бойцов 101-го пограничного полка во вражеский тыл с целью разгрома особо важных объектов в районе финского города Алакуртти.

Первый рейд состоялся в период с 20 по 27 октября 1941 г. Боевая задача заключалась в том, чтобы ликвидировать склады: артиллерийские, горюче-смазочных материалов и другие, расположенные на станции снабжения, уничтожить самолеты на аэродроме и разгромить гарнизон, охранявший аэродром и станцию снабжения, разрушить проводную связь и мост через реку Тунтса-Иоки. Для выполнения этой задачи командование полка сформировало отряд в составе двух батальонов, минометной и пулеметной рот, роты связи и других подразделений. Общая численность отряда составила 904 человека, возглавил его командир полка полковник Жуков.

Действуя в тяжелых условиях сильно пересеченной горно-болотистой местности, на удалении от основной базы снабжения более чем на 100 км, отряд полностью выполнил поставленную ему задачу. Было убито свыше 200 солдат и офицеров противника, уничтожены 5 самолетов, 8 зенитных орудий, взорваны склады, захвачены трофеи.

После этого для усиления охраны станции снабжения и своих коммуникаций в районе Алакуртти противник вынужден был снять с фронта два финских батальона. Несмотря на это, в ноябре 1941 года 101-й пограничный полк совершил второй рейд в район Алакуртти. Целью рейда являлось полное уничтожение вражеской станции снабжения, а также освобождение красноармейцев из лагеря военнопленных. Для этого был сформирован рейдовый отряд численностью 952 человека. Рейд прошел успешно, хотя отряду пришлось действовать в очень трудных условиях (противник упорно оборонял станцию, а температура воздуха была 30 градусов ниже нуля).

В результате налета были разгромлены оба финских батальона охраны. Противник потерял убитыми свыше 300 солдат и офицеров. Отряд уничтожил 6 танков, 13 минометов, 12 радиостанций, артиллерийский, вещевой,

продовольственный и другие склады, а также мастерские, расположенные на станции. Пограничники захватили большие трофеи.

Некоторые подразделения 101-го пограничного полка в сентябре 1941 г. вели успешные боевые действия в тылу противника в том районе, где до начала войны проходила граница. Так, нужно было взорвать мост через реку Титовка, который противник использовал для снабжения своих войск, наступавших на Мурманск. Этот мост находился в бывшей зоне ответственности 7-й погранзаставы.

Командование 23-го укрепленного района послало для разведки группу под командой политрука Свинцова, который ранее служил политруком на 7-й заставе. Группа успешно выполнила задание. Она установила состав гарнизона, охранявшего мост, его вооружение, размещение, характер оборонительных сооружений на подступах к мосту и подразделения противника, расположенные в этом районе. На основе этих данных был сформирован диверсионный отряд в составе 425 человек (200 человек от 100-го пограничного полка и 235 — от 135-го стрелкового полка), под командованием старшего лейтенанта Фисенко, для уничтожения моста. Благодаря хорошему знанию местности отряд прошел во вражеский тыл незамеченным, внезапным ударом атаковал гарнизон, охранявший мост, и подразделения, расположенные поблизости, в бою уничтожил 180 солдат и офицеров противника, взорвал мост, т.е. полностью выполнил задание. Собственные потери были незначительными.

* * *

К началу войны финское командование подготовило несколько специальных частей для заброски в тыл Красной Армии. Но непрерывные удары по коммуникациям и другим объектам врага вынудили его отказаться от намеченного плана и использовать эти войска для охраны и обороны своих тыловых объектов. Например, только на Кандалакшском направлении для борьбы с советскими

диверсионными группами и отрядами немецко-финское командование вынуждено было использовать три финских полка, а для прикрытия промежутков — четыре немецких пехотных батальона.

Смелые удары пограничников и партизан по тыловым объектам заставили противника в первые же месяцы войны принимать меры по обеспечению своих коммуникаций. Так, уже 4 августа 1941 г. в приказе 3-го армейского корпуса финнов были определены задачи по борьбе с нашими разведывательно-диверсионными группами.

В сентябре 1941 г. главное командование финской армии было вынуждено издать распоряжения № 116 и № 739 о создании специальных карательных отрядов и охранных рот с целью защиты коммуникаций и важнейших объектов тыла. На основе этих указаний проводилась соответствующая работа в соединениях и частях.

Итоги боевых действий истребительно-диверсионных отрядов пограничников в 1941 году свидетельствовали, что все их операции были наступательными. В результате этих действий противник оказался в своем собственном тылу в положении обороняющейся стороны. Об этом, в частности, говорит то обстоятельство, что в полосе 14-й армии вплоть до 1 декабря 1941 г. не было ни одного выхода диверсионно-разведывательных групп противника в советский тыл.

Таким образом, активные и непрерывные диверсионно-боевые действия пограничных спецгрупп и отрядов заставили врага на ряде направлений отказаться от аналогичных действий в советском тылу, т.к. все его внимание, свободные силы и средства направлялись на борьбу с этими формированиями.

* * *

Вместе с тем необходимо отметить, что в 1941—1942 гг. ряд спецгрупп и отрядов не смог решить поставленные им боевые задачи.

Например, 28 января 1942 г. отряд (усиленная рота) 181-го пограничного стрелкового батальона под коман-

дованием начальника штаба батальона вышел в тыл противника. На восьмой день он был обнаружен и вступил в бой с ротой финнов, поддерживаемой шестью самолетами. По оценке командира, противник потерял убитыми и ранеными до 90 человек.* Отряд потерял 25 человек убитыми и 36 ранеными.

Организуя отход, командир разделил отряд на несколько групп, выставил боевое охранение. Тем не менее, противник, воспользовавшись ситуацией, внезапно напал на одну из отходивших групп и почти полностью ее уничтожил. Погибли 42 человека. Командира отделения, находившегося в боевом охранении, после возвращения на базу расстреляли. Был ли он виноват в случившемся, сейчас сказать трудно.

В докладе о боевой деятельности войск НКВД по охране тыла 14-й армии за период с 1 декабря 1941 г. по 15 января 1942 г. отмечалось, что среди проведенных частями погранвойск боевых операций в тылу противника большинство не было доведено до конца. Подразделения, зачастую не дойдя до назначенного им района действий, возвращались обратно.

Вообще говоря, условия боевой деятельности истребительно-диверсионных формирований на территории Карело-Финской ССР и Мурманской области сильно отличались от условий в других регионах СССР.

Здесь подавляющая часть населения оккупированных районов была эвакуирована в тыловые области. Из 700 тысяч человек, проживавших в этих районах до оккупации, осталось не более 50 тысяч, в основном женщины, дети и старики. Поэтому пополнение партизанских отрядов кадрами за счет местного населения практически исключалось, равно как базирование и снабжение продо-

---

* Хотелось бы узнать, каким образом производились подобные подсчеты, особенно в тех случаях, когда их результаты сообщал командир подразделения, отступавшего под натиском превосходящих сил противника. Подсчитать трупы врагов он никак не мог, раненых тоже. Видимо, цифры брались «с потолка», по принципу А.В. Суворова: «пиши турок убитыми поболее, чего их, супостатов, жалеть». — *Прим. ред.*

вольствием в селах. Израсходовав имевшиеся запасы продовольствия и боеприпасов, отряды вынуждены были возвращаться в советский тыл. Пополнение продовольствием и боеприпасами за счет противника было крайне ограничено.

Следовательно, вести партизанские действия в тылу врага в данной зоне можно было только путем налетов и засад, с базированием отрядов на своей территории вблизи фронта и выходом пешим путем в тыл противника на короткое время. Но и такие действия предполагали преодоление больших расстояний, от 50 до 300 км, по местности, пересеченной реками, озерами, каменными гребнями, болотами. Нести на себе оружие, боеприпасы, продовольствие, взрывчатку, было очень трудно, вес груза составлял 35—40 кг на каждого бойца. Находясь по 5—6 суток в походе только в один конец, неся на себе запас боеприпасов и продуктов, личный состав переутомлялся, обмороживался, терял темп движения и способность к бою.

Особенно большие проблемы возникали у партизан при появлении раненых и больных, которые задерживали движение отряда, отрывали большое количество здоровых людей на уход за ними, эвакуацию их в свой тыл. Это изматывало личный состав, понижало маневренность и боеспособность отрядов, облегчало противнику борьбу с партизанами, их преследование.

Затрудняли действия партизанских отрядов, не имевших баз в тылу противника, и метеорологические условия. Климат в этой зоне очень суровый. В летнее время часто идут дожди, все время наблюдается высокая влажность (у всех бойцов постоянно были мокрые ноги, а разведение костров по соображениям маскировки исключалось). В зимнее время сильные морозы сменяются резкими оттепелями. Стоянки под открытым небом, без костров, приводили к большому количеству обморожений и заболеваний. Все это сказывалось на боеспособности партизанских отрядов.

В ряде выходов, предпринятых без учета погодных условий, при движении по не успевшему слежаться сне-

гу лыжи бойцов глубоко проваливались. В связи с этим подразделения двигались медленно и люди выбивались из сил, не доходя до районов своих действий. Сопровождение подразделений вьючным или санным транспортом по той же причине было невозможно. Сказывалась также слабая (а то и нулевая) лыжная подготовка пополнения, прибывавшего в пограничные части по призыву либо из запаса.

Использование оленьего транспорта на большие расстояния без наличия на пути следования заранее устроенных баз было ограничено. После 20—25 км пути олени нуждались в длительном отдыхе и кормлении подножным кормом, а это сильно сказывалось на темпах движения подразделений.

Сильно мешало плохое состояние валенок, которые ремонтировались старым материалом и не выдерживали переходов более чем на 30—60 км. Они приходили в негодность (отваливались подошвы).

Личный состав, проходя большие расстояния, находился весь период операции (10-15 суток) на холоде, питался только сухим пайком, сильно истощался и в значительной степени терял свою боеспособность.

Все это, вместе взятое, заставило в корне пересмотреть организацию боевых операций в тылу противника. Одним из способов выхода из сложившейся ситуации стало создание тайных промежуточных баз на маршруте рейдов с помощью специальных отрядов носильщиков, а также использование собачьих упряжек.

В числе конкретных причин провалов операций в тылу врага отдельных спецформирований погранвойск можно назвать следующие:

- штабы частей зачастую организовывали боевые операции поспешно, отдельные аспекты операций до конца не продумывали, упускали из виду важные детали;
- политическое обеспечение боевых операций подчас проводилось в отрыве от конкретных задач; политработники нередко формально подходили к этим вопросам, считая, что если они провели определенное количество бесед и докладов, то уже все сделано;

- обеспечением рейдовых групп хорошими компасами, лыжами, валенками, медицинским инструментом и другим снаряжением никто конкретно не занимался;
- командиры, военкомы и штабы частей уделяли мало внимания изучению боевого опыта, извлечению уроков из проведенных операций, в результате чего ошибки повторялись;
- хозяйственные службы частей оказались неспособными организовать снабжение и обеспечение рейдовых групп в тылу противника;
- отсутствие выючного транспорта заставляло нагружать выходящие в тыл противника группы 10—15-суточным запасом продовольствия, что снижало боеспособность и маневренность личного состава;
- командиры, военкомы и штабы частей, имея возможность организовать плановую учебу личного состава, этого не делали. В результате совершенно прекратилась подготовка истребителей танков, саперов, пулеметчиков, связистов, начальствующего состава и младших командиров.

* * *

На основании директив Главного управления пограничных войск от 28 февраля 1942 г. и от 11 марта 1942 г., указания начальника ОВП Карельского фронта от 18 марта 1942 г., заброска в тыл противника истребительно-диверсионных отрядов пограничников Мурманского округа была прекращена. Все части пограничных войск предписывалось использовать по их прямому назначению, для охраны тыла войск фронта.

Все же за осенне-зимний период 1942 г. (в декабре 1942 г. зафронтовая работа погранвойск прекратилась окончательно) по тылам и коммуникациям противника были совершены еще 70 рейдов. В ходе их (по отчетам командиров рейдовых групп) удалось уничтожить или ранить свыше 400 солдат и офицеров, 77 взять в плен, сжечь на аэродромах 10 самолетов, подбить 8 танков, сжечь 8 складов, взорвать 18 мостов, захватить много оружия и военного имущества.

А всего в 1941—1942 гг. истребительные отряды и диверсионные группы погранчастей Карельского фронта совершили 449 выходов в тыл противника, в результате чего были уничтожены 7780 и захвачены в плен 130 вражеских солдат и офицеров.*

Для сравнения отметим, что по данным на 1 сентября 1941 г. в пограничных войсках, подчиненных командованию Карельского фронта, состояло 10625 человек, из которых в партизанской борьбе участвовала лишь десятая часть.

Опыт боевых действий показал, что удары по тылам противника не только наносили ему большой материальный ущерб и нарушали снабжение войск на передовой, но в конечном счете ослабляли его ударные группировки.

Несмотря на исключительно ценный боевой опыт, руководствуясь директивами Главного управления пограничных войск, пограничные войска по охране тыла Карельского фронта к маю в основном прекратили разведывательно-диверсионные действия в тылу врага. Они стали носить ограниченный характер и осуществлялись самостоятельно частями, прикрывавшими отдельные направления, исключительно в интересах обороны этих направлений.

Так, с 1 мая 1942 г. по 1 октября 1944 г., т.е. почти за 2,5 года пограничные части осуществили только 21 выход в тыл противника для разведки, в составе 1—2 взводов и на небольшую глубину. Исключение составляет рейд группы в составе 40 человек 82-го пограничного отряда с 27 июля по 8 августа 1943 г., совершенный под командованием младшего лейтенанта Иутина во вражеский тыл на глубину до 150 км. Во всех этих выходах было уничтожено и ранено всего лишь 155 и захвачено в плен 12 солдат и офицеров противника.

Результаты этих рейдов говорят о том, что не следовало ударяться в крайности. В первый год войны отмеча-

---

* Все эти цифры взяты из отчетов командиров отрядов и групп и не всегда соответствуют действительности. — *Прим. ред.*

лось чрезмерное увлечение истребительно-диверсионными действиями во вражеском тылу. А с мая 1942 г. произошел почти полный отказ от них под предлогом необходимости использования погранвойск по прямому назначению — для охраны тыла и коммуникаций действующей армии. Это обстоятельство привело к усилению активности противника в советском тылу.

Целесообразнее было бы сочетать борьбу против диверсионно-разведывательных групп противника с подобными действиями в его тылу. Это, во-первых, обеспечило бы войска охраны тыла необходимыми разведывательными данными и, во-вторых, заставило бы врага привлечь значительные силы для охраны собственного тыла. А это, в свою очередь, снизило бы его возможности по осуществлению диверсионно-разведывательной работы в советском тылу, как это и было в первый год войны.

Спецгруппы пограничной разведки

В организации партизанских формирований особое место занимали разведывательные органы пограничных войск (5-ые отделения погранотрядов). Основа для работы в этом направлении закладывалась еще до войны, строилась она при тесном взаимодействии с территориальными органами государственной безопасности.

В октябре 1940 г., в условиях активизации немецкой военной машины, на западной и северо-западной границах в каждом пограничном отряде были созданы по 2—3 разведывательных пункта, насчитывавшие до трех офицеров-разведчиков. К концу года из местного населения были также сформированы бригады содействия пограничникам.

С началом войны членов бригад содействия активно вовлекали в диверсионно-разведывательную деятельность. Например, в Карело-Финском пограничном округе формирование диверсионно-разведывательных групп проводилось в основном из их числа. В ряде случаев к этой деятельности привлекали даже заключенных из тю-

рем, осужденных за мелкие бытовые преступления и изъявивших желание действовать во вражеском тылу. Снабжение, подготовку, вооружение ДРГ, руководство их оперативной деятельностью осуществляли офицеры-разведчики. В отдельных случаях, при выполнении особо важных заданий, диверсионно-разведывательные группы возглавляли командиры-пограничники.

Для действий в тылу противника разведорганы погранвойск широко использовали подготовленные еще в мирное время агентурно-боевые группы (АБГ). Особенно активно эта форма борьбы применялась на Южном фронте.

Напомним, что границу с Румынией, проходившую по Пруту и Дунаю, охраняли войска Молдавского пограничного округа. Непосредственно на линии границы по Пруту стояли Липканский, Бельцкий, Каларашский и Кагульский пограничные отряды; на Дунае нес службу Измаильский погранотряд, а морское побережье охраняли подразделения Одесского погранотряда. Линию обороны на этом участке границы части 9-й армии и погранотряды удерживали до 2 июля 1941 г.

Уже в первый день войны агентурно-боевая группа Измаильского погранотряда перешла линию фронта в районе села Ласкар-Каторжи, ворвалась в румынский пограничный кордон, взяла в плен семь солдат и одного офицера и доставила их в отряд. 23 июня 1941 г. эта же группа захватила 10 румынских солдат и 2 пулемета. 25 июня 1941 г. другая агентурно-боевая группа данного погранотряда уничтожила телефонную связь между румынскими городами Килия — Вени — Тульча. 28 июня 1941 г. эта же группа уничтожила личный состав артиллерийской батареи 13-го румынского пехотного полка.

В период отхода частей Красной Армии указанные погранотряды подготовили и оставили в тылу противника 14 диверсионно-разведывательных групп, а в период обороны на Днепре они подготовили и забросили в тыл врага 20 ДРГ и две агентурно-боевые группы.

Одесский погранотряд за первые два месяца войны в семнадцати населенных пунктах занятой врагом погра-

ничной полосы создал по линии разведотдела 21 партизанскую группу общей численностью 100 человек.

На Карельском фронте разведорганы погранотрядов вовлекли в состав ДРГ более тысячи человек, в основном из представителей партийно-советского актива, а также из числа сельских жителей, хорошо знавших местность. До ноября 1941 г. эти группы уничтожили около 3 тысяч солдат и офицеров противника и захватили в плен 43 человека, в то время как 14-я армия в тот период пленных вообще не имела.

Деятельность таких групп в тылу противника успешно осуществлялась до марта 1942 г. Можно было развернуть ее в гораздо большем масштабе, но мешала неопределенность в снабжении и обеспечении. Не хватало курток, теплого белья, сапог и валенок, автоматического оружия. С большим трудом решались вопросы обеспечения бойцов денежным довольствием. Особые сложности вызывало неопределенное правовое положение личного состава партизанских формирований.

Глава 8. Московский истребительный полк НКВД

Во время битвы под Москвой успешно действовали в тылу врага рейдовые отряды, истребительно-диверсионные (ИДГ) и разведывательные группы (РГ) Московского мотострелкового истребительного полка УНКВД Москвы и Московской области.

Этот полк был создан для выполнения специальных заданий командования Западного фронта. В него направляли сотрудников органов госбезопасности Москвы и области, сотрудников райотделов НКВД Московской, Калининской и Ивановской областей.

Командовал полком старший помощник начальника штаба истребительных батальонов Москвы и области полковник погранвойск А.Я. Махоньков. Комиссаром был заместитель начальника УНКВД Москвы и области, май-

ор госбезопасности М.А. Запевалин. Командирами 1-го и 2-го батальонов стали офицеры-пограничники, слушатели Высшей пограничной школы капитаны П.И. Полушкин и С.И. Казначеев, командирами многих групп и взводов тоже были офицеры-пограничники. Личный состав полка проходил обучение по специальной программе.

Заброска первых ИДГ в тыл врага началась в ноябре 1941 г. Перед ними стояла задача по уничтожению живой силы и техники противника.

Так, с 13 по 17 ноября на Рузском направлении действовали 10 групп (155 человек). Наилучших результатов среди них добилась группа под командованием П.И. Полушкина. Она уничтожила автотанковую ремонтную базу, две пятитонные грузовые автомашины и сожгла склад горючего, истребив при этом до 20 фашистов.

На Дороховском направлении в тылу врага находились 11 групп, численностью по 15-17 человек в каждой. Группа М.В. Афанасьева в деревне Усташково уничтожила конюшню с лошадьми, 5 автомашин, 2 мотоцикла, полевой склад боеприпасов и до 50 немецких солдат.

На Можайском направлении успешно действовал сводный отряд полка под командованием пограничника майора И.Ф. Козлова. 300 его бойцов вышли в тыл противника небольшими группами, оседлали шоссейные и проселочные дороги, ведущие к Можайску. Согласно отчету командира отряда, они уничтожили там 317 фашистов, в том числе 18 офицеров, а также 1 тяжелое орудие, 16 автомашин, 300 линий телефонной связи, захватили трофеи (автоматы, винтовки, патроны) и ряд документов.

Ценные документы за подписью главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала Браухича захватила группа полка под командованием пограничника, младшего лейтенанта Г.С. Гладкова. Эти документы оказались настолько важными, что командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков вызвал в штаб фронта в Перхушково командира полка А.Я. Махонькова, комиссара М.А. Запевалина и коман-

дира группы Г.С. Гладкова. Он поблагодарил их и просил передать благодарность всем бойцам группы.

Получив в начале декабря приказ о развертывании истребительно-диверсионных подразделений на Можайском направлении, командование полка применило оправдавшую себя на практике систему организации сводных отрядов, создало прифронтовой штаб. Перед фронтом 50-й и 114-й дивизий 5-й армии приступили к разведке в тылу врага 16 разведывательных групп. Особый сводный отряд возглавил заместитель командира полка майор И.Ф. Козлов. Вторым сводным отрядом командовал капитан П.И. Полушкин.

Всего с 15 ноября 1941 по 1 января 1942 гг. в тыл врага были заброшены 70 истребительно-диверсионных групп полка. Они уничтожили около одной тысячи солдат и офицеров противника, несколько десятков автомашин с живой силой, боеприпасами, горючим, разгромили штаб вражеского полка, несколько складов горюче-смазочных материалов, добыли ценные разведывательные данные.

При этом, действуя в тылу врага в тяжелых условиях на сильном морозе, находясь все время в лесу и в поле, многие бойцы и командиры получили серьезные заболевания или обморожения. В результате 155 человек пришлось отчислить из полка по болезни, 173 человека были откомандированы по месту прежней службы или работы.

8 января в тыл противника на Можайском направлении были одновременно заброшены 31 истребительно-диверсионная группа общей численностью 1302 человека. С 9 января такие же группы командование полка начало забрасывать и на Боровском направлении.

К 23 января 1942 г. Красная Армия очистила Московскую область от немецко-фашистских войск. В связи с этим 27 января нарком внутренних дел подписал приказ о реорганизации истребительно-диверсионной работы. Согласно ему, Московскому истребительному мотострелковому полку придавалось еще большее значение. Вся работа по засылке в тыл врага истребительно-диверсионных групп (отрядов) органов и войск НКВД Москвы и

Московской области сосредоточивалась в полку. Все имевшиеся при УНКВД истребительно-диверсионные отряды и их вооружение передавались в полк, где создавалось отдельное подразделение. Подрывники, командированные по окончании спецшколы УНКВД в истребительные отряды и группы, направлялись в распоряжение командира полка.

Командиру (теперь полком командовал майор С.Я. Сазонов) предписывалось обучить весь личный состав в спецшколе УНКВД. Кадровый состав этой спецшколы был зачислен на все виды довольствия в полк. Сам полк стал именоваться Московским мотострелковым истребительно-диверсионным полком УНКВД Москвы и Московской области. Полку передали кавалерийский эскадрон НКВД, который впоследствии вырос в отдельный рейдовый кавалерийский отряд «Боевой».

В середине февраля, в связи с началом Ржевско-Вяземской наступательной операции Красной Армии, полк активизировал свои действия на вяземском направлении. Туда былиброшены 18 истребительно-диверсионных групп общей численностью 673 человека. Они получили новые задачи, качественно отличавшиеся от предыдущих. Теперь истребительно-диверсионным группам предстояло совершать рейды в глубокий тыл врага, наносить максимальный урон его живой силе и технике, нарушать коммуникации, устанавливать связь с местными партизанскими отрядами, передавать им захваченное у противника оружие, боеприпасы, взрывчатку, а также свой боевой опыт.

Для решения этих задач командование полка разработало целый ряд мероприятий, направленных на более тесное взаимодействие истребительно-диверсионных групп с частями Красной Армии и местными партизанскими отрядами. В непосредственной близости от линии фронта был создан полевой штаб полка, что повысило оперативность управления и улучшило связь с подразделениями. Начальником полевого штаба стал пограничник капитан М.А. Голованов.

В марте 1942 г. действия полка были перенесены в Смоленскую, Калининскую и Брянскую области. 25 апреля 1942 г. заместитель наркома внутренних дел СССР дал указание подготовить к 5 мая 10 отдельных отрядов полка для длительных действий в глубоком тылу противника. В указании говорилось: «Весь личный состав должен быть обучен и натренирован производству подрывных работ, в состав каждого отряда должно быть включено 5-7 бойцов и младших командиров, подготовленных для организации новых партизанских формирований из местного населения в тылу врага».

В целом за период обороны Москвы и контрнаступлений Красной Армии в 1941—42 гг. 135 истребительно-диверсионных групп полка (в общей сложности свыше 4 тысяч человек) выполняли специальные задания командования Западного фронта в тылу врага в Боровском, Верейском, Дороховском, Звенигородском, Клинском, Можайском, Наро-Фоминском, Рогачевском, Рузском и других районах Московской области, а также на территории Калининской, Смоленской и Брянской областей.

Бойцы полка пускали под откос эшелоны с живой силой и техникой, уничтожали штабы, базы, склады, мосты, добывали разведывательные данные, сеяли панику в расположении противника. Они делились своим боевым опытом с местными партизанами, помогали формировать новые партизанские отряды, передавали им захваченное у противника оружие и боеприпасы. В ходе боевых действий в тылу противника отряды и группы полка уничтожили, по официальным отчетам, 3761 солдат и офицеров противника, 12 танков, 96 автомашин, 5 паровозов, 66 железнодорожных вагонов, захватили много оружия, боеприпасов и военного снаряжения.

В связи с устранением непосредственной угрозы захвата столицы немецко-фашистскими войсками приказом Главного управления внутренних войск НКВД СССР от 26 июня 1942 г. Московский мотострелковый истребительно-диверсионный полк был преобразован в 308-й стрелковый полк внутренних войск и 2 июля 1942 г. передан в войска НКВД СССР.

Глава 9. Спецгруппы разведуправления Генштаба

Формированием разведывательно-диверсионных групп и отрядов с самого начала войны занимались оперативные спецгруппы разведуправления Генштаба РККА при разведотделах штабов фронтов. Они комплектовали разведывательно-диверсионные группы (РДГ) как из местных жителей, так и за счет личного состава действующих войск. Отряды — в основном за счет местного населения, но с ядром из военнослужащих.

Например, в июле 1941 года при штабе Западного фронта, по приказу Главного разведуправления Генштаба РККА, была создана Оперативная спецгруппа (ОС) в составе двенадцати офицеров во главе с полковником А.Е. Свириным.

За полтора месяца ОС сформировала и отправила в тыл противника 52 группы и отрядов. Но из-за отсутствия опытных офицерских кадров, способных правильно наладить эту работу, неудачной организационно-штатной структуры разведотделов штабов армий и фронта, их слабого материально-технического оснащения, боевые возможности диверсионных групп и отрядов оставались низкими.

В частности, отбор личного состава осуществлялся без учета моральных и деловых качеств бойцов, их психологической совместимости, степени физической тренированности. Обучение, содержание которого составляли минно-взрывное дело, изучение методов маскировки и стрелковая подготовка, проводилось слишком поспешно (от трех до десяти суток). Даже командиры отрядов (не говоря уже о группах) не имели специальной подготовки, а потому не могли качественно руководить своими подчиненными. Боевое взаимодействие членов групп не отрабатывалось заранее. Оперативную обстановку во вражеском тылу они совершенно не знали. В итоге имели место значительные потери, в том числе от неумелого использования собственных мин и взрывных средств.

Вследствие отсутствия радиосвязи добываемые группами разведанные к моменту возвращения безнадежно устаревали. Поэтому главной задачей РДГ стало оказание помощи Красной Армии своими действиями в тылу вражеских войск. Им предписывалось нападать на штабы, склады, автоколонны, выводить из строя мосты, участки железных дорог, линии телеграфно-телефонной связи и электропередачи. Кроме того, они должны были создавать агентурную сеть на оккупированной территории.

Но указанные задачи летом-осенью 1941 года решали в полном объеме только отдельные группы и отряды. Почти все они базировались в труднодоступной для противника местности, на большом удалении от его военных объектов. Помимо отсутствия радиостанций, управление их действиями затрудняла частая передача армий из состав одного фронта в другой и смена оперативных направлений. Поэтому в большинстве случаев после одной-двух боевых операций они в дальнейшем решали преимущественно задачи своего выживания.

В первые два-три месяца войны были также допущены ошибки организационного характера. Они заключались в том, что разведотделы фронтов и армий наряду с небольшими группами создавали и крупные отряды, численностью несколько сотен человек, построенные по принципу воинских частей. Столь громоздкие подразделения трудно было перебрасывать в тыл противника. Они неизбежно несли значительные потери и часто гибли, даже не достигнув района своего оперативного назначения. Постепенно стало ясно, что подобные формирования вообще не нужны, так как в немецком тылу имеется достаточное количество людей, готовых взяться за оружие. Для этого нужны хорошо подготовленные небольшие группы специалистов, способные организовать вокруг себя активную часть местного населения.

По мере приобретения опыта, оплаченного множеством жертв (в 1941 году погибла в общей сложности половина личного состава групп и отрядов, заброшенных в тыл противника по линии военной разведки), руководство Главного разведуправления начало вносить коррективы в свою работу.

Так, в середине августа 1941 года Оперативную спецгруппу при штабе Западного фронта преобразовали в Оперативный диверсионный пункт (п/я № 14), начальником которого стал майор А.К. Спрогис. Его основными задачами являлись организация и осуществление в тылу противника диверсионной и разведывательной работы, развертывание там массовой партизанской борьбы. Офицеры-разведчики работали непосредственно в войсках 16-й, 20-й и других армиях Западного фронта. Каждому из них поручалось создать на своем участке сеть партизанских отрядов из местных добровольцев. Все они получили специальные удостоверения, подписанные начальником штаба фронта. Вот содержание одного из них:

«Предъявитель сего майор тов. Спрогис Артур Карлович является особоуполномоченным представителем Военного совета Западного фронта. Предлагаю командирам частей и соединений Западного фронта оказывать всемерное содействие в его работе, а также обеспечивать людским составом, вооружением и другими видами снабжения, необходимыми для выполнения возложенных на него особых поручений. Указания майора Спрогиса А.К. для командиров частей и соединений, связанные с выполнением спецзаданий, являются обязательными. Майору Спрогису и другим лицам по его указанию разрешается переход фронта в любое время.

*Начальник штаба Западного фронта
генерал-лейтенант Г.К. Маландин.
20 июля 1941 г.»*

В ходе нескольких наборов добровольцев одна только Москва дала диверсионному пункту 2000 человек. На диверсионном пункте были организованы специальные занятия. Будущих диверсантов обучали минно-подрывному делу, способам поджога складов, хранилищ и других объектов противника, методам маскировки, учили пользоваться отечественным и трофейным стрелковым оружием.

После успешного контрнаступления советских войск под Москвой в декабре 1941 года, отбросившего фашис-

тов на 100—250 км, методы работы диверсионного пункта изменились. Начиная с января 1942 года вместо переброски диверсионных групп через линию фронта пешим порядком в ближний тыл противника стали перебрасывать в дальний тыл на транспортных самолетах диверсионно-разведывательные отряды особого назначения. Первым таким отрядом в составе 40 человек, переброшенным в район Жиздра-Сухиничи, командовал майор Н.В. Чернов. Отряд имел задачу содействия наступающим войскам 10-й и 16-й армий. В феврале в район Пинск-Лунино (Белоруссия) был переброшен отряд под командованием майора И.Т. Топкина.

В марте 1942 года все оперативные диверсионные пункты были преобразованы в 6-ые (диверсионные) отделения при разведотделах штабов фронтов. Так, ОДП Западного фронта получил наименование «войсковая часть № 9903».

С этого времени в тыл противника, в том числе в Белоруссию, перебрасывались в основном разведывательные группы особого назначения, численностью 4—5 человек каждая, со средствами радиосвязи (радиостанция «Северок»). Их доставку производили с аэродрома Монино в Московской области самолеты полка авиации дальнего действия, которым командовала В.С. Гризодубова. Центр имел свою спецлабораторию минно-подрывного и стрелкового дела, свою автобазу в количестве 30 автомашин.

По данным отчета, представленного командующему Западным фронтом Г.К. Жукову, ОДП (6-е отделение) разведотдела штаба фронта за 12 месяцев (15 августа 1941 — 15 августа 1942 гг.) сформировал, подготовил и направил в тыл противника 115 диверсионно-разведывательных групп и отрядов общей численностью 2862 человека (в том числе оперативную группу № 27, состоявшую из немцев-антифашистов, под командованием М. Беккера). Они установили на путях сообщения в тылу противника 16 тысяч шоссейных, железнодорожных и противопехотных мин. Результаты взрывов выставленных мин удалось учесть не более чем на 15—20%, т.к.

учитывались лишь те взрывы, которые произошли тогда, когда группа или отряд находились вблизи объекта диверсии. Потери личного состава РДГ составили 195 человек убитыми и 170 человек пропавшими без вести (13%).

Кроме того, из местного населения на оккупированной территории были созданы 52 партизанских отряда численностью более 3000 бойцов (в среднем по 60 человек).

Командир спецгруппы (отряда) назначался из офицеров. Среди бойцов обязательно были радист, минер-подрывник, переводчик, в отрядах — санинструктор либо врач. Вооружение отличалось разнообразием систем, но преобладало автоматическое оружие (автоматы, ручные пулеметы), имелся большой запас ручных гранат. Эти огневые средства не стесняли маневра, отвечали требованиям скоротечного ближнего боя, обеспечивали высокую огневую мощь. В партизанских отрядах, кроме того, состояли на вооружении станковые пулеметы, противотанковые ружья, минометы.

В декабре 1942 года 6-ые отделения прекратили существование в связи с реорганизацией. Все оставшиеся диверсионные группы перешли в прямое подчинение Главного разведывательного управления Генштаба. Начальники и офицеры этих подразделений получили другие должности. В частности, А.К. Спрогис был назначен начальником штаба партизанского движения Латвии.

К сожалению, в течение всей войны реорганизация следовала за реорганизацией. Давно замечено: если хочешь замедлить процесс или развалить дело, затевай реорганизацию.

Глава 10. Спецгруппы ОМСБОН

Как уже отмечалось, с началом войны была создана Особая группа при НКВД СССР, которая занималась организацией разведывательной, диверсионной и боевой деятельности в тылу фашистских войск. Позднее Особую группу реорганизовали в 4-е управление.

На Особую группу (позже на 4-е Управление в центре и 4-ые отделы на местах) были возложены обязанности по формированию и подготовке диверсионно-разведывательных групп и партизанских отрядов, руководству их боевой деятельностью, организации связи с ними, обеспечению партизан оружием, боеприпасами, техникой, продовольствием, одеждой.

Уже упоминавшийся выше П.А. Судоплатов вспоминал в своей книге: «Мы сразу же создали войсковое соединение Особой группы — отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН НКВД СССР), которой командовали в разное время Гриднев и Орлов. По решению ЦК партии и Коминтерна всем политическим эмигрантам, находившимся в Советском Союзе, было предложено вступить в это соединение Особой группы НКВД.

Бригада формировалась в первые дни на стадионе «Динамо». Под своим началом мы имели более 25 тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев — немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар и румын. В нашем распоряжении находились лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике. Они стали основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага».

Судоплатова подвела память. На самом деле поначалу нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия приказом от 27 июня 1941 года создал «войска Особой группы при Народном комиссариате внутренних дел СССР». Командовал ими комбриг П.М. Богданов, начальником штаба стал подполковник В.В. Гриднев. Эти войска состояли из двух мотострелковых бригад и трех рот (саперно-подрывной, связи, автомобильной). Кроме того, в штатах нового воинского формирования числилась школа специалистов (разведчиков и диверсантов), подчиненная Особой группе.

В октябре 1941 года войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН). Она

включала в свой состав 2 мотострелковых полка (7 батальонов), 4 отдельные роты (саперно-подрывную, связи, автомобильную, парашютно-десантной службы), отряд специального назначения (т.е. диверсионно-разведывательные группы) и школу специалистов (диверсантов-разведчиков). Одним полком командовал прежний начальник штаба, пограничник В.В. Гряднев (в последующем командир бригады), другим — тоже пограничник, майор Н.К. Самцев. Командиром ОМСБОН руководство наркомата назначило полковника М.Ф. Орлова, ранее возглавлявшего Себежское училище войск НКВД.

Бригада комплектовалась за счет сотрудников Главного управления погранвойск, органов милиции и пожарной охраны, курсантов Высшей школы НКВД и Высшей пограничной школы, спортсменов-добровольцев Центрального института физкультуры, Центрального дома Красной Армии и общества «Динамо», а также комсомольского актива, мобилизованного по призыву ЦК ВЛКСМ. Включение пограничников и сотрудников органов госбезопасности в состав бригады было обусловлено их профессиональными навыками: умением действовать мелкими группами, самостоятельно решать сложные задачи, не рассчитывая на помощь извне в течение длительного времени.

Для боевой подготовки личного состава командование разработало общую и специальную программы. Они включали стрельбу из различных видов отечественного и трофейного оружия, тактику боя в лесу, топографию и ориентирование на местности, минно-подрывное дело, рукопашный бой с холодным оружием и без него, ночные прыжки с парашютом, вождение автомобиля и мотоцикла, радиодело, навыки медицинской самопомощи.

Однако вскоре стали видны серьезные недостатки в этом важном деле. Так, планировалось, что основное внимание в обучении бойцов и командиров будет уделено специальной подготовке. Но она проводилась лишь эпизодически и не касалась многих важных вопросов разведывательной и диверсионной работы, а также способов вывода спецгрупп в тыл противника. Изучение оружия

происходило на устаревших образцах. Серьезным недостатком было и то, что бойцов не обучали тактике перехода линии фронта, действий мелких групп в условиях окружения, поиска и преследования со стороны вражеских сил. К ведению занятий не привлекались офицеры-фронтовики. Эти и другие недостатки снижали уровень готовности бойцов и командиров решать конкретные боевые задачи. Позже пришлось вносить многочисленные коррективы в учебные программы, усиливать инструкторский состав, улучшать методы обучения.

Но, независимо от степени совершенства учебного процесса, за 4 года войны по специальной программе были подготовлены 212 спецгрупп и отрядов общей численностью 7136 человек (из них более 3-х тысяч десантников-парашютистов и около 2-х тысяч подрывников). Кроме того, инструкторы бригады обучили подрывной и диверсионной работе 580 парашютистов-десантников из состава специальных гвардейских частей резерва главного командования РККА, подготовили свыше 3,5 тысяч подрывников из числа партизан и агентов спецгрупп.

Во время битвы за Москву ОМСБОН в составе 2-й мотострелковой дивизии НКВД в основном использовалась на передовой. Но и в этот период в ней формировали боевые группы, предназначенные для заброски во вражеский тыл. Типовая группа состояла из 7 человек: командир, радист, подрывник, помощник подрывника, снайпер, два автоматчика. В зависимости от задания, боевые группы могли объединяться или дробиться.

Зимой 1941—42 гг. мобильные отряды и боевые группы ОМСБОН провели множество дерзких рейдов и налетов в немецком тылу. Большинство рейдов закончилось успешно, хотя диверсанты понесли большие потери.

* * *

С весны 1942 года подготовка и заброска спецгрупп для действий в глубоком тылу противника стала главной задачей бригады. Использование ее подразделений в боях на линии фронта прекратилось. Уже к сентябрю были

переправлены через линию фронта 58 таких групп. Они должны были вести глубокую разведку с целью выявления планов фашистского командования, помогать Красной Армии путем дезорганизации вражеского тыла, нарушения его коммуникаций, оказывать помощь подполью в организации конспиративной работы, местным партизанским отрядам в их боевой деятельности.

Боевая деятельность групп и отрядов ОМСБОН в тылу врага в 1942—44 гг. осуществлялась по заданиям командования Западного, Центрального, Брянского, трех Белорусских и первого Украинского фронтов. Отряды и спецгруппы бригады были заброшены почти во все оккупированные области РСФСР, на Украину и в Белоруссию, в республики Прибалтики, на Северный Кавказ. При этом районы их дислокации и характер действий определялись задачами, стоявшими перед отдельными фронтами, и конкретными условиями на оккупированной территории.

Всем спецгруппам и спецотрядам ОМСБОН присваивались кодовые названия, и они оставались самостоятельными весь период нахождения в тылу врага. Но в зависимости от характера основного задания эти группы то сохраняли свой первоначальный состав, избегая его расширения (преимущественно группы, имевшие особые разведывательные задания), то становились ядром для образования партизанских отрядов. К ним присоединялись военнослужащие РККА, оказавшиеся в окружении или совершившие побег из плена, а также местные жители, недовольные оккупационным режимом. В конечном итоге многие такие отряды превратились в крупные партизанские соединения, контролировавшие обширные районы в глубоком тылу противника.

Боевой опыт подтвердил, что наиболее благоприятные условия для ведения разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работы за линией фронта имели те оперативные группы, которые быстро обрастали добровольцами-патриотами либо опирались на местные партизанские силы.

Вот как об этом вспоминал В.В. Гриднев: «ОМСБОН, формируя для заброски во вражеский тыл оперативно-разведывательные и диверсионные отряды и группы, не называл их партизанскими. Мы говорили о них как о группах или отрядах специального назначения, присваивали им обычно кодовые наименования, например, «Олимп», «Борцы», «Славный», «Вперед».

В то же время в фашистском тылу в разных местах и разными путями партийные и советские органы создавали отряды, которые все называли партизанскими, а мы к такому определению добавляли еще и слово «местные». Зачастую эти местные отряды, особенно на первых порах, самым тесным образом взаимодействовали с омсбоновскими группами и отрядами, а иногда и сливались с ними.

Это понятно, поскольку пока еще не было штабов партизанского движения и единого руководства, отряды и группы специального назначения являлись как бы «официальными» и «полномочными» представителями Большой земли, да к тому же поддерживали с ней устойчивую радиосвязь».

Например, в короткие сроки в Витебской области БССР выросла в партизанскую бригаду численностью свыше 3 тысяч бойцов оперативная группа «Неуловимые», состоявшая из 29 человек, под командованием офицера-пограничника капитана М.С. Прудникова, впоследствии Героя Советского Союза. В ОМСБОНе он был с конца 1941 года, командовал одним из батальонов.

Группа «Местные» в составе 24 человек под командованием С.А. Ваупшасова в 1942 году организовала 10 партизанских отрядов, насчитывавшие 3200 человек. Напомним, что это тот самый Ваупшасов, который в начале 20-х годов был в Западной Белоруссии организатором и командиром партизанских отрядов и диверсионных групп, позже являлся участником партизанской войны в Испании.

В первых числах августа 1942 г. в тыл противника была переброшена оперативная группа «Охотники» во главе с бывшим пограничником Н.А. Прокопюком. Вско-

ре группа выросла в бригаду численностью 1570 человек.

Как уже сказано, группа «Неуловимые», которой командовал бывший офицер-пограничник М.С. Прудников, заброшенная в Витебскую область, превратилась в партизанское соединение, имевшее в своем составе 16 партизанских отрядов. Таких примеров можно привести немало.

По данным официальных отчетов, за 28 месяцев партизанской деятельности соединение Прудникова пустило под откос 511 эшелонов, взорвало или сожгло 104 моста, 81 автомашину и трактор, провело 141 бой с немецко-фашистскими войсками, взяло в плен 260 вражеских солдат и офицеров, 51205 солдат и офицеров уничтожило либо ранило, установило и постоянно поддерживало конспиративную связь с 350 подпольщиками.

Партизанский отряд «Грозный» сформировал бывший пограничник Ф. Озмитель. После пяти с половиной месяцев пребывания во вражеском тылу сводка о боевой работе «Грозного» выглядела так: «пущено под откос 9 воинских эшелонов с техникой и живой силой противника, подорвано 22 автомашины с солдатами, боеприпасами и другими военными грузами, 4 шоссейных моста, турбина, выведено из строя 8 км линий телефонно-телеграфной связи, проведено 10 боевых операций, в ходе которых уничтожено около 400 вражеских солдат и офицеров».*

Ф.Ф. Озмитель командовал штурмовой группой при прорыве блокады в Наровлянских лесах. Дезориентируя врага, он дважды прорывался через вражеское кольцо и нарочно вновь входил в него, отвлекая карателей от главных сил партизан. В ходе боя командир остался без патронов. Чтобы не попасть в руки врага, он взорвал себя

---

* Необходимо еще раз отметить, что ко всем рапортам партизанских командиров (впрочем, как и армейских) о потерях противника надо относиться весьма критически. Практически всегда они завышены, особенно в части людских потерь врага. Весь вопрос, во сколько раз? — *Прим. ред.*

гранатой. Старшему лейтенанту Ф.Ф. Озмителю было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Опыт показал, что важнейшее значение имел выбор обоснованного способа вывода подразделения во вражеский тыл и определение нескольких вариантов маршрута его движения в заданный район. Как правило, реальные маршруты отрядов и групп, пройденные ценой героических, подчас предельных усилий бойцов и командиров, значительно отличались от предполагаемых. В то же время последние определяли их общее направление.

Основным способом вывода в первый год войны был переход линии фронта (зимой, как правило, на лыжах). Но с середины 1942 года все большее значение, а впоследствии основное, приобрел выброс групп и отрядов на парашютах. Постепенно ОМСБОН, как выразился ее командир М.Ф. Орлов, приобрела характер парашютно-десантного соединения. В общей сложности до конца войны произошло свыше 800 выбросов парашютистов за линию фронта.

В начале 1943 года ОМСБОН была переформирована в Отряд особого назначения (ОСНАЗ) при НКВД-НКГБ СССР. Эта войсковая часть предназначалась исключительно для разведывательно-диверсионной работы в тылу противника.

Итогом диверсионно-разведывательной деятельности ОМСБОН-ОСНАЗ за время войны стало (по данным командования) уничтожение 335 мостов, 1232 паровозов и 13181 вагонов, цистерн, платформ, 2323 автомашин, тягачей, мотоциклов, вывод из строя около 700 километров кабелей телефонно-телеграфных линий, свыше 400 других диверсий (уничтожение складов и предприятий). Воины бригады разгромили 122 комендатуры, жандармских и полицейских управлений, штабов. Были ликвидированы 87 видных функционеров оккупационного режима, 2045 фашистских агентов и пособников. Кроме того,

135 оперативных спецгрупп передали 4418 разведывательных сообщений высшему командованию РККА.

При этом погибли и пропали без вести свыше 600 бойцов и командиров, около 1500 получили ранения.

* * *

Среди недостатков в деятельности ОМСБОН необходимо отметить такие, которые были типичными для большинства партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных формирований.

Во-первых, это недостаточная изученность офицерами штаба, ответственными за переброску групп во вражеский тыл, мест перехода линии фронта, конкретной ситуации в районе выброса парашютного десанта и в прифронтовой полосе. В результате группам и отрядам нередко приходилось прорываться с боем, нести значительные потери, откладывать сроки перехода либо изменять его место. Парашютисты иной раз сразу попадали под обстрел, безнадежно зависали на высоких деревьях, натывались на засады.

Во-вторых, фактическое отсутствие у бригады до конца войны собственных авиатранспортных средств пагубно влияло на оперативность действий. Многим формированиям приходилось после перехода линии фронта неделями двигаться к месту базирования по прифронтовой полосе, густо насыщенной воинскими частями, охраняемыми отрядами и полицией.

В-третьих, крайне отрицательно сказывалось отсутствие у командиров отрядов (тем более — у подрывников) точных карт местности. На имевшихся картах слишком многое не соответствовало реальной обстановке, что часто приводило к возникновению опасных ситуаций.

В-четвертых, имели место серьезные просчеты в подборе командиров отдельных отрядов и групп. В одних случаях неспособность командиров руководить подразделением проявлялась уже при попытке перехода линии фронта. Такие группы (отряды) командование отзывало

и перестраивало. В других — несоответствие командира своей роли выявлялось уже во вражеском тылу. Например, из-за некомпетентности и ошибочных действий командира Ворошилова его отряд вскоре после перехода через линию фронта потерял 19 человек убитыми и пропавшими без вести, так и не успев выполнить основное задание.

В-пятых, бывали случаи, когда отдельные командиры, а также сотрудники особых отделов, в стремлении любой ценой утвердить свою власть вершили самосуд. Они без следствия и суда, без доказательств виновности приговаривали к смертной казни бойцов, связанных, сочувствующих лиц из числа местного населения. Например, именно так были расстреляны бойцы ОМСБОН И. Гриднев, Г. Пелипенко, Д. Шклярский в отрядах Ворошилова и Кущина.*

В-шестых, систематически выявлялись недостатки в физической и в специальной подготовке бойцов. Следствием того и другого были многочисленные случаи неоправданных потерь в бою, гибели подрывников от неосторожного обращения с взрывчаткой, замедленного продвижения по маршруту, утрата радиосвязи со штабом. Например, из-за потери радиосвязи преждевременно вернулась с задания группа Н.И. Лапина (13 человек).

---

* Характерный пример: в августе 1943 г. начальник особого отдела бригады имени Чкалова Барановичского партизанского соединения (БССР) лично расстрелял 19-летнюю Елену Станкевич, разведчицу отряда «За Советскую Родину» данной бригады на том основании что она, якобы, «является агентом гестапо». На самом деле, причиной для расправы был отказ девушки стать любовницей особиста. После XX съезда КПСС ее посмертно реабилитировали.

Весьма показательно и то, что реабилитация невинной жертвы не повлекла за собой суд над преступником. Подобно большинству других таких же «борцов с внутренними врагами», он продолжал числиться ветераном войны, носить награды, состоять в партии, пользоваться льготами, получать пенсию. И, разумеется, рассказывать молодежи о своей «борьбе» с немецко-фашистской агентурой среди партизан. — *Прим. ред.*

В-седьмых, совершенно не учитывалась психическая усталость бойцов и командиров, месяцами и даже годами действовавших в экстремальной обстановке. Они остро нуждались в отдыхе, в психологической разрядке. Об этом свидетельствуют случаи дезертирства и самострелов в отдельных отрядах ОМСБОН и во многих партизанских формированиях.

В-восьмых, материальная оснащенность спецотрядов и групп, особенно в 1941—42 гг., не соответствовала сложности задач, которые им приходилось решать в тылу врага. Они уходили за линию фронта с крупногабаритными радиостанциями, тяжелыми элементами питания или электродвижками. В ряде случаев на каждого бойца приходилось по 40—50 кг различных грузов. Это серьезно затрудняло мобильность. Первые отряды почти не имели автоматического оружия. Из-за нехватки валеков в суровые зимы 1941-43 гг. частыми были случаи обморожений.

Но, несмотря на эти и другие недостатки, личный состав специальных подразделений ОМСБОН в своем подавляющем большинстве проявлял мужество, стойкость, сплоченность и успешно справлялся с выполнением боевых заданий.

* * *

В конце 1945 года ОСНАЗ расформировали. Некоторые его бойцы вошли в состав спецподразделений МВД-МГБ, которые вели тяжелую «лесную войну» с отрядами прибалтийских и западноукраинских националистов. Эти формирования сосредоточили в своих рядах отборный личный состав, настоящих «волкодавов» высшей пробы. Не случайно еще в разгар войны, анализируя большие потери, понесенные разведгруппами СД на советской территории, один из руководителей РСХА Вальтер Шелленберг (1910—1952) отметил «трудность противодействия специальным силам НКВД, чьи части почти на 100% укомплектованы снайперами».

Психологическое обеспечение спецформирований

Практика войны показала, что для целенаправленного, умелого руководства деятельностью личного состава диверсионно-разведывательных групп и отрядов требуется особая морально-психологическая подготовка их командиров и личного состава.

Предпочтение надо отдавать индивидуальному подходу и в обучении, и в боевом использовании. Командиры обязаны знать моральные, волевые и боевые качества каждого бойца, слабые и сильные стороны его характера. Если в группе оказывался трус, слабохарактерный или неискренний человек, он мог в трудную минуту подвести своих товарищей, дать ложные сведения, ввести командира в заблуждение.

Однако никаких инструктивных документов по этому вопросу в годы войны не существовало. Специального изучения вопросов морально-психологической подготовки в диверсионно-разведывательных группах никто не проводил, обобщенные материалы отсутствовали.

Обычно комплектование групп и отрядов производилось по принципу добровольности. Сначала политработники проводили беседы. Они рассказывали в общих чертах о характере боевой деятельности спецформирований за линией фронта, сохраняя в тайне конкретное задание и район его выполнения. После таких бесед из подразделений поступали заявления с просьбами о зачислении в спецгруппу (отряд).

Применялись два способа формирования партизанских и диверсионно-разведывательных подразделений: по принципу индивидуального отбора и путем выделения подразделений в полном составе. Оба способа имели свои положительные и отрицательные стороны. При комплектовании посредством индивидуального отбора на первых порах страдала сплоченность группы. Так комплектовались, как правило, группы и небольшие отряды.

При выделении в состав диверсионно-разведывательных, истребительно-диверсионных формирований целого

подразделения командиры и комиссары лучше знали своих подчиненных, но зато трудно было обеспечить в этом случае подбор воинов с одинаково высоким уровнем морально-волевых качеств, боевой подготовки.

В связи с недооценкой важности индивидуальной морально-психологической работы с личным составом спецформирований, бывали случаи серьезных провалов. Так, на участке Карельского фронта 23 ноября 1941 г. в тыл противника через линию фронта вышел партизанский отряд № 5. Он отправился на операцию в составе 93 человек. Среди них опытных и проверенных людей было 39 человек, остальные — новое пополнение (подобранных особым отделом НКВД — 36 человек, проводников из местных партизан — 10, подрывников из инженерного управления — 8 человек).

Группа была сформирована 19 ноября, а уже 23 ноября вышла на операцию. Знакомство с людьми было поверхностным. В период нахождения в тылу противника из группы сбежали три человека, причем один из них перед побегом похитил у своего командира взвода автомат. В результате вместо проведения намеченной операции отряду пришлось уходить от преследования гитлеровцев. Удалось установить, что именно один из предателей после побега вывел немцев на партизанский отряд.

Во время отдыха вблизи деревни Андреево боевое охранение отряда обнаружило в непосредственной близости от расположения партизан группу немцев. Вел их человек в маскхалате и головном уборе с отличительной повязкой их партизанского отряда. Опознать его не удалось. Гитлеровцы успели подойти почти вплотную. Завязалась перестрелка, в ходе которой сразу погибли командир взвода и красноармеец. Отряд был рассеян и понес большие потери.

Опыт войны показал, что для успешного руководства диверсионно-разведывательными отрядами (группами) от их командиров в равной мере требовалась специальная и психологическая подготовка. Между тем уровень общеобразовательной и теоретической подготовки офицерского

состава из-за проведенных репрессий был недостаточно высок.

Специальное обучение личного состава на ходу перестраивалось и нацеливалось на устранение этих недостатков. Особое внимание обращалось на углубленное изучение основ управления боем, разведку. В тактическую подготовку включали вопросы боя мелких подразделений в окружении, выход из окружения и совместные действия с партизанскими отрядами в тылу противника.

Что же касается морально-психологических качеств, необходимых для действий во вражеском тылу, то дело ограничивалось общей системой политико-воспитательной работы. В ней, как известно, было очень много формализма и начетничества.

Слабо популяризировались отличившиеся в ходе операций бойцы и командиры. Политорганы не сумели обеспечить выполнение даже такой своей обязанности, как представление к награждению достойных. Бытовала практика перестраховки, когда старшие командиры и начальники необоснованно задерживали наградные материалы, они подолгу оформлялись, отмечались многие случаи изменения степени отличия, исключительно в сторону понижения.

Например, за успешное проведение ряда боевых операций по тылам противника в августе 1941 г. в погранвойсках Ленинградского округа были подготовлены наградные материалы на 129 человек, в том числе пяти пограничникам — на присвоение звания Героя Советского Союза (сержанту А.Ф. Бусалову, младшему сержанту П.Б. Нечите, лейтенанту С.М. Родионову, младшему лейтенанту С.Ф. Ситникову, политруку Н.А. Чуднову). Оформление документов затянулось, в результате отличившиеся пограничники оказались вообще без наград. Так, к сожалению, было не только в этом случае.

За два первых года войны (июль 1941 — июнь 1943 гг.) из всей громадной массы партизан и их руководителей, в своем большинстве героически сражавшихся с врагом, орденами и медалями были награждены Указами Вер-

ховного совета СССР лишь 4136 человек, приказами военных советов фронтов 2525, приказами начальника ЦШПД — 2043. Всего 8074 человека.

Выводы

Приведенные выше сведения дают ясное представление о зарождении и становлении советских войск специального назначения.

Численный состав и организация войсковых формирований партизанского типа, направлявшихся в тыл врага, были различными. То и другое определялось такими факторами, как поставленная задача, наличие сил и средств, физико-географические условия местности, плотность войск врага и другими.

Подразделения для действий в тылу противника формировались по принципу добровольности из личного состава какой-либо части или даже нескольких частей. Это давало возможность подобрать лучших солдат, сержантов, офицеров по их индивидуальным, моральным, физическим и боевым качествам.

Однако такой способ формирования имел и существенные недостатки, а именно: вновь сформированное подразделение являлось слабо сплоченным в боевом отношении. Командиры не знали в должной мере своих подчиненных и, естественно, подчиненные плохо знали или совсем не знали своих командиров. Наиболее приемлемым оказался вариант, когда для действий в тылу врага использовались штатные подразделения.

Спецподразделения решали следующие задачи:

- вели разведку в интересах командования фронта или армии;
- воздействовали на коммуникации противника, уничтожали его транспортные средства, перевозимую на них живую силу, технику и материальные средства;
- нарушали работу штабов и линий связи;
- уничтожали склады, небольшие гарнизоны, базы диверсионно-разведывательных формирований противника;

- захватывали и удерживали до подхода частей Советской Армии важные рубежи и объекты;
- освобождали военнопленных из лагерей;
- вели политическую работу среди местных жителей и вовлекали их в партизанскую борьбу.

Тактика действий специальных войсковых подразделений в тылу врага имела мало общего с общевойсковой тактикой, ей были присущи свои специфические особенности. Наиболее целесообразными способами их действий являлись разведка и поиск, засады, налеты, диверсии, рейды. Наступательные и оборонительные боевые действия общевойскового типа применялись лишь вынужденно.

Результаты разведывательно-диверсионных действий находились в прямой зависимости от материально-технического оснащения формирований. Из-за недостатков в этом вопросе были многочисленные случаи срыва намеченных операций.

Особое значение для успешных действий в тылу противника имела внезапность наносимых ударов. Она достигалась строжайшим соблюдением маскировочной дисциплины, умелыми ночными действиями, хорошо налаженной разведкой, а также творческим применением различных тактических приемов.

Удары, наносимые по тыловым учреждениям и коммуникациям противника, были весьма ощутимы для него как в боевом, так и в морально-психологическом отношении.

Успешные действия партизанских формирований, созданных при непосредственном участии военнослужащих, показали прямую зависимость их живучести от поддержки местным населением. Войсковые партизаны повсеместно поддерживали связь с местными партизанами, взаимодействовали с ними, опирались на помощь населения, получали от него продовольствие, пополнялись людскими ресурсами.

Помимо действий на коммуникациях, специальные партизанские формирования оказывали существенную помощь войскам Красной Армии добываемыми ими раз-

ведывательными данными. Партизанская разведка, проникая во вражеский тыл, выявляла расположение фашистских войск, которое не могла обнаружить авиация.

О размахе разведывательной деятельности партизан в интересах Красной Армии можно судить по следующим фактам. В Украинский штаб партизаны направили в 1942 г. 165 сообщений, в 1943 г. — 1200 и в 1944 г. — 1379. Белорусские партизаны при подготовке операции «Багратион» только с 21 мая по 22 июня 1944 г. выявили в тылу группы армий «Центр» расположение 487 частей и соединений, 33 штабов, 900 гарнизонов, 985 км оборонительных рубежей, 130 зенитных батарей и 70 крупных складов.

ЧАСТЬ 4

СПЕЦИФИКА ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ

Глава 11. Цели и приоритеты партизанских действий

«Беда первых партизанских формирований, — писал бывший пограничник, партизанский генерал М.И. Наумов, — коренилась и в том, что их использовали для действий в прифронтовой полосе противника. Необученные, не оснащенные по фронтовому, вообще непригодные ни в каком отношении к позиционному образу действий, партизаны зачастую гибли, не принося противнику существенного вреда, в то время как в глубоких тылах оккупантов господствовало спокойствие: там некому было ни тревожить врага, ни разрушать его коммуникаций. И там только укреплялись, пользуясь тишиной, административные органы оккупантов».

К сожалению, в первый год войны специально сформированные партизанские отряды действовали в основном в прифронтовой полосе, то есть в самых трудных для них условиях, где была наибольшая насыщенность вражеских войск и меньше возможностей наносить врагу урон, не вступая с ним в открытый бой.

К каким общим последствиям приводила установка на «борьбу с частями вражеской армии» видно по следующим данным. До 1 октября 1941 г. только на оккупированной территории Украины были оставлены 738 партизанских отрядов общей численностью 26257 человек и 191 диверсионная группа общей численностью 1374 человека. В октябре и ноябре заброска партизанских фор-

мирований в тыл врага на Украине продолжалась. Но к 26 июня 1942 г. на Украине из 778 состоявших на учете партизанских отрядов значились действующими только 22 отряда, насчитывавшие 3310 человек.

Следовательно, за 12 месяцев войны уцелели менее трех процентов партизанских отрядов и групп из числа заброшенных в тыл врага в 1941 г.! При этом весьма примечательно то обстоятельство, что почти все выжившие в первый год войны партизанские формирования возглавляли командиры, имевшие военную либо специальную партизанскую подготовку.

Не лучше обстояло дело в Белоруссии, где имелись исключительно благоприятные природные условия для партизанской войны. 19 августа ЦК компартии Белоруссии докладывал в ЦК ВКП(б), что к 1 августа 1941 г. на территории Белоруссии действовал 231 партизанский отряд общей численностью свыше 12 тысяч человек. В конце лета и осенью того же года формирование и засылка партизанских отрядов продолжались. Всего за второе полугодие 1941 г. были созданы и направлены в тыл противника в Белоруссию 437 партизанских отрядов и групп, насчитывавшие 7251 человек.

Но как удалось установить уже после войны, к 1 августа 1941 г. на территории Белоруссии действовал только 61 партизанский отряд, а не 231. К январю 1942 г. вообще осталось 50 отрядов. Из них 19 отрядов организовали воины Красной Армии, оказавшиеся в тылу противника, и еще 6 отрядов организовали командиры Красной Армии из местного населения. Следовательно, из тех 437 групп и отрядов, которые были специально заброшены в тыл противника, прекратили свое существование 412, или 95 процентов. Часть их погибла в боях с противником, часть распалась, а часть вышла обратно в советский тыл.

Аналогичная картина наблюдалась и на северо-западном направлении. Несколько лучше дело обстояло на оккупированной территории Смоленской, Калининской и Орловской областей, где было больше времени для подготовки партизанских формирований и больше военнослужащих в их составе.

В 1941 году директивы, составленные без учета теории и практики партизанской борьбы, продиктованные стремлением нанести урон врагу любой ценой, приводили в движение огромные массы людей и наносили прямой урон партизанскому движению. Например, именно таким явился приказ Ставки № 0428 от 17 ноября 1941 г., составленный лично И.В. Сталиным. Он, в частности, гласил:

«1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать минометный и артиллерийский огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать.

4. Военным советам фронтов и отдельных армий систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта».

Возможно, что такие действия в самом деле могли создать большие неудобства оккупантам. Но в первую очередь они напрямую били по местному населению и никак не способствовали развертыванию партизанского движения. Совершенно не случайно в ряде случаев крестьяне, дабы защитить себя от «поджигателей», вместо того, чтобы помогать партизанам в их борьбе, сами охранили от них свои дома, участвовали в поимке диверсантов и даже передавали их оккупантам.

Под влиянием опыта, приобретавшегося ценой большой крови, с течением времени наметился отход от ранее поставленной задачи по «разрушению стратегических объектов и главным образом по уничтожению его (противника — авт.) живой силы и техники», началась переориентация партизан «на создание серьезных трудностей для продвижения противника на его коммуникациях».

Так, в середине декабря 1941 г. секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко (1902—1984) обратился к Сталину с запиской «К вопросу о постановке диверсионной работы в тылу врага» и был приглашен на беседу к генсеку. В записке доказывалась необходимость организации широкой, систематической диверсионной работы и предлагались необходимые для этого меры. В частности, указывалось на то, что систематическими диверсиями можно закрыть движение на железнодорожных магистралях, ночное движение на автомобильных дорогах, сделать неполноценным дневное движение. Это заставит противника снять с фронта десятки дивизий на охрану коммуникаций, что затруднит диверсии, но не сможет их прекратить.

Пономаренко делал вывод, что в целом на данный момент постановка диверсионной работы неудовлетворительна, не соответствует огромным возможностям, которыми располагает страна. Он предлагал перейти к широко организованной, планомерной массовой диверсионной работе в тылу врага.

В числе мер, необходимых для развития таковой, значились:

- организация сети специальных школ для подготовки партизан-диверсантов;
- превращение диверсионной школы при ЦК компартии Белоруссии в Центральную диверсионную школу;
- централизация руководства партизанским движением и диверсионной работой в тылу врага;
- обеспечение участия фронтов в организации диверсионной работы;

- подготовка диверсантов в прифронтовых районах в полосе 100—150 км от фронта;
- организация производства взрывателей замедленного действия с диапазоном действия от двух часов до 100 суток.

* * *

Зима 1941—1942 гг. явилась самым критическим периодом для партизанского движения, в первую очередь из-за отсутствия должной подготовки, планирования, организации, управления. Партизанские отряды, сформированные в спешке из необученных бойцов, не имели связи с командованием, снабжения, нужного снаряжения, приспособленных к зиме укрытий. Не имея возможности оказывать помощь раненым, испытывая острую нехватку оружия и боеприпасов, они очень быстро расходовали свой ресурс, становились небоеспособными, попадались или гибли.

К перечисленному надо добавить ошибочную и по своей сути преступную установку партийно-политического руководства СССР жечь жилье, «гнать немца на мороз», уничтожать домашний скот. Подобные действия партизан и диверсантов вынуждали население в целях выживания самим охранять свои деревни, бороться с «поджигателями», толкало его к сотрудничеству не с партизанами, а с оккупантами. Так, именно об этом свидетельствуют обстоятельства задержания и казни Зои Космодемьянской в деревне Петрищево, которые и в годы войны, и в послевоенные годы тщательно скрывались от широкой общественности.

* * *

Согласно теории партизанской войны, партизаны должны действовать прежде всего в интересах регулярной армии.

Уже после войны в своей статье, помещенной в «Военно-историческом журнале» за 1965 год, возражая против такого подхода, П.К. Пономаренко писал: «Подоб-

ной организации партизанских сил соответствовало бы стремление к такой централизации руководства, при котором военно-партизанские соединения проводили бы операции по планам, разработанным или утвержденным штабами партизанского движения. Если бы такая практика укоренилась, — утверждал бывший начальник ЦШПД — это сковало бы действия партизан, лишило бы их инициативы, не говоря уже о том, что в большинстве случаев планы поступали бы от штабов, когда объект операции уже исчез и изменившаяся обстановка лишила план его реальной основы».

Между тем, следует заметить, что объекты воздействия партизан не могли так просто «исчезнуть», ибо ими являлись железнодорожные узлы и дороги, автомобильные пути сообщения, проводная связь, аэродромы, склады и другие стационарные объекты. Практика партизанской борьбы в последующем полностью подтвердила нежизненность позиций, занимаемых начальником Центрального штаба партизанского движения.

Спланированные ЦШПД и реализованные партизанами широкомасштабные операции на коммуникациях противника «Рельсовая война» и «Концерт» (здесь речь не идет об их целесообразности и результативности), взаимодействие партизан Белоруссии с армией в операции «Багратион» весной и летом 1944 года, участие украинских партизан в битве за Днепр полностью опровергли теоретические посылки Пономаренко. Если бы это была только теория, а не линия руководства! Увы.

ЦШПД несомненно уделял много внимания обобщению опыта. В стенограмме одного совещания* об этом сказано: «Мы включили в новый Полевой устав главу «Партизанские действия». Думаем небольшую книжечку издать «Наставление по партизанским действиям». Оно кое-кому помогло, написали умные люди. У нас одна группа партизан сидела в доме отдыха. Они там крити-

---

* Здесь и ранее они приводятся по материалам фондов бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма.

ковали, невзирая на лица, которые скрываются за страницами написанного. Товарищи внесли замечательные советы. Очевидно, и вам было бы не лишним посмотреть, дополнить этот материал своими советами».

Но, к сожалению, и этот документ по-прежнему содержал ряд ошибочных положений. Так, в упомянутом выше разделе «Партизанские действия» партизанское движение ограничивалось только вооруженной борьбой «народных масс временно оккупированных территорий против иноземных захватчиков» и ничего не сказано об участии в нем частей Красной Армии.

Устав утверждал, что «основной организационной и боевой единицей является самостоятельно действующий партизанский отряд» /ст. 851/. В действительности же даже в Белоруссии, где таких отрядов было больше всего, в ходе войны все меньшее их число оставалось самостоятельно действующими. Так, если в июне 1942 г. в Белоруссии самостоятельно действовали 183 отряда, а в бригадах состояло только 58 отрядов, то к декабрю 1943 г. осталось лишь 98 самостоятельно действующих отрядов, большинство остальных вошли в состав партизанских бригад.

В этом проекте, который, оставаясь проектом, фактически являлся руководством к действию, сказано, что «основными задачами партизанских действий /ст. 650/ являются:

- истребление гарнизонов, штабов, учреждений, отрядов войск противника, отдельно следующих офицеров и солдат, охраны складов, учреждений, транспортов, фуражиров и различных команд и агентов по изъятию у населения хлеба, скота и имущества;

- разрушение путей подвоза противника (подрыв мостов, порча железнодорожных путей, устройство крушений поездов, нападение на автомобильный и гужевой транспорт), разгром вражеских эшелонов с живой силой, техникой, горючим, боеприпасами, лишение возможности снабжать фронт, а также вывозить награбленное народное добро».

И еще шесть расширенных пунктов задач, которые следовало решать партизанам. Естественно, что такое многообразие лишь распыляло внимание и силы. Как мы знаем, в действительности решающую роль играли партизанские действия, направленные на разрыв коммуникаций и на разведку, как основные точки приложения партизанских сил. Но эти задачи не выделялись в качестве главных.

* * *

Еще в начале 1942 г. в указании НКВД СССР об активизации диверсионной деятельности партизанских отрядов и оперативных групп на железнодорожных магистралях оккупированной части Украины было сказано, что в первую очередь необходимо парализовать работу железнодорожных узлов устройством крушений, созданием серьезных пробок, усилить диверсионную работу на транспорте в тылу противника.

Однако тогда это указание так и осталось своего рода «частной инициативой» отдельного ведомства. Только в августе 1942 г. в передовой статье «Правды» такая позиция обрела более четкую формулировку. В статье говорилось: «Небольшая группа партизан смелыми и продуманными действиями на железных дорогах может нанести врагу удар равносильный выигрышу крупного сражения. Танковый или пехотный полк фашистов — серьезная сила на поле сражения. Но танковый или пехотный полк, следующий по железной дороге к линии фронта на платформах или в вагонах, может быть уничтожен группой партизан в несколько человек».

В августе же вышел приказ начальника ЦШПД командирам партизанских отрядов: «Немедленно начать жесточайшие удары по коммуникациям врага, поставить своей задачей не пропустить ни одного поезда с живой силой, техникой и боеприпасами врага к линии фронта, путем систематической организации крушений, взрывов и поджогов наносить удары повсеместно и по всей глубине вражеского тыла, расставив свои силы вдоль железнодорожных и шоссейных магистралей».

Дело в том, что летом 1942 г. Красная Армия по-прежнему отступала. Центр боевых действий переместился на юго-восток европейской части страны. Начиналась Сталинградская битва. В этих условиях остро нужны были эффективные партизанские действия.

* * *

1 сентября 1942 г. И.В. Сталин, в присутствии В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова, принял одиннадцать командиров и одного комиссара партизанских отрядов, первого секретаря Орловского обкома, председателя райисполкома освобожденного в тылу врага Дятьковского района Орловской области. На этом совещании он сказал, что партизаны — «наш второй фронт», обещал помочь «отечественным вооружением».

На основе материалов совещаний в ЦШПД и приема партизан в Кремле был разработан и издан 5 сентября 1942 г. приказ наркома обороны «О задачах партизанского движения». В нем в частности говорилось, что «разгром германских армий может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла»...

Для этого необходимо прежде всего добиться, чтобы партизанское движение развернулось еще шире и глубже, чтобы партизанская борьба охватила широчайшие массы советского народа на оккупированной территории... Наряду с организацией новых отрядов следует создавать из населения оккупированных районов проверенные партизанские резервы, из которых можно было бы черпать пополнения или формировать новые отряды. Не должно быть ни одного города, села, населенного пункта на временно захваченной врагом территории, где бы не существовало скрытого боевого резерва партизанского движения.

Наряду с прежним требованием «при всякой возможности истреблять воинские гарнизоны, штабы и учреждения, отряды войск, отдельно следующих офицеров и

солдат, охрану транспорта и складов», приказ впервые поставил четкую задачу — перекрыть пути подвоза противника путем диверсий:

«Закреть пути подвоза — значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами». Далее перечислялись способы вывода из строя коммуникаций противника: железнодорожные катастрофы, подрывы железнодорожных мостов, подрыв и сжигание станционных сооружений и т.д.

16 сентября 1942 г. Главком партизанских сил К.Е. Ворошилов издал приказ о направлении усилий партизанских отрядов на оказание помощи Западному и Калининскому фронтам, перешедшим в наступление. Впервые за всю войну было конкретно поставлена задача «немедленно перейти к самым активным действиям по коммуникациям и войсковым тылам врага с задачей: истребление живой силы, уничтожение боевой техники, боеприпасов, горючего и прочих грузов на железных дорогах и грунтовых путях; уничтожение и приведение в негодность топливных складов на железнодорожных станциях и разъездах путем поджога и взрывов; сжигание мостов, минирование дорог и порча связи на шоссейных дорогах; разведка противника».

В этот же период военные советы Брянского, Западного и Калининского фронтов дали установку командованию партизанских отрядов прекратить борьбу за населенные пункты и сосредоточить силы и средства для удара по врагу на железных, грунтовых и шоссейных дорогах.

Таким образом, диверсии на коммуникациях, к которым ранее относились лишь как к одной из форм партизанской борьбы, теперь вышли на первый план. Но это была уже вторая половина 1942 года. Был упущен целый год.

Глава 12. Проблемы организации и руководства

С первых дней войны обстановка на фронте оказалась настолько катастрофической для РККА, а продвижение вражеских войск настолько стремительным, что руководство СССР незамедлительно обратилось к партизанскому движению. По опыту гражданской войны оно сочло его важным условием мобилизации народа на odpor врагу. Но для того, чтобы внести в это движение организованность, централизацию, профессионализм и получить ощутимый эффект на фронте, потребовались два года.

* * *

В годы Великой Отечественной войны партизанские формирования имели самый разный состав и организацию. Оптимальная организационная структура партизанских формирований была найдена не сразу. В начале войны, когда еще отсутствовал соответствующий опыт, создавались партизанские группы, отряды, батальоны и полки различной численности.

Например, в полосе Северо-Западного фронта первые две недели войны разведотдел штаба фронта фактически засылал в тыл противника одиночек. Лишь 9 июля при Политуправлении фронта был создан специальный 10-й отдел, который возглавил капитан госбезопасности А.Н. Асмолов. Из его доклада следует, что «по состоянию на 23 июля 1941 г. в полосе северо-западного фронта организовано 32 партизанских отряда с общим количеством партизан 1600 человек».

Эти отряды были двух типов. Первый тип представляли 8 «боевых» отрядов в составе 2—3 взводов. Ко второму типу относились 24 диверсионных отряда по 5—8 групп в каждом, численностью от 3 до 5 человек в группе. В руководстве отрядов преобладали политработники (18 человек) и представители партийного актива (41 человек), т.е. люди, не имевшие специальной подготовки.

Вообще говоря, формы организации и принципы управления партизанскими формированиями определялись задачами и способами их боевой деятельности, а они зависели от разных факторов.

В отличие от регулярных войск, партизанские формирования не имели постоянных баз снабжения, обеспечивавших систематический приток необходимых материальных средств. Их боевая деятельность велась на территории, контролируемой противником. Основным контингентом для формирования партизанских отрядов являлись гражданские лица, добровольно (причем многие впервые) взявшиеся за оружие. Естественно, что уровень их подготовки был крайне низким, военные знания и опыт они приобретали в ходе боевых действий.

С учетом того, что противник всегда имел превосходство в средствах вооруженной борьбы, вступать с ним в прямые боевые столкновения партизанам было невыгодно. Постепенно они стали ориентироваться главным образом на внезапные нападения (налеты, засады), которые обычно носили скоротечный характер. Партизаны широко применяли диверсии как способ нанесения противнику урона в живой силе, а также материального ущерба без боевых столкновений. Все это оказывало непосредственное влияние на организационную структуру партизанских формирований.

При этом процесс создания их в различных районах страны имел свои особенности. Там, где местные партийные и советские органы создавали отряды заблаговременно, до оккупации врагом определенного района, формирование их шло параллельно с обучением личного состава в специальных партизанских школах. После получения задания отряды оставались в назначенных районах до захвата их противником или же перебрасывались в тыл врага.

Широко практиковалась, особенно в первый период войны, заброска в тыл противника организаторских групп, на базе которых создавались партизанские формирова-

ния. В составе таких групп обычно насчитывалось от 10 до 25 человек (командир, комиссар, заместитель командира по разведке, радист, медицинский работник, инструктор минно-подрывного дела и несколько бойцов). Особенно большую роль организаторские группы сыграли в западной части страны, где вследствие внезапности нападения врага и быстрого продвижения его в глубь советской территории местные партийные органы не успели проделать необходимую работу по развертыванию партизанского движения.

По существу, в роли таких же организаторов выступали группы специального назначения Разведуправления Генштаба Красной Армии, органов госбезопасности. После прибытия в заданный район они быстро «обраста-ли» местными патриотами и, по существу, превращались в партизанские отряды (даже бригады).

Но в связи с тяжелой обстановкой в первые месяцы войны при комплектовании организаторских групп нередко допускались спешка и упрощенный подход. Это привело к тому, что некоторые группы не смогли преодолеть трудности оперативной обстановки на оккупированной территории и прекратили свою деятельность, не выполнив задания. Отмечались случаи нарушения норм законности и злоупотребления служебным положением среди командиров групп.

* * *

Партизаны вооружались в основном стрелковым оружием, а противник использовал в борьбе с ними танки и артиллерию, авиацию для выявления дислокации партизанских отрядов, радиосвязь, что позволяло оперативно руководить карательными акциями, автомобильный транспорт. Все это говорило о нецелесообразности создания громоздких партизанских формирований.

Между тем, в июле и августе 1941 г., когда сложилась угрожающая обстановка на киевском направлении, в Киеве из числа партийно-советских активистов, оперативных работников и курсантов школы НКВД сформировали и перебросили в тыл врага два партизанских полка

общей численностью более 2 тысяч человек. Первым полком командовал бывший начальник маневренной группы 92-го пограничного отряда капитан Е.К. Чехов, вторым полком — пограничник, майор Е.Е. Щербина. Командирами батальонов тоже были офицеры-пограничники.

Эти полки действовали в районах Новограда-Волынского, Корсуня, Городища, Черкасс. За две недели рейда по тылам противника партизаны 1-го полка ликвидировали около 400 врагов, уничтожили 11 автомашин и 18 мотоциклов. 2-й партизанский полк провел 12 боевых операций, пустил под откос 3 вражеских эшелона, уничтожил немало живой силы и техники врага.

Однако слабо подготовленные в чисто военном отношении, плохо оснащенные и вооруженные, без средств радиосвязи, партизанские полки, предназначенные «для борьбы с частями вражеской армии» не были боеспособны и погибали, не принося ожидаемых результатов. Так, под Олевском в открытом бою понес тяжелые потери первый партизанский полк Е.К. Чехова, погиб командир полка.

Еще более трагична судьба 2-го партизанского полка майора Е.Е. Щербины, попавшего в плен и казненного гитлеровцами в Черкассах. Полк был окружен противником. Лишь тридцать пограничников смогли вырваться из кольца окружения, внося на руках двенадцать раненых товарищей.

Аналогичным образом, без учета специфики партизанской войны, в Ленинграде сформировали шесть партизанских полков, в состав которых, помимо добровольцев из числа гражданских лиц, милиционеров, оперативных сотрудников НКВД, вошли около 1000 пограничников. Вооруженные одним лишь стрелковым оружием, плохо владевшие тактикой партизанской борьбы, не имевшие замаскированных баз и надежной связи с армейским командованием, пытавшиеся наносить прямые удары по врагу в насыщенной его войсками прифронтовой полосе, эти полки были заранее обречены на гибель. Позже из остатков их личного состава были созданы отдельные диверсионно-разведывательные группы.

В то же время в тех районах, где применение противником указанных средств было затруднено (обширные леса, болота, горы, покрытые растительностью), базировались и успешно действовали не только мелкие, но и крупные партизанские формирования. Анализ их боевой работы показывает, что в условиях лесисто-болотистой местности наиболее эффективно действовали партизанские формирования численностью до роты-батальона. Это обеспечивало им скрытность базирования и маскировку, позволяло быть более маневренными.

* * *

На развертывание партизанской борьбы существенно влияла политическая обстановка в захваченных врагом районах. Так, в западных областях Белоруссии и Украины, в Прибалтике, где советская власть существовала сравнительно недолго, а также в Крыму оккупанты имели опору в лице коллаборационистов, которые оказывали значительное влияние на большую часть местного населения. Прямой агентурой оккупантов здесь были националисты и их организации. В этих районах постоянно действовали лишь подпольные организации, партизанские группы и небольшие отряды. А более крупные базировались в партизанских зонах соседних регионов и отсюда периодически совершали рейды на оккупированную территорию. Например, именно так действовали латвийские партизаны, чья база находилась в Освейском районе БССР.

* * *

В первую же военную зиму почти все крупные формирования (полки и батальоны), насчитывавшие нескольких сотен человек, были уничтожены, либо распались на отдельные отряды и группы. Отряд стал наиболее типичной формой и основной организационной единицей. Отрядная форма организации партизанских сил вполне оправдывала себя. Действия множества партизанских групп и отрядов на обширных территориях в значительной мере лишали противника его преимуществ.

Численность отрядов в первый период войны обычно составляла несколько десятков человек. С подъемом партизанского движения количество отрядов и их численность стали расти. В конце 1942 г. многие отряды уже насчитывали по 150—200 и более партизан. Там, где нельзя было на местах получить материальную помощь и пополнить свои ряды за счет местных жителей, действовали мобильные отряды численностью 50—100 человек.

* * *

Однако большим числом разрозненных партизанских отрядов и групп трудно управлять, их действия очень сложно координировать даже при решении простых задач, не говоря уже о проведении крупных операций по единому замыслу. Поэтому с увеличением размаха партизанского движения появились такие формирования, как партизанские соединения. Они именовались бригадами, соединениями, дивизиями. Наиболее удачной формой партизанских формирований оказалась бригада.

Из соображений удобства управления бригада состояла, как правило, из пяти—семи партизанских отрядов. Сведение нескольких отрядов в партизанскую бригаду означает, говорилось в директиве ЦШПД, что командир бригады управляет боевыми действиями входящих в бригаду партизанских отрядов, но отряды сохраняют ярко выраженную территориальную принадлежность, тот же боевой сплоченный состав. Располагаются отряды рассредоточено, за исключением тех случаев, когда необходимо занять позицию, соответствующую той или иной операции.

Численность бригад не была постоянной и колебалась в среднем от нескольких сотен до 3—4 и более тысяч человек. Так, 5-я Ленинградская бригада, которой командовал бывший пограничник К.Д. Карицкий, в январе 1944 г. насчитывала свыше 5 тысяч партизан.

Практика показала, что укрупнение партизанских формирований не лишало их прежних преимуществ, так как основной организационной единицей по-прежнему

оставался партизанский отряд. Базировались отряды порознь друг от друга. Когда возникала необходимость, они объединялись и действовали под непосредственным руководством командования соединений, наносили сосредоточенные удары по объектам противника в рамках единого замысла, а с изменением обстановки быстро рассредоточивались. Благодаря такой маневренной тактике партизан, оккупанты в борьбе с ними не имели возможности использовать свое превосходство в силах и средствах.

Армейский принцип построения партизанских формирований, к которому в ряде случаев прибегали, оказался неприемлем. При этом возникало нагромождение штабных и обслуживающих подразделений, поглощавших кадры. Недостаток средств вооружения и связи делал такие соединения легко уязвимыми для противника.

Так, в конце августа 1942 г. Калининский областной штаб партизанского движения объединил семь партизанских бригад и три отдельных отряда в 1-й Калининский партизанский корпус (командир капитан В.В. Разумов, комиссар батальонный комиссар А.И. Штрахов, начальник штаба майор И.И. Веселов). В сентябре корпус начал рейд по тылам противника, но уже в октябре был расформирован.

Опыт боев показал, что даже в условиях обширных лесисто-болотистых районов Калининской области создание столь крупного партизанского формирования себя не оправдало. Значительные трудности возникали в материально-техническом обеспечении корпуса. Кроме того, сосредоточение крупных сил партизан в одном районе облегчало оккупантам разведку и боевые действия против партизан.

* * *

Несмотря на большое разнообразие в организации партизанских отрядов и соединений, в их структуре было много сходного. Возглавляли их командиры и комиссары. В соединениях и отрядах имелись штабы, заместители командиров по диверсиям и разведке, помощники команди-

ров по снабжению (тылу). Штабам подчинялись подразделения связи (роты, взводы или группы, радиоузлы).

Таким образом, совершенствование организационной структуры партизанских формирований в годы войны шло по пути их разумного укрупнения, повышения технической оснащенности (автоматическое оружие, радиостанции, минно-взрывные средства), усиления роли диверсионных и разведывательных подразделений, приближения организации партизанских сил к структуре войсковых формирований.

* * *

К концу 1941 г. общее число партизан на оккупированной территории доходило до 90 тысяч, а партизанских отрядов — до 2 тысяч. Эти же цифры показывают, что отряды были весьма немногочисленны: в каждом насчитывалось лишь несколько десятков человек. Ряды вооруженного сопротивления быстро редели, хотя оно и не угасло совсем. К середине 1942 г. численность партизан составляла, несмотря на потери, 65 тысяч человек.

Можно утверждать, что партизанское движение, даже будучи ослабленным, все же пустило корни. Его детонатором стали диверсионно-разведывательные группы и партизанские отряды, переправленные через линию фронта, а также оказавшиеся во вражеском тылу войсковые формирования, перешедшие к партизанской борьбе.

В 1943 г., несмотря на освобождение значительной части оккупированной территории СССР и соединение большого числа партизанских формирований с Красной Армией, общая их численность в тылу врага по-прежнему возрастала. Так, в январе 1943 г. Украинский штаб партизанского движения имел связь с 6-ю партизанскими соединениями и 36 отдельными отрядами общей численностью 8582 человека. В июле на связи были 17 партизанских соединений и 66 отдельных отрядов общей численностью 23453 человека, а в октябре уже 27 соединений и 44 отдельных отряда общей численностью 36579 человек. Наконец, в январе 1944 г., когда большая часть Украины была освобождена, численность партизанских сил, имевших связь с УШД, возросла до 47769 человек.

Та же картина была в Белоруссии, Ленинградской области и других районах. Так, в январе 1943 г. в Белоруссии действовали 62 партизанских бригады и 86 отдельных партизанских отрядов, в июле их было соответственно 99 и 148, а в декабре 144 и 98. Если взять динамику с апреля 1943 года по январь 1944 года, то общая численность партизан почти удвоилась: с 68498 до 121903 человек. В первые два года войны о таком размахе можно было только мечтать.

Успехи Красной Армии на фронтах, жестокая оккупационная политика германских властей, энергичная работа штабов партизанского движения привели в 1943—44 гг. к парадоксальной ситуации: при значительном сокращении оккупированной территории партизанские силы численно росли и укрупнялись.

* * *

В отечественной исторической литературе начало партизанского движения обычно связывают с тремя документами: а) директивой Совнаркома и ЦК партии от 29 июня 1941 года; б) речью И.В. Сталина по радио 3 июля; в) с секретной инструкцией, в последующем названной в печати постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г. Рассмотрим названные документы.

Директива «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. потребовала от партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций осуществления мероприятий для перевода всей работы на военные рельсы и организации отпора вражескому нашествию.

В частности, директива предписывала: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его

пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

* * *

Основные положения директивы, касающиеся партизанской борьбы, с некоторыми изменениями И.В. Сталин повторил в своем выступлении по радио 3 июля: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Отдавая должное и этой директиве, и речи Сталина как факторам мобилизующего значения, содержащим программу «отечественной», «освободительной» войны, рассмотрим отдельные их положения, имевшие прямое отношение к проблемам партизанской борьбы.

Прежде всего, складывается впечатление, что авторы директивы (ее подписали И.В. Сталин и В.М. Молотов) совершенно не считались с теорией партизанской борьбы, сформулированной в начале 30-х годов. Они проявили некомпетентность в данных вопросах.

Там, где речь идет о задачах партизанских отрядов и диверсионных групп, отсутствует главная задача — отрезать вражеские войска от источников их снабжения.

Ориентация слабо вооруженных, наспех обученных и неопытных партизанских формирований и диверсионных групп на борьбу с «частями вражеской армии» являлась неправильной. В 1941 году не могло быть и речи об эффективности их действий на этом поприще.

Сомнителен также призыв к повсеместному поджогу лесов в тылу противника как к одному из способов борьбы. Надо заметить, что даже гитлеровцы первые два года войны не поджигали леса, в которых базирова-

лись партизаны и начали прибегать к этому приему лишь в 1943 г.

Если раньше партизанских командиров и специалистов (при наличии у них общевоинской подготовки!) готовили от 3 до 6 месяцев, то теперь на это отводилось всего 3—7 дней. Патриотизм и мужество партизан не могли компенсировать отсутствие у них специальных знаний и навыков.

Если в начале 30-х годов партизанскую войну в тылу агрессора планировалось начать в виде внезапных крупных операций партизанских сил, то после репрессий 1937—38 гг., когда были почти полностью уничтожены подготовленные партизанские кадры и ликвидированы органы руководства партизанскими силами, осуществить нечто подобное было просто невозможно.

* * *

Через три недели после начала войны (13 июля) вышло закрытое Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». На этом важном документе следует остановиться подробнее.

В нем отмечалось, что «в войне с фашистской Германией, захватившей часть советской территории, исключительное значение приобрела борьба в тылу германской армии. Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их транспорт и сами воинские части, сорвать все их мероприятия, уничтожить захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов».

Далее указывалось: «Чтобы придать всей этой борьбе в тылу германских войск самый широкий размах и боевую активность, необходимо взяться за организацию этого дела на месте самим руководителям республиканских, областных и районных партийных и советских организа-

ций, которые должны в занятых немцами районах лично возглавить это дело».

Полный текст данного постановления впервые был опубликован в журнале «Известия ЦК КПСС» № 7 за 1990 г. Во всех более ранних публикациях неизменно вычеркивались следующие два абзаца:

«Между тем все еще нередки случаи, когда руководители партийных и советских организаций в районах, подвергшихся угрозе захвата немецкими фашистами, позорно бросают свои боевые посты, отходят в глубокий тыл, на спокойные места, превращаются на деле в дезертиров и жалких трусов. При этом руководители республиканских и областных партийных организаций в ряде случаев не принимают меры к решительной борьбе с этими позорными фактами.

ЦК ВКП(б) требует от всех партийных и советских организаций, и прежде всего от руководителей, покончить с таким нетерпимым положением и предупреждает, что наша партия и правительство не остановятся перед самыми крутыми мерами в отношении шкурников и диверсантов, и выражают уверенность в том, что партийные организации примут все меры к очистке парторганизаций от этих перерожденцев и к сплочению всех своих сил для разгрома врага на фронте и в тылу, для подготовки нашей победы над фашистскими бандами».

Факты отступления в тыл (попросту говоря, бегства) руководителей районного звена действительно наблюдались, и резкость тона как бы оправдывалась необходимостью принятия решительных мер. Вместе с тем страшные по своим последствиям обвинения в дезертирстве, перерожденчестве, трусости были явно несправедливы. Ибо основной причиной ухода являлась не трусость, а некомпетентность, неподготовленность председателей райкомов, райисполкомов, колхозов, других партийно-советских работников к специфическим действиям в экстремальной обстановке. Те же, кто оставались, действовали, как правило, неграмотно, в меру своего собственного понимания того, что и как надо делать.

ЦК ВКП(б) потребовал от ЦК национальных компартий, обкомов и райкомов в захваченных и находящихся под угрозой захвата врагом областях и районах проведения следующих мер:

«1. Для организации подпольных коммунистических ячеек и руководства партизанским движением и диверсионной борьбой в районы, захваченные противником, должны быть направлены наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские работники, а также преданные Советской власти беспартийные товарищи, знакомые с условиями районов, в которые они направляются.

2. В районах, находящихся перед угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны немедленно организовать подпольные ячейки.

Для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника партийные организации должны немедленно организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и др.

3. Партийные организации под личным руководством их первых секретарей должны выделить для формирования и руководства партизанским движением опытных боевых и до конца проверенных товарищей.

4. ЦК ВКП(б) требует, чтобы руководители партийных организаций лично руководили всей этой борьбой в тылу немецких войск, чтобы они вдохновляли на эту борьбу преданных Советской власти людей личным примером, смелостью и самоотверженностью, чтобы вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом».

Как видим, данное постановление не затрагивало вопросы организации, подготовки, связи, руководства и материального обеспечения партизанских формирований, привлечения к партизанской борьбе военнослужащих, оказавшихся в тылу врага в силу сложившейся обстанов-

ки. Перед партизанскими силами не ставилась конкретная задача: отрезать вражеские войска от источников их снабжения, за исключением общего требования «дезорганизовать их транспорт и сами воинские части».

А главное, вместо хорошо отработанной в начале 30-х годов системы централизованного управления партизанскими силами предлагалось развернуть сеть подпольных партийных органов на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. Эта установка противоречила накопленному опыту и вскоре была опровергнута практикой.

Сеть подпольных органов для руководства партизанской борьбой в тылу оккупантов за всю войну так и не удалось создать. Они не могли дислоцироваться на территории, контролируемой сильным противником, так как тот быстро их находил и легко уничтожал.

Не случайно в Полевом уставе 1943 года (ПУ—43) сказано, что «общее руководство партизанскими отрядами осуществляют штабы партизанского движения» /ст. 854/, а не подпольные организации. В 1943 г. Центральный штаб партизанского движения и другие штабы руководили партизанскими отрядами (соединениями) напрямую, минуя подполье.

Постановление не требовало от партизанских руководителей ни военной, ни специальной подготовки, ограничиваясь «знакомством» с условиями тех районов, в которые они направляются.

Постановление не приостановило поспешного формирования и массовой отправки в тыл противника плохо подготовленных, слабо вооруженных партизанских отрядов и групп без средств радиосвязи. Последние чаще всего погибали, не принося ожидаемых результатов: дезорганизации тыла и вывода из строя коммуникаций противника.

* * *

19 августа 1941 г. Главное политуправление РККА направило военным советам и начальникам политотде-

лов фронтов директиву «О работе среди населения оккупированных областей и партийно-политическом руководстве партизанским движением». В ней, в частности, указывалось: «в партизанском движении имеется много недостатков. Партизанские отряды часто разрознены, не получают конкретных указаний, части Красной Армии, ведущие партизанскую войну, также не получают нужного руководства, не всегда координируют свои действия с партизанскими отрядами. Организации партизанской войны, руководству партизанским движением политорганы обязаны уделять особое внимание».

В политуправлениях фронтов были созданы отделы, а в политотделах армий — отделения по партийно-политической работе среди населения и частей Красной Армии, действующих на оккупированной противником территории. Им поручили работу по организации партизанских отрядов в прифронтовой полосе и в ближайшем тылу противника. Армейские политорганы действовали через разведывательные отделы и работников политотделов, направляемых в тыл врага.

* * *

Наконец, в связи с настойчивыми просьбами местных партийных органов о создании органа центрального управления по руководству партизанским движением, в декабре 1941 г. было принято решение о создании Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД).

Но в конце января 1942 г. работу по созданию центрального и других штабов партизанского движения неожиданно приостановили. Созданные органы и школы, в том числе центральная радишкола, в которой уже шли занятия, лишились финансирования, материального обеспечения и подлежали ликвидации.

Положение в какой-то мере спасли ЦК компартий Белоруссии и Украины. Центральную радишколу перевели на бюджет Совнаркома Белоруссии, а подготовку радистов для украинских партизан взяла на себя школа НКВД УССР.

Касаясь обстоятельств создания ЦШПД, П.К. Пономаренко позже писал: «Определенным промахом явилось то, что Центральный, республиканские и областные штабы партизанского движения были организованы с большим запозданием, хотя мысль об организации централизованного руководства движением возникла в самом начале войны. Еще в июле 1941 г. было принято решение о создании комиссии по руководству партизанским движением и подпольными организациями в составе Пономаренко, Мехлиса и других. Однако эта комиссия осталась только на бумаге, и мы не знали об ее «существовании» до самого конца войны.

Вопрос о руководстве партизанским движением обсуждался в Ставке и в августе 1941 г., но время шло, а практически ничего сделано не было. Лишь в конце декабря 1941 г. Сталин предложил автору этих строк в самом срочном порядке организовать Центральный штаб партизанского движения. Но в разгар работ по созданию штаба, когда уже была организована школа по подготовке радистов для партизан, привлечены сотрудники, разработано направление деятельности штаба, неожиданно было получено указание приостановить организацию штаба».

Как выяснилось позже, причиной такого указания стала записка Л.П. Берия о нецелесообразности создания штаба, так как, по его мнению, руководство партизанским движением он мог осуществлять сам, без специального штаба. Лишь 30 мая 1942 г. вышло постановление ГКО о создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего. Начальником его стал П.К. Пономаренко.

Одновременно при военных советах фронтов были созданы Западный, Калининский, Брянский, Ленинградский, Карело-Финский штабы партизанского движения. 20 июня по постановлению ЦК компартии Украины был создан Украинский штаб партизанского движения /УШПД/, начальником которого назначили пограничника Т.А. Строкача.

Впоследствии были созданы еще 8 штабов партизанского движения: Южный /Краснодарский/ 3 августа 1942 г., Белорусский 9 сентября 1942 г., Эстонский 4 ноября 1942 г., Литовский 26 ноября 1942 г., Латвийский 8 января 1943 г., Крымский в июле 1943 г., Воронежский в октябре 1942 г., Ставропольский краевой 30 декабря 1942 г.

Создание штабов сыграло положительную роль в улучшении руководства и дальнейшем развитии партизанского движения. Они обобщали и распространяли накопленный опыт, разрабатывали планы крупных операций, готовили кадры специалистов для партизанских отрядов, организовывали снабжение партизан оружием, боеприпасами, средствами связи, медикаментами.

До осени 1942 г. руководство ЦШПД осуществляла коллегия в составе П.К. Пономаренко (начальник штаба) и двух членов — В.Т. Сергиенко (НКВД) и Г.Ф. Корнеев (Разведуправление Генштаба). Аналогично (представители партийных органов, НКВД, армейской разведки) строились руководящие органы подчиненных штабов.

В руководящий состав Центрального штаба входили партийные, советские и комсомольские работники, офицеры Красной Армии и пограничных войск, сотрудники органов госбезопасности и разведки. Многие из них имели опыт организации партизанского движения в первый год войны.

По решению ГКО, начальники штабов партизанского движения и представители ЦШПД на фронтах стали членами Военных советов Ленинградского, Северо-Западного, Калининского, Западного, Брянского, Воронежского, Сталинградского, Северо-Кавказского, Юго-Западного и других фронтов. При военных советах армии были также созданы оперативные группы штабов партизанского движения.

* * *

Совершенно очевидно, что при организации партизанских действий в интересах регулярных войск невозможно обойтись без центрального штаба — стратегического и оперативного органа руководства партизанскими

силами. Он должен дислоцироваться на территории, недостижимой для противника, располагать средствами связи с подчиненными силами, широкими возможностями по обеспечению партизанских формирований кадрами, специальным вооружением и техникой, средствами их доставки и т.д.

В то же время надо отметить определенное несоответствие организационной структуры ЦШПД, содержания и стиля его работы характеру решаемых партизанами задач, особенностям оперативно-стратегического руководства партизанскими силами, обеспечению взаимодействия в работе партизанских, военных, чекистских и партийных органов.

Приведем выдержку из стенограммы выступления П.К. Пономаренко на совещании партизанских командиров 30 августа 1942 г. Вот его позиция по отношению к теории партизанской борьбы: «После создания Центрального штаба партизанского движения, — говорил он, — нам потребовалось поговорить, как говорится, с глазу на глаз с людьми, которые определяют движение, руководят им непосредственно. Между строк надо сказать, ведь тут, товарищи, есть много людей, и что ни человек — своя теория партизанского движения...

Тут выдумывать особенно нечего. Там нужно вовремя вывести из-под удара, там нужно налеты производить тогда, когда противник меньше всего их ждет. Там сама жизнь вырабатывает наилучшую тактику партизанского движения. Тот, кто ее не вырабатывает, кто придерживается несуществующих установок, тот быстро выбывает. А здесь что ни человек, то своя теория. Мы имеем массу предложений. Приходят люди, доказывают. Иногда смотришь на них и смешно делается. Его обуревают чистейшие намерения, он хочет немцев поскорее разбить, но предлагает какую-либо чепуху».

По этим словам хорошо видно, что у начальника штаба партизанского движения было весьма своеобразное, если не сказать хуже, представление о содержании партизанской борьбы. Действительно «сама жизнь» помогала со-

вершенствовать тактику партизанской борьбы, но ее принципиальные основы трактовались чересчур упрощенно.

Центральный штаб партизанского движения разрабатывал планы многих операций, в которых должны были участвовать крупные силы партизан, особенно по нарушению работы железнодорожного транспорта. Однако эти планы, как правило, не были обеспечены материально, не устанавливалось конкретное время их выполнения, задания чаще ставились на периоды, например, на весенне-летний.*

Более чем характерен для общего стиля тогдашнего руководства один из «практических советов» — как относиться к уполномоченным разведывательных и других органов, забрасываемым из тыла в партизанские отряды. Это к вопросу о взаимодействии различных ведомств. Вот выписка из стенограммы беседы начальника ЦШПД с партизанскими командирами.

«Мы не должны особенно придирается к уполномоченным, но меньше с ними иметь дела, — подчеркнул П.К. Пономаренко, а затем пояснил. — В начальный период партизанского движения было так, что когда приезжает даже маленький человек, то там кочевряжится. Теперь связь завязалась, почувствуйте себя хозяевами. Есть у него спецзадание — вы с ним считайтесь, он тоже нужное дело делает. Но в смысле внутреннего распорядка он полностью вам подчиняется. Дошло до такого позора, что радиogramмы командиров партизанских отрядов по пять дней в очереди лежат. Вам надо дать свои аппараты, свои шифры, а этих мерзавцев посадить, посмотреть — не провокаторы ли это».

Для наглядности, как именно следует, по его мнению, поступать партизанам, начальник ЦШПД привел следующий пример.

---

* Тут удивляться нечему. Это типичный образец партийного планирования. «Каждая советская семья к 1985 году будет иметь отдельную благоустроенную квартиру». Был такой всенародно объявленный план. Имел ли он серьезное материальное обоснование? Разумеется, нет. А обычай все выдающиеся свершения увязывать с «красными днями» календаря? — *Прим. ред.*

Некий радист был послан со специальным заданием в Гомельский партизанский отряд. В отряде радисту не поверили. Его обезоружили и арестовали. Затем командование отряда «сообразило» как проверить радиста. Ему предложили передать имеющимся у него шифром сводку отряда в Москву, с тем, чтобы эту сводку опубликовало Совинформбюро. От того, опубликует эту сводку Совинформбюро или не опубликует, зависела его жизнь!

* * *

Импровизированные органы руководства партизанскими силами, возникавшие на местах (объединенные штабы, оперативные центры, военные советы, штабы «кустов», штабы «секторов») свидетельствовали о тенденции приближения органов руководства партизанскими действиями к военному руководству. Прежде всего это проявилось в формировании представительств и оперативных групп ШПД на фронтах и в армиях, в комплектовании партизанских штабов военными специалистами, согласовании планов партизанского руководства с командованием фронтов. В этом смысле представительства и оперативные группы ШПД при военных советах фронтов и армий были оптимальными органами для организации взаимодействия партизанских сил с регулярной армией.

Формирование ШПД по административно-территориальному признаку (Украинский, Белорусский, Южный и т.д.), а не по фронтам оказалось наиболее целесообразным. Было бы неправильно общее руководство партизанскими действиями приспосабливать к полосам фронтовых объединений, не считаясь с территориальными формами партизанского руководства (а такие попытки имели место). Это противоречило бы природе партизанского движения, являющегося по сути народным.

Необходимо помнить, что главной его силой являлись местные партизанские формирования, тяготевшие к определенным районам с определенными местными особенностями. С другой стороны значительных военных

результатов в партизанской борьбе можно достичь лишь тогда, когда усилия отдельных партизанских формирований объединены общим замыслом и согласуются с задачами действующей армии. Это функция Центрального штаба.

При общем понимании необходимости такой функции ЦШПД был сформирован лишь на одиннадцатый месяц войны как «военно-оперативный орган партии». Партия брала на себя обеспечение «стратегического и тактического взаимодействия фронтов, войсковых соединений и партизан». Центральный штаб партизанского движения просуществовал всего полтора года. 7 марта 1943 года его упразднили, «как выполнивший свои задачи». Поскольку это решение оказалось глубоко ошибочным, уже 17 апреля 1943 года ЦШПД восстановили. Однако Украинский штаб партизанского движения (УШПД) с молдавским отделом отныне подчинялся напрямую Ставке Верховного Главнокомандующего.

Но и такой несовершенный орган управления как ЦШПД окончательно ликвидировали 13 января 1944 г. Это произошло тогда, когда общая численность партизанских сил в тылу врага достигла 200 тысяч человек и когда партизанская война начала переходить за границы СССР, в сопредельные страны. (Оказанием помощи в развертывании партизанской войны в Польше, Чехословакии, Румынии и Венгрии занялся Украинский штаб партизанского движения).

Последовавшая без учета ситуации на местах ликвидация республиканских штабов партизанского движения, в частности Латвийского ШПД, нанесла большой вред партизанской войне. Например, вплоть до 9 мая 1945 г. в районе Курземе (Латвия) находилась 300-тысячная группа армий «Север» (позднее переименованная в «Курлянд»), окруженная советскими войсками. Из-за ликвидации штаба прекратились поставки оружия и боеприпасов партизанским формированиям в «Курляндском котле», что трудно оправдать вообще, а тем более — с учетом массового дезертирства из гитлеровской армии латвийских легионеров, уходивших в лес к

партизанам. Для многих партизанских отрядов, лишившихся связи, снабжения оружием и боеприпасами, сложившаяся обстановка оказалась катастрофичной и привела к большим потерям.

* * *

Опыт Великой Отечественной войны показал, что наиболее эффективное использование партизанских сил в интересах регулярных войск возможно только при наличии централизованного руководства ими и планировании партизанских операций.

В первые два года войны система управления партизанскими силами практически отсутствовала. Не было надежной связи с большинством партизанских формирований, что исключало возможность постановки им боевых задач в интересах операций, проводимых войсками.

Положение дел в области руководства несколько нормализовалось с созданием ЦШПД и фронтовых штабов, с преобразованием последних в 1943 г. в республиканские и областные, обеспечением партизанских формирований радиостанциями, использованием для связи с ними самолетов.

* * *

6 сентября 1942 г. ГКО учредил пост Главнокомандующего партизанским движением. Назначенный на этот пост маршал К.Е. Ворошилов (1881—1969) вскоре фактически превратился в Главкома всех партизанских сил. Являясь одновременно членом Политбюро ЦК партии и членом ГКО, он мог также координировать действия спецформирований НКВД, Главного разведуправления Генштаба, гвардейских минеров.

Однако с введением должности Главкома в Центральном штабе партизанских сил начался период двоевластия. Во главе партизанского движения оказались сразу два человека с разным уровнем полномочий, теоретической подготовки и военного опыта: начальник ЦШПД П.К.

Пономаренко, непосредственно подчиненный Ставке ВГК, и маршал К.Е. Ворошилов. Сложившаяся ситуация не способствовала оптимальной постановке дела.

С первых дней совместной работы между Главкомом и начальником штаба возникли серьезные разногласия по многим кардинальным вопросам, в частности, относительно организации партизанских сил, разведывательно-их обеспечения, форм и способов партизанских действий, обеспечения оружием и боеприпасами и другим.

19 ноября 1942 г. началось наступление войск Красной Армии под Москвой. Именно в этот день пост Главнокомандующего партизанским движением был упразднен, по официальной версии — «в целях большей гибкости руководства партизанским движением».

* * *

Таким образом, партизанские силы страны имели центральное военное руководство в лице Главкома только два с половиной месяца за всю войну. А Центральный штаб партизанского движения так и не стал полноценным штабом партизанских сил. То и другое самым пагубным образом влияло на результативность партизанских действий в целом.

В значительной мере так произошло вследствие причин субъективного характера. Это личное соперничество между П.К. Пономаренко и Н.С. Хрущевым; преобладание ведомственных интересов над общегосударственными в отношениях между К.Е. Ворошиловым (армия) и Л.П. Берия (НКВД); стремление Сталина «руками партии» держать партизан под контролем.

* * *

Следует отметить, что по поручению ЦК партии вопросы организации партизанских сил пытались разрабатывать Главное управление формирований (ГУФ) Наркомата обороны СССР. Конкретные предложения ГУФ по организации партизанских сил, тактике их борьбы, были

сформулированы в проекте, представленном в Политбюро 7 декабря 1941 г.

В главных чертах они сводились к следующему. Первой задачей созданного при ГУФ управления партизанских сил ставились учет и приведение в определенную систему всех партизанских формирований, которые возникали стихийно, либо организовывались на местах партийными и советскими организациями.

Далее предлагались меры по централизованному формированию партизанских сил. Они заключались в создании на свободной от оккупантов территории Дона, Кубани и Терека 6—7 кавалерийских дивизий численностью 5483 человека каждая, сведенных в «1-ю конную армию народных мстителей, общей численностью 33006 человек, возглавляемую Военным советом армии». Предлагалось также создать пять партизанских дивизий из приволжских, уральских и сибирских добровольцев на базе ополчения Ивановской, Ярославской и других областей, входивших в Московский военный округ. Эти дивизии предлагалось объединить в «1-ю стрелковую партизанскую армию народных мстителей» общей численностью 26481 человек.

В проекте утверждалось, что оперативное использование партизанских армий целесообразно осуществлять крупной массой, ибо «в массе бойцы действуют смелее, решительнее и самостоятельнее». Партизанским армиям предлагалось действовать по ближним и дальним тылам противника с юга на запад и северо-запад.

Поскольку речь шла о партизанских армиях, предусматривалось, что их оперативное использование «проводится генеральным штабом по решению Ставки Верховного Главнокомандования». Указывались также задачи и тактические принципы действий «партизанских армий».

Однако этот проект был отклонен. Возникла серия проблем: как перебросить «партизанскую армию» через линию фронта, снабжать ее боеприпасами, продовольствием и т.д. Проект явно не учитывал изменений, происшедших в технике и тактике регулярных армий в последние два десятилетия.

Проект совершенно упускал из виду то, что партизанские воинские части — это специальные формирования. Их задача — дезорганизация тыла противника, прежде всего — диверсионная работа на его коммуникациях. Переход к действиям крупными силами для партизанских формирований крайне сложен и целесообразен лишь тогда, когда противник деморализован и отступает. Об этом наглядно свидетельствовал весь предыдущий военный опыт.

Организация партизанских формирований, их тактика корректировались в основном практикой на местах. Опыт давался чрезмерно дорогой ценой. Путь этот не был продуктивным.

Глава 13. Проблемы подготовки и снабжения

Помимо управления, нуждалась в централизации работа по подготовке партизанских кадров. В первые месяцы войны она была кратковременной и совершенно недостаточной, лишь с весны 1942 года подготовка стала более продолжительной и потому более эффективной.

* * *

Из-за отсутствия поначалу пособий по вопросам организации и тактики партизанской борьбы, Главное политическое управление РККА в октябре 1941 г. разослало армейским политорганам «Инструкцию по организации и действиям партизанских отрядов», составленную... в 1919 году.*

Эта инструкция абсолютно не соответствовала обстановке, не учитывала перемен в вооружении и технике и

---

* Многочисленные разработки 20—30-х годов были все до единой составлены «врагами народа», и поэтому изъяты из обращения и уничтожены. — Прим. ред.

практически ничего не давала партизанам и организаторам партизанского движения.

Лишь в самом конце 1941 года издательство ЦК ВЛКСМ издало 50-тысячным тиражом книжку карманного формата «Спутник партизана» (ее составил Ю. Вебер, отредактировал А. Флегонтов, известный «красный партизан» времен гражданской войны). В 1942 и 1943 гг. значительно дополненный вариант этого пособия издавался еще несколько раз.*

Центральный штаб партизанского движения выпустил пособие «Минно-подрывное дело для партизан», брошюры «Обезвреживайте немецкие мины-сюрпризы», «Краткие указания по уничтожению рельсов», ряд инструкций в виде листовок («Разрушайте железные дороги фашистов», «Уничтожайте рельсы» и другие). Украинский штаб издал брошюру «Разрушайте тыл врага», инструкции по диверсиям в городах, по применению диверсионных мин различных типов, по вопросам тактики диверсионной работы.

* * *

Впервые серьезную подготовку партизанских командиров и специалистов удалось осуществить на так называемом Особом сборе в городе Муроме Горьковской области. С апреля по октябрь 1942 г. там прошли обучение свыше 2600 человек военнослужащих-белорусов из резервных частей Московского, Уральского и Приволжского военных округов. С участием этих кадров командиров и специалистов были сформированы и переброшены в тыл противника 14 партизанских отрядов и 92 организаторские группы.

С июня 1942 года подготовку партизанских кадров взяли на себя Центральный штаб и другие штабы партизанского движения. Так, к концу 1943 г. они располагали 6-ю партизанскими школами и 10-ю учебными пунктами, кроме того, партизанская подготовка проводилась на специальных курсах в Алма-Ате и Новосибир-

ске. С зимы 1942—43 гг. подготовка командиров партизанских формирований и специалистов длилась уже по 2—3 месяца.

В частности, ЦШПД создал Высшую оперативную школу особого назначения (ВОШОН). Эта школа не только готовила по трехмесячной программе командиров диверсионных групп, инструкторов диверсионной работы, но и занималась созданием новых, а также совершенствованием имеющихся диверсионных средств.

Чтобы оценить размах подготовки в школах ЦШПД, приведем следующие данные. По состоянию на 15 июня 1942 г. в них обучались 600 человек, преподавание и обслуживание осуществляли 233 человека (из них 165 военнослужащих). К 1 октября 1942 г. численность курсантов достигла 3500 человек, преподавательского и вспомогательного персонала — 1767 человек (из них 1509 военнослужащих). После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом число курсантов сократилось до 1750 человек, персонал школ составил 1472 человека (из них 1280 военнослужащих).

Центральные, республиканские и областные спецшколы за период с 15 июля 1942 г. по 15 февраля 1944 г. подготовили 22450 специалистов-профессионалов. В том числе 2158 командиров партизанских формирований и организаторов партизанского движения, 4368 инструкторов минно-подрывного дела, 2164 радиста, 12016 подрывников, 1174 разведчика.

Кроме того, обучение партизан массовым специальностям подрывника, разведчика, снайпера, пулеметчика было организовано на курсах, созданных при штабах партизанских соединений и в крупных отрядах. Например, в сентябре-декабре 1942 г. краткосрочные курсы при объединенном штабе партизанских отрядов юго-западных районов Брянской области прошли 125 командиров взводов и рот, 346 подрывников, 171 снайпер. В общей сложности за годы войны около 30 тысяч партизанских специалистов прошли обучение в «лесных академиях».

Широко практиковались в отрядах такие формы подготовки личного состава, как курсы молодых партизан, учения, показательные занятия, разборы проведенных операций на общих собраниях. Например, программа боевой учебы в отряде имени Котовского (Пинская область БССР) предусматривала: на изучение автомата и ручного пулемета — 6 часов, револьвера и пистолета — 4 часа, на общее знакомство с подрывным делом — 2 часа. Тактические занятия — 16 часов, караульная служба — 4 часа, строевая подготовка — 6 часов, политподготовка — 8 часов. Всего 46 часов, по 2 часа в день.

Все это привело к увеличению эффективности действий и уменьшению потерь партизанских сил.

Если в первый год войны потери партизан на Украине, в Белоруссии и на северо-западном направлении составляли от 90 до 95 процентов, то безвозвратные потери в хорошо подготовленных партизанских формированиях, созданных позднее, до конца войны не превышали 16 процентов. При этом в минной войне партизаны в подавляющем большинстве случаев вообще не несли потерь.

* * *

Что касается материального обеспечения партизанских сил, то его недооценка, как уже сказано выше, началась с Постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем ни слова нет про обеспечение партизанских формирований нужными средствами. А без этого эффективной партизанской войны в тылу противника быть не могло.

«Партизанские отряды вооружаются и снабжаются главным образом оружием и боеприпасами, захваченными у противника», — говорится в статье 855 Полевого устава 1943 года. Следует особо отметить, что эта глубоко ошибочная установка еще раньше была узаконена в директиве ЦШПД от 18 августа 1942 г., где было сказано, что «централизованное снабжение партизан не только затруднительно, но и нецелесообразно, потому что будет поощрять этим беззаботность в отрядах» и

что «партизанские отряды должны и имеют к тому все возможности обеспечить себя за счет противника. Партизаны, если у них нет в достаточном количестве оружия, боеприпасов и другого снаряжения, должны добыть все это в бою».

Далеко не все в руководстве ЦШПД разделяли эту установку, но поскольку исходила она от И.В. Сталина, не пытались что-то в ней изменить. Между тем, данная установка причинила огромный вред партизанским силам и в несколько раз снизила эффективность партизанской войны в тылу фашистских оккупантов.

Если в первые месяцы войны партизанские формирования значительную часть своих потребностей в оружии и боеприпасах могли покрывать путем сбора их на полях сражений, то уже с лета 1942 г. такая возможность исчезла. Заметим, что партизаны обладали значительно меньшими возможностями добычи оружия и боеприпасов (тем более минно-взрывных средств) в налетах, засадах и на полях сражений, чем наступающие войска на фронте. В бою партизаны обычно расходовали больше боеприпасов, чем захватывали у противника даже при разгроме гарнизонов.

Так, белорусские партизаны только до марта 1944 г. получили из советского тыла свыше 60 тысяч винтовок, 15 тысяч автоматов, 5 тысяч пулеметов, 400 тонн взрывчатых веществ, 100 миллионов патронов, большое количество медикаментов, другого вооружения и имущества. А у противника за все время войны они захватили только около 5 миллионов патронов. Следовательно, трофейные боеприпасы составили менее 5 процентов от числа израсходованных. Почти 100 процентов средств радиосвязи, более 95 процентов средств взрывания, около 90 процентов взрывчатых веществ партизаны получили из советского тыла.

Если бы директива ЦШПД о самоснабжении партизан оружием и боеприпасами неукоснительно проводилась в жизнь, то партизаны вообще не смогли бы нанести оккупантам существенного урона. Но сам ЦШПД и другие штабы партизанского движения, а также ЦК компартий

союзных республик, делали все возможное, чтобы снабдить партизанские формирования средствами борьбы. Тем не менее партизаны до конца войны остро нуждались в оружии и боеприпасах.

Особенно не доставало им автоматического оружия, гранат, противотанкового и зенитного вооружения, минно-взрывных средств. Автоматическое оружие в наибольшей мере отвечало требованиям быстротечного ближнего боя и создавало высокую плотность огня. Противотанковые ружья и крупнокалиберные зенитные пулеметы позволяли давать отпор самым опасным врагам партизан — танкам и самолетам. Мины и взрывчатка давали возможность причинять противнику наибольший ущерб, не вступая в прямое боевое соприкосновение с ним.

* * *

Начиная с лета 1942 г. размах партизанской войны в тылу оккупантов находился в прямой зависимости от доставки партизанам оружия, боеприпасов, минно-взрывных средств. Так, даже к марту 1944 г. личный состав партизанских бригад Белоруссии был вооружен только на 60%.

Трофеи, захваченные партизанами у противника, лишь «в ничтожной степени восполняли тот недостаток в боеприпасах и вооружении, который имелся в партизанских соединениях», — это выдержка из справки начальника оперативного отдела Белорусского штаба партизанского движения А.И. Брюханова (март 1944 г.).

По его подсчетам, суммарный вес комплекта боеприпасов, необходимых для вооружения, имевшегося у белорусских партизан, составлял около 5000 тонн, однако доставка боеприпасов из советского тыла была совершенно недостаточной. Так, в феврале 1943 г. были доставлены 3 тонны боевых грузов, в феврале 1944 г. 96 тонн, а всего с января по 15 марта 1944 г. 193 тонны боевых грузов.

Из-за недостаточного выделения самолетов плохо осуществлялось материально-техническое обеспечение пар-

тизанских сил и в других регионах. Например, за все время войны в те районы Украины и сопредельных стран, где действовали украинские и местные партизаны, было совершено 1858 вылетов двухмоторных транспортных самолетов С-47, из которых 1340 выполнили задания. Кроме того, из 360 вылетов одномоторных самолетов У-2 и Р-5 задание выполнили 352. В этих 1692 авиарейсах удалось доставить всего лишь 1532 тонны грузов. Несколько лучше обстояло дело с перевозкой людей. Самолеты привезли в отряды 4 374 специалистов и командиров, эвакуировали на «Большую землю» 2 446 человек.

Особо острый недостаток украинские партизаны испытывали в минно-взрывных средствах. Так, в 1942—1944 гг. они получили всего 142,6 тонны тротила, тогда как их ежемесячная потребность во взрывчатке увеличилась за эти годы от 4 до 40 тонн. И это при расходе всего лишь 1 кг ВВ на одного партизана в месяц!

Почти 100 процентов средств радиосвязи, более 95 средств взрывания, около 90 процентов взрывчатых веществ, свыше 75 процентов патронов партизаны получили из советского тыла. При этом потребность партизанских сил в минно-взрывных средствах удовлетворялась в целом не более чем на 25 процентов. Была ли возможность удовлетворить эту потребность полностью?

Общий расход минно-взрывных средств партизанами в минувшей войне определяется примерно в 1700 тонн, из которых не менее 120 тонн взрывчатки было подобрано на полях сражений, выплавлено из снарядов и авиабомб.

В первый год войны партизанские школы Белоруссии, Украины и РСФСР самостоятельно изготовили свыше 12 тысяч различных мин и более 20 тысяч ручных гранат. Самодельные средства широко использовались в борьбе против оккупантов на протяжении всей войны. Но с осени 1942 г. в большом количестве их стала производить промышленность.

Всего в ходе Великой Отечественной войны промышленность выпустила 24837,5 тысяч противотанковых мин (ПТМ), 40443,8 тысяч противопоездных мин (ППМ) и

1437,2 тысяч специальных мин, а всего свыше 66 миллионов штук мин. Из них партизаны получили менее 1 процента. Войска получили от промышленности 34 тысячи тонн взрывчатых веществ, а партизаны, включая комплекты взрывчатых веществ к минам, — менее 1560 тонн.

Следовательно, не составляло проблемы увеличить отпуск минно-взрывных средств партизанам в 4 раза. Более того, по заявке Главнокомандующего партизанским движением для них было изготовлено свыше 100 тысяч различных специальных мин. Главная проблема заключалась в доставке.

Нужные партизанам средства борьбы при наличии возможностей доставлялись наземным путем через бреши в линии фронта, но эти возможности были весьма невелики. Партизанам, действовавшим там, где отсутствовали разрывы в линии фронта, тем более — в глубоком тылу противника, доставлять средства борьбы можно было только по воздуху.

«Авиация гражданского воздушного флота СССР (ГВФ), с 23 июня 1941 г. подчиненная наркому обороны, — вспоминал бывший министр гражданского воздушного флота Главный маршал авиации В.П. Бугаев, — за годы Великой Отечественной войны выполнила около двадцати тысяч полетов к партизанам, из них более десяти тысяч с посадкой на партизанских аэродромах. Она перевезла 5871 человека, 3672 тонны боеприпасов и вооружения и 977 тонн других грузов. От партизан вывезено более шестнадцати тысяч раненых».

Авиация дальнего действия (АДД, командующий А.Е. Голованов) за время войны совершила более 7000 самолето-вылетов в тыл врага.

По подсчетам И.Г. Старинова, проведенным на основании отчетов штабов АДД и ГВФ, всего за годы войны в интересах советских партизан и спецподразделений Красной Армии было совершено 30924 самолето-вылета. Доставлено в тыл врага 22740 человек и 12885 тонн оружия, боеприпасов и других грузов. В то же самое время советская авиация сбросила на врага около 1 миллиона

тонн авиабомб. Из них, по данным наркомата путей сообщения, на железные дороги, эксплуатировавшиеся противником, она сбросила около 100 тысяч тонн авиабомб. Но вся эта масса нанесла противнику ущерб в десять раз меньший, чем партизаны своими диверсиями, на которые они израсходовали немногим более 1 тысячи тонн взрывчатки. Между тем, доставленные партизанам грузы составили всего-навсего около 1,5 процента от всей массы авиабомб, сброшенных на врага.

Иными словами, увеличение доставки партизанам боеприпасов и взрывчатки путем наращивания самолетовылетов и выделения для диверсий части ВВ, расходуемых на бомбежку железнодорожных узлов, мостов и коммуникаций авиацией в десятки раз (!) повысило бы эффективность партизанских действий. Как видим, реальный успех можно было получить не за счет дополнительного изыскания ресурсов, а всего лишь за счет их перераспределения. Естественно, что для этого наркомат обороны должен был с самого начала войны учитывать реальные потребности партизанских сил.

* * *

Необходимо также коснуться одной из важнейших, но мало исследованных до сих пор проблем — тылового обеспечения партизанских действий (продовольственного, материального, медицинского и прочего).

Если на фронте продовольственное и материальное снабжение войск осуществляли специальные тыловые части и учреждения, то партизаны в тылу врага почти полностью возложили это бремя на местное население.

Только рейдирующие отряды и соединения частично обеспечивали себя продуктами питания путем захвата их у оккупантов. Все остальные партизанские формирования обеспечивали себя продуктами за счет местных жителей.

По данным бывшего начальника Белорусского штаба партизанского движения П.З. Калинина, за все время

войны партизаны захватили у противника 5844 коровы и 970 тонн продовольствия. Между тем по самым скромным нормам, в 1943—1944 гг. при средней численности белорусских партизан 140 тысяч человек, им требовалось в месяц минимально 4000 тонн продовольствия. Это исходя из норм тылового пайка, а по фронтовым нормам нужно было 7000 тонн. Поэтому в подавляющем большинстве случаев партизаны просто реквизировали продовольствие у местных жителей, выдавая им символические расписки, обещавшие компенсацию после войны. Изъятие продовольствия в семьях пособников врага (полицаев, старост и других), обрекавшее их на голод, вообще было делом само собой разумеющимся.

В так называемых партизанских краях партийно-партизанское руководство даже устанавливало для сельских жителей нормы сдачи продуктов (своего рода продразверстку). Например, в постановлении Кличевского подпольного райкома компартии Белоруссии № 12 от 22 июня 1942 г. были определены следующие нормы сдачи: зерна от 50 до 70 кг с гектара, сена по одному центнеру с гектара. В ряде партизанских краев заготовки осуществлялись по нормам госпоставок довоенного времени. Так, жители Дорогобужского партизанского края только с середины февраля по май 1942 г. передали партизанам и действовавшим в тылу противника частям 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова 300 тонн мяса, около тысячи тонн зерна, 1112 тонн картофеля, 1447 тонн сена.

Населению приходилось снабжать партизан не только продуктами, но также одеждой и обувью. К сожалению, обобщающие статистические данные об этом, как и о снабжении продовольствием, отсутствуют. Приведем лишь отдельные примеры. Так, осенью 1942 г. в связи с 25-й годовщиной Октября жители окрестных деревень передали партизанам 1-й Дриссенской бригады 306 пар шерстяных перчаток, 164 пары теплых носков, холст, теплые рубашки, полотенца и другие вещи. Бригада им. К.Е. Ворошилова получила 550 маскировочных

халатов, 575 пар перчаток, 311 пар шерстяных носков, 150 пар белья. Жители Ельнинского района Смоленской области сдали партизанам 6100 пар обуви, 7300 пар белья и много другой одежды. Колхозники Ленинградского партизанского края сдали 500 пар валенок, 160 полушубков, около 500 пар лыж.

В полном соответствии с лозунгом «Все для фронта», в случаях уклонения от выдачи им продовольствия, фуража, одежды партизаны применяли различные меры силового воздействия. О размахе принудительных поставок и реквизиций можно косвенно судить по данным того же П.З. Калинина: «ни в одной из радиограмм из тыла противника не было просьбы об обеспечении одеждой, обувью, продовольствием».

* * *

Большое значение для партизан имело обеспечение жильем. Далеко не все формирования устраивали на своих базах теплые землянки с печным отоплением. Поэтому в холодное время года партизаны в большинстве районов стремились располагаться в сельских населенных пунктах. Характерно воспоминание бывшего секретаря подпольного обкома партии И.Д. Варвашени: «Начали вести работу по сколачиванию крупного партизанского соединения и уже в декабре 1941 г. занимали несколько деревень и жили в них».

Кроме того, проводя разведку, осуществляя диверсионные операции, партизаны часто использовали крестьянские хаты для отдыха. А в партизанских краях и зонах они жили в деревнях и селах почти все время.

В этой связи надо отметить, что требованиями предоставления им жилья, партизаны фактически «подставляли» местных жителей под репрессивные меры противника. Они от него уходили, а оккупанты расправлялись с гражданским населением. Немецкие прокламации предупреждали, что «лица, способствующие в какой бы то ни было форме партизанам, снабжающие их припасами, укрывающие или дающие им убежище, сами будут счи-

таться партизанами». Далее указывалось, что пособники партизан подлежат смертной казни, а их жилища уничтожению.*

* * *

Нерешенность вопросов материального и продовольственного обеспечения партизанских сил весьма значительно препятствовала разворачиванию массовой партизанской борьбы, в очень большой степени снижала ее эффективность.

Глава 14. Общевоинская тактика — смерть для партизан

Партизаны применяли специфические формы ведения боевых действий, так называемую партизанскую тактику, с основами которой они знакомились на специальных курсах и в партизанских школах. Затем в ходе вооруженной борьбы условные теоретические схемы проверялись на практике и наполнялись конкретным содержанием. Одни приемы отбрасывались, другие брались на вооружение.

Происходило это под воздействием многих факторов. Среди них надо назвать такие, как специфика обстановки на оккупированной территории, насыщенность партизанских отрядов вооружением, их материальная обеспеченность. Но в наибольшей мере на тактику партизанских отрядов влияли условия их базирования.

Одни формирования имели постоянную дислокацию, располагаясь, например, в труднопроходимой лесисто-

---

* Командование вермахта, тыловые силы безопасности стремились делать то, что делает любая армия на любой войне: лишить партизанские силы источников снабжения. Отсюда пресловутые «зачистки», облавы, акты устрашения и прочие карательные меры. Российские войска в Чечне делают то же самое. Другое дело, что нацисты с их бредовой теорией «расовой неполноценности славян» действовали чрезвычайно грубо и жестоко. — *Прим. ред.*

болотистой местности или в каменоломнях. Отсюда они систематически производили боевые вылазки. Другие постоянно перемещались внутри одного либо нескольких соседних районов. Третьи же совершали рейды протяженностью в сотни километров, выходя за пределы области и даже республики, появляясь в самых неожиданных для противника местах.

Партизанская тактика отличалась разнообразием способов действий. Тем не менее, в ней можно выделить общие черты, определенные закономерности. Как правило, партизаны нападали на противника в моменты наименьшей способности его к сопротивлению. Они предпочитали действовать вечером и ночью, а также в плохую погоду. Партизаны стремились скрытно выйти на исходный рубеж, быстро произвести атаку или диверсию в самом уязвимом месте противника и столь же быстро отойти. Они избегали встречного боя с превосходящими силами противника, широко использовали маневрирование, маскировку, различные хитрости и уловки.

При всём разнообразии тактические приемы партизан можно разделить на две основные группы: первая группа включает способы решения боевых задач путём непосредственного столкновения с врагом. Ко второй группе относятся способы решения этих задач без прямого боевого столкновения с противником.

В первом случае главными способами действий партизан являются засады, налеты, прорывы, оборона. Во втором случае — диверсии.

Засады

В годы войны засада представляла собой заранее подготовленное внезапное нападение партизан на движущегося противника: воинское подразделение, автоколонну, обоз, одиночные автомобили или мотоциклы и т.д.

В зависимости от задачи, в засаде участвовало от группы (отделения) до отряда партизан, а иногда и более. Как правило, в засадах против колонн войск и автотранс-

порта участвовал целый отряд или даже нескольких отрядов.

Боевой порядок засады обычно включал ударную группу, группы прикрытия и резерв. Группы прикрытия располагались в таких местах, где можно было с наибольшим эффектом предотвратить или задержать подход резервных сил противника к месту действий ударной группы. Группы прикрытия нередко устраивали завалы для препятствия движению бронетехники; если имелись соответствующие средства — устанавливали мины или фугасы. В бой они вступали по необходимости, например, уничтожали остатки разгромленного противника.

Главную роль в засаде играла ударная группа. Она начинала бой внезапно для врага, по установленному сигналу. Ударная группа открывала огонь и, воспользовавшись замешательством, переходила в атаку, если противник уступал ей в численности и вооружении. Если же фашисты имели превосходство и начинали оказывать организованное сопротивление, партизаны быстро выходили из боя. Варианты выхода предусматривались заранее, намечался также район сбора и маршруты движения к ним всех групп, участвовавших в засаде.

Характерный пример засады дают действия специального отряда пограничников капитана Брехова (164 человека) в сентябре 1941 г. в тылу войск противника на Северо-Западном участке фронта. Отряд вышел в тыл наступающим войскам противника через лесной массив. Капитан Брехов организовал засаду силами четырех групп на дороге Столбино—Шорихово.

В 13.30 3 сентября одна из них, где командовал политрук Бондарев, обнаружила движение автоколонны противника (5 машин) из Столбино на Шорихово. Впереди шел грузовой автомобиль с солдатами, за ним — легковой и два штабных, сзади еще один автомобиль с солдатами. Партизаны забросали гранатами легковой и штабные автомобили. В грузовые машины полетели бутылки с горючей смесью. Кинжальный огонь станкового пулемета довершил разгром автоколонны, все автомобили сгорели.

В это время вторая группа, находившаяся в 500 метрах западнее от группы Бондарева (там командовал младший лейтенант Баранов) тоже произвела нападение на другую группу автомобилей. Гранатами, огнем ручного пулемёта и автоматов она уничтожила три автомобиля (штабной, легковой и грузовой) с офицерами и солдатами противника.

Выяснилось, что из Столбина на Шорохово выдвигается немецкий мотомеханизированный полк. Таким образом, засада разгромила штаб полка, уничтожив 11 офицеров, 103 солдата и 7 автомашин.

После того как уцелевшие немецкие солдаты спешились и открыли ответный огонь, группы Баранова и Бондарева отошли в лес. К вечеру 15 сентября группа подошла к Западной Двине. Ночью пограничники переправились через реку и вышли к своим.

Еще один пример успешной засады — действия диверсионно-разведывательной группы сержанта Петрова, созданной из пограничников резервной заставы 3-й комендатуры Любомльского пограничного отряда. Эта группа получила задание действовать в районе местечка Рымань (Юго-Западный фронт, июнь 1941 года). Группа скрытно вышла в район переправы и расположилась в засаде с ручным пулеметом. Когда здесь появилась колонна немецких автомобилей, пограничники гранатами и огнем из пулемета подбили 7 автомашин с солдатами, а затем разрушили переправу. После этого в течение трех часов пограничники не давали противнику восстановить положение.

* * *

Разновидностью засад являлись так называемые «тройные» и «заманивающие». В тройных засадах задача средней группы заключалась в том, чтобы первой напасть на противника и заставить его вызвать подкрепление. По вражескому подкреплению затем открывали огонь более сильные засады на флангах.

В качестве примера «заманивающей» засады можно привести случай из боевой практики командира парти-

занского отряда, пограничника Ф.Ф. Журиха (Северо-Западный фронт). Имея дело с карателями, он выдвинул взвод на опушку леса, приказав бойцам развести там костры, которые мог бы заметить противник. Основные силы отряда скрытно расположились в полутора километрах впереди от «стоянки», по наиболее вероятному направлению движения карателей. Обнаружив дым от костров, противник выслал подразделение для уничтожения партизан. Двигаясь в походном порядке, оно вплотную подошло к месту засады, где было уничтожено гранатами и мощным огнем из всех видов стрелкового оружия.

Для захвата и уничтожения мелких групп фашистов партизаны нередко устраивали подвижные засады. Они шли либо ехали по дороге под видом крестьян, полицейских, вражеских солдат и внезапно нападали на встречаемых или обгонявших их гитлеровцев. Подобные засады часто использовали партизаны из отряда Медведева, действовавшего на Украине в районе города Ровно.

Налеты

Это внезапный быстрый удар по малоподвижным и стационарным объектам с целью их уничтожения, захвата или вывода из строя. Конкретные цели налетов были самыми разными: уничтожение вражеских гарнизонов, вывод из строя транспортных и промышленных объектов, разгром штабов, спасение советских людей от уничтожения или от вывоза на работы в Германию, захват складов, отвлечение внимания противника от операций партизан в других районах.

Налеты, как правило, производились на объекты, которые находились в режиме охраны, а не обороны (караулы, патрули, дежурные). Если же противнику удавалось своевременно занять заранее подготовленные оборонительные сооружения (что на практике случалось довольно часто), то налет превращался в общевойсковое наступление на укрепленный объект, что влекло за собой большие потери среди наступавших.

Боевой порядок партизан при налете обычно включал ударную (штурмовую) группу, группы обеспечения (прикрытия и отвлекающих действий), резерв. Если одной из задач налета являлось разрушение сооружений, то создавались также группы подрывников. Часто в ударной группе выделялась подгруппа для ликвидации охраны атакуемого объекта.

Группы прикрытия должны были сдерживать резервы противника до тех пор, пока ударная группа не выполнит свою задачу и не уйдет из опасной зоны. При налетах на слабо охраняемые объекты, когда боевая задача решалась за очень короткое время (нередко в течение 3—5 минут), партизаны, как правило, не выделяли группы прикрытия. В таких случаях на ближайших дорогах выставлялось боевое охранение. Группы отвлечения создавались тогда, когда ожидалось упорное сопротивление противника и для выполнения задачи требовалось значительное время. Демонстративными «шумовыми» и другими действиями эти группы отвлекали внимание противника от основного объекта (направления) налета.

Успех налета в решающей мере зависел от тщательной разведки. Перед каждым налетом партизанское командование стремилось собрать точные данные о расположении объекта, системе его охраны, путях скрытого подхода к нему, о ближайших резервах противника и вероятных маршрутах их выдвижения.

Очень важно было обеспечить внезапность налета, чтобы в ходе его не ввязываться в бой с крупными силами противника. Так, однажды командир партизанского отряда подполковник-пограничник К.В. Бондюк избрал объектом для налета гарнизон, расположенный в двух населенных пунктах. В результате короткого, но стремительного удара по одному из них партизанам удалось уничтожить несколько десятков вражеских солдат, взорвать мост на дороге, соединяющий эти поселки, сжечь гараж. Партизаны потерь не имели и отошли раньше, чем подкрепление из второго поселка смогло форсировать реку.

Наиболее сильные и опытные партизанские формирования совершали успешные налеты даже на относительно крупные гарнизоны противника. Так, в конце августа 1942 года белорусские партизаны захватили и двое суток удерживали в своих руках город Мозырь. В 1943 г. крымские партизаны разгромили фашистский гарнизон в городе Старый Крым.

Но обычно партизаны, учитывая свою недостаточную вооруженность и боеспособность, стремились нападать на слабого противника, в моменты его наименьшей способности к сопротивлению. Они неохотно вступали в боевые действия с войсками. Так, по немецким данным, в тылу армий «Центр» с апреля по декабрь 1942 г. партизаны совершили более 1500 нападений на различные деревни и только 330 нападений на войска.

Такое соотношение не случайно. Именно в налетах, при нападениях на гарнизоны, партизаны несли до 95 процентов всех потерь, боеприпасов добывали меньше, чем расходовали, а урон противнику, как правило, наносили весьма незначительный.

Прорывы

Прорыв относится к разновидностям наступательного боя. Такой бой невыгоден и опасен для партизан, так как даже при равной численности сил противник (полевые или охранные части) всегда обладал подавляющим превосходством в артиллерии и минометах. Кроме того, он применял танки и авиацию.

Поэтому партизаны вступали в наступательный бой лишь при прорыве из окружения, или же при захвате объектов и рубежей во взаимодействии с наступающими советскими войсками (во втором случае они действовали в соответствии с требованиями полевого устава РККА).

Боевой порядок партизанских сил при прорыве строился с таким расчетом, чтобы избегать сложных перегруппировок и обеспечить подразделениям необходимую самостоятельность. Чаще всего он состоял из одного

эшелона и резерва. Нередко первый эшелон делился на штурмовую (ударную) группу, выполнявшую главную задачу, и группы обеспечения, которые прикрывали фланги штурмовой группы и сковывали противника на второстепенных направлениях. Резерв использовался для развития успеха и отражения вражеских контратак. За первым эшелоном двигались штабные и обслуживающие подразделения с обозом и госпиталем, за ними следовала группа прикрыва.

Во время прорыва партизаны стремились отвлечь внимание врага от главного направления своего движения и распылить его силы. В этих целях они засылали во вражеский тыл диверсионные отряды и группы, устраивали ложные и демонстративные атаки, применяли другие хитрости. Обычно партизаны шли на прорыв в ночное время, местность не освещали, пользовались естественными ориентирами. При этом они старались атаковать внезапно и стремительно, добиваясь максимальной концентрации огня на главном направлении прорыва.

Все это мешало противнику, а во многих случаях полностью лишало его возможности использовать танки, артиллерию и авиацию.

Оборона

Бой в обороне партизанам чаще всего приходилось вести во время карательных акций противника.

Если в оборонительный бой вступали небольшие партизанские подразделения, то они не стремились длительное время удерживать занятые позиции. Их цель заключалась в том, чтобы на какое-то время остановить противника, обладавшего значительным превосходством в силах и пока он перегруппировывался для дальнейшего наступления, стремительным броском уйти в отрыв.

При защите же своих баз, действуя в составе крупных группировок, партизаны нередко удерживали позиции длительное время. В таких случаях они действовали в соответствии со специально разработанными планами, оборудовали линию обороны (минные поля, завалы де-

ревью и управляемые фугасы на дорогах, засады снайперов, пулеметные гнезда, наблюдательные пункты). Плотность обороны была обычно невелика, в среднем 10 человек на один километр.

Например, система обороны лагеря партизанского полка «Тринадцать», действовавшего в Смоленской области летом-осенью 1942 года, включала 38 дерево-земляных укрытий с огневыми точками. Эти землянки располагались по кругу вокруг района базирования. Сам партизанский лагерь был разбит на секторы. Каждое подразделение обороняло свой сектор. Запасы продовольствия и боеприпасов находились в хорошо оборудованных и укрытых под землей складах. Все это позволило полку достаточно долго сопротивляться превосходящим силам карателей.

Боевые порядки партизанских формирований в обороне обычно включали в себя: первый эшелон обороны, группу огневой поддержки (при наличии минометов или артиллерии), группу отвлечения, диверсионные группы для действий в тылу наступающего противника, группы резерва (они обычно располагались на самых опасных направлениях).

Наибольшую опасность для партизан в обороне представляли танки. Основными средствами борьбы с ними являлись гранаты и бутылки с горючей смесью, реже — противотанковые ружья и мины, еще реже (лишь в некоторых отрядах и соединениях) артиллерийские орудия (противотанковые пушки калибра 45 мм).

Во второй половине войны, начиная с лета 1943 года, партизанские формирования все чаще вступали в оборонительные бои с целью оказания помощи наступающим советским войскам. Обычно это было связано с захватом ими переправы, перевала, важной дороги, населенного пункта и удержания их до подхода частей Красной Армии. Ничего специфически партизанского в подобной обороне не было. Партизаны действовали в соответствии с требованиями полевого устава РККА и всегда несли большие потери.

Диверсии

Целью диверсий была дезорганизация вражеского тыла, нанесение фашистам ущерба в живой силе и технике. Этот способ вооруженной борьбы по сравнению с другими обладал серьезными преимуществами. Во-первых, диверсии позволяли партизанам малыми силами и почти без потерь наносить весьма эффективные удары по противнику. Во-вторых, систематические диверсии расплывали внимание и силы противника на охрану коммуникаций и других тыловых объектов.

В результате резко снижались его возможности в борьбе с партизанами, так как создание крупных группировок войск для блокирования районов активных партизанских действий и проведения карательных экспедиций было затруднено. Диверсии играли также важную роль в деморализации вражеских войск.

В 1941—1942 гг., когда еще не было налажено снабжение партизанских формирований специальными минно-взрывными средствами, партизаны широко применяли простейшие способы диверсий. Они подкапывали и расширяли железнодорожные пути, отводили рельсы в сторону, разбрасывали на автомобильных дорогах металлические «ежи» и колючки, создавали на грунтовых дорогах замаскированные «волчьи ямы», устраивали поджоги и т.д.

Роль диверсий в партизанской борьбе возросла со второй половины 1942 г., когда на вооружение партизан стала поступать из советского тыла более сложная современная подрывная техника (мины замедленного действия с электрочасовыми или химическими взрывателями, магнитные мины и другие специальные взрывные устройства). Массовое применение этой техники обеспечило очень высокую эффективность диверсионной работы. С начала 1943 года диверсии с использованием специальных технических средств вышли на первое место в тактике партизанской борьбы.

Особенно много диверсий устраивали партизаны на коммуникациях, главным образом на железных дорогах.

Иногда они сочетали диверсии с засадами и налетами, чтобы закрепить результаты диверсии, уничтожить больше живой силы и техники врага, разрушить важные железнодорожные объекты. Однако чаще всего партизаны нарушали работу железнодорожного транспорта, не вступая в боевое столкновение с противником.

Они минировали железнодорожные пути и вызывали крушения поездов. При этом партизаны стремились закладывать мины на затяжных уклонах, высоких насыпях и кривых участках пути, то есть в таких местах, где взрыв наносил наибольший ущерб. Для обеспечения длительного перерыва в движении поездов, они организовывали крушения в глубоких выемках, на малых мостах, которые не охранялись или слабо охранялись, на насыпях, проходивших через болота, т.е. там, где было трудно вести восстановительные работы.

Война дала массу примеров, когда небольшие подразделения партизан, умело используя минно-взрывные средства, производили массовые крушения вражеских поездов. Так, в декабре 1943 года взвод минеров под командованием заместителя командира батальона Чернигово-Волынского партизанского соединения А.М. Садиленко на участке Малорита — Крымно железной дороги Ковель — Брест заложили мины замедленного действия. Следующей ночью взвод заминировал другой участок, севернее и южнее станции Заблоцк. На двенадцатые сутки, когда взвод был уже в 90 километрах от места минирования, на железной дороге начались взрывы. В течение двух недель там потерпели крушения 31 эшелон и один бронепоезд. Движение на участке прерывалось в общей сложности на 12 суток.

Партизаны широко осуществляли диверсии и на автомобильных дорогах: устраивали перекопы, завалы, пожары (на лесных дорогах), обвалы (на горных трассах), минировали их, разрушали дорожные сооружения. Кроме того, немалый ущерб вражескому автотранспорту наносило нарушение работы дорожной службы противника. Так, партизанский отряд Лебедянского района Сумской области, действуя недалеко от линии фронта, 27 сентяб-

ря 1941 года уничтожил вражеского регулировщика и переменял направление дорожных указателей. В результате фашистская автоколонна пошла по ложному направлению. Командир отряда сообщил об этом советскому командованию, по заблудившейся автоколонне удалось нанести мощный артиллерийский удар, который уничтожил ряд машин с военными грузами.

Различные способы диверсий применяли партизаны на водных коммуникациях. Среди них минирование фарватеров, разрушение мостов при помощи сплавных мин, уничтожение и перестановка бакенов, закладка на судах мин замедленного действия и т.д. Так, летом 1943 года партизаны из соединения А.Ф. Федорова произвели диверсию на реке Припять с помощью самодельной мины. Подорвавшись на этой мине, затонули буксир и баржа с воинскими грузами.

Те партизанские формирования, которые в своей боевой деятельности ориентировались преимущественно на диверсии, обычно не имели больших потерь, сохраняли высокую маневренность, могли систематически наносить чувствительные удары по врагу. Высокая результативность диверсий, простота выполнения, большая экономия сил и средств, сохранение боеспособности и подвижности партизан — все это свидетельствует о ведущей роли диверсий в тактике партизанской борьбы.

Во второй половине войны советские партизаны проводили целые кампании массовых диверсий в интересах обеспечения наступательных операций регулярной армии. Среди них пресловутая «Рельсовая война», проводившаяся на коммуникациях групп армий «Север», «Центр» и «Юг» в августе-сентябре 1943 года для обеспечения наступления Брянского, Степного и Воронежского фронтов под Орлом и Белгородом. Партизаны провели также операцию «Пустыня», в ходе которой они уничтожили водокачки и водонапорные башни на значительной территории.

Самую крупную наземную транспортную диверсию периода Второй мировой войны осуществил диверсант Федор Крылович (1916—1959), поддерживавший связь со

спецгруппой «Храбрецы». Рано утром 30 июля 1943 года он установил две магнитные мины с часовыми взрывателями в эшелоне цистерн с бензином, сделавшем остановку на станции Осиповичи. Одну мину он прикрепил в голове эшелона, вторую — на последней цистерне. В тот же день заминированный поезд немцы поставили рядом с тремя другими воинскими эшелонами в вагонном парке станции Осиповичи.

В установленное время взорвалась первая мина, вызвавшая сильный пожар. Охрана станции попыталась отвести пылающие цистерны от соседних вагонов, но через 10 минут взорвалась вторая мина. Загорелись стоявшие рядом составы, начали взрываться авиабомбы и снаряды, находившиеся в одном из них. В итоге полностью сгорели либо взорвались 5 паровозов, 25 цистерн с бензином, 8 цистерн с авиационным маслом, 65 вагонов с боеприпасами, 12 вагонов с продовольствием, 8 танков на платформах (из них 5 типа «Тигр»), 7 бронетранспортеров, угольный склад вместе с погрузочным краном, ряд станционных построек. Погибло до 50 человек станционного персонала. Движение на этом участке полностью прервалось на двое суток.*

Во многих партизанских бригадах и отрядах имелись специальные диверсионные подразделения — взводы или роты. Кроме того, на оккупированной территории действовали отдельные диверсионные и диверсионно-разведывательные группы.

Эффективность диверсионных акций находилась в прямой зависимости от наличия у партизан взрывчатки, мин

---

* В связи с данной операцией четверо партизанских руководителей (Королев, Ливенцев, Рябцевич, Тихомиров) получили в 1943 году звания Героев Советского Союза. Как выглядело их участие в данной диверсии? Например, «подвиг» командира группы «Храбрецы» Рябцевича заключался в том, что он по цепочке связанных передал Крыловичу мины. Сам же Ф.А. Крылович получил награду — орден Ленина, а не звезду героя — только в 1949 году, т.е. спустя шесть лет. Этот факт очень ярко характеризует морально-политическую обстановку той эпохи.— *Прим. ред.*

и различного рода подрывной техники, уровня подготовленности личного состава к их применению, а также от степени охраны противником железнодорожных коммуникаций и других тыловых объектов. Подрывы партизаны организовывали не только на железнодорожных линиях. Многие диверсионные группы успешно минировали шоссейные и грунтовые дороги.

Тактика диверсионных групп обычно выглядела следующим образом. После предварительной разведки подступов к объекту и тщательного изучения режима его охраны группа в наиболее удобный момент выходила на железную или шоссейную дорогу, закладывала мину (фугас), а затем отходила в условленное место, откуда можно было наблюдать за результатом диверсии и затем незаметно скрыться.

В первые месяцы борьбы в тылу врага партизаны использовали в основном самодельные, а также некоторые армейские табельные мины, которые предназначались для других целей, поэтому не всегда могли удовлетворить их требования. Проявляя сметку и изобретательность, партизанские умельцы усовершенствовали многие образцы имевшейся в отрядах минно-подрывной техники. В результате арсенал партизанских диверсионных групп пополнился необходимыми, порой совершенно неожиданными видами мин, секрет которых был известен только изобретателю и исполнителю диверсионной акции.

Помимо взрывных устройств, партизаны довольно успешно применяли для диверсий всевозможные подручные средства. В некоторых отрядах были устроены специальные мастерские, где ковали клинья для крушения эшелонов на железных дорогах, изготавливали всевозможные «ежи» и «шпильки» для прокола шин автомобилей и другие несложные приспособления. Партизаны подпиливали и сжигали деревянные мосты, растаскивали рельсы, выкапывали и сжигали шпалы, что приводило к крушениям транспортной техники врага. Одновременно с этим они рвали телефонные и телеграфные провода, подпиливали и валили опорные столбы вражеских линий связи.

• Объектами диверсий, помимо коммуникаций и линий связи, являлись склады, хранилища, аэродромы, транспортная и боевая техника, электростанции, промышленные предприятия. Для их разрушения применялись те же взрывные устройства и простейшие приспособления, а также гранаты, особенно противотанковые. Широко использовались изготовленные кустарным способом термитные шашки, бутылки с горючей смесью.

Организуя подготовку массированных ударов по вражеским железным дорогам, штабы партизанского движения, командиры соединений стремились обеспечить своих бойцов соответствующими рекомендациями по тактике разрушения железнодорожных коммуникаций. С этой целью был обобщен богатый опыт диверсионной деятельности партизанских отрядов и на основе его с учетом характера местности, а также системы охраны того или иного участка коммуникаций выработаны рекомендации.

Например, был предложен один из возможных вариантов боевого порядка при подрыве полотна железной дороги. В частности, отрядам рекомендовалось иметь группы: ударную, штурмовую, прикрытия флангов, тылового прикрытия, несколько вспомогательных групп, а также заслоны, выставляемые на прилегающих к объекту нападения дорогах. Наиболее подготовленный личный состав предлагалось включать в состав ударных групп.

Развитие тактических приемов диверсионной деятельности во многом зависело от обстановки на оккупированной немецко-фашистскими войсками советской территории, изменений в системе охраны коммуникаций, транспорта и других объектов во вражеском тылу, оснащения партизанских формирований более эффективными видами минно-подрывной техники и оружия. Если в период становления партизанского движения партизаны, как правило, действовали разрозненными группами, отдельными отрядами, применяя преимущественно тактику мелких диверсий, то в последующем все чаще усилия отрядов и бригад стали объединяться общим замыслом, а диверсионные действия проводились в форме крупных и

массовых операций. Успех диверсионных действий партизан во многом зависел также от организации разведки и других видов боевого обеспечения, улучшения планирования и совершенствования управления партизанскими формированиями.

Рейды

Определенное место в тактике партизанских формирований отводилось рейдам. Эта весьма своеобразная форма партизанских действий представляла сочетание засад, налетов, диверсий и агитационной работы в процессе передвижения в тылу противника. В рейдах партизаны передвигались чаще всего пешком (зимой — на лыжах). Иногда удавалось использовать транспортные средства, захваченные у противника (автомобили, мотоциклы, гужевой транспорт).

Для первых двух лет войны наиболее характерными были рейды небольших групп, происходившие на ограниченной территории. Например, партизанская рейдовая группа (22 человека), созданная разведотделом Северо-Западного фронта из студентов и преподавателей Ленинградского института физкультуры, действовала исключительно на территории Ленинградской области. За 6 месяцев (ноябрь 1941 — март 1942 гг.) она провела 24 рейда, в ходе которых пустила под откос 23 железнодорожных состава, уничтожила либо вывела из строя 2 самолета, 18 танков, 84 легковых и 143 грузовых автомобиля, захватила 7 пушек, 97 пулеметов, около 800 винтовок.

Начиная с 1943 года партизанские формирования стали совершать уже продолжительные рейды, уходя из районов своих баз на длительное время или покидая их вообще.

Партизанские силы разделялись на региональные (местные) формирования, а также на формирования, не связанные с определенными местами действий. Региональные формирования постоянно базировались в одних и тех же районах. В ходе боев с карателями им нередко прихо-

дилось менять базы, маневрировать, но во всех случаях они тяготели к своим прежним местам. Формирования, не связанные с постоянными местами базирования (не-региональные), совершали продолжительные рейды. Они сражались с фашистами в различных районах, не останавливаясь в них надолго. Широкий размах получили действия таких формирований, например, на Украине, особенно в лесостепных центральных и южных районах республики, где мало было естественных укрытий.

Богатый опыт рейдирования в незнакомой местности представлял собой весьма ценное качество подобных формирований. Именно благодаря этому опыту некоторые советские партизанские соединения и отряды в 1944 г. перешли государственную границу СССР и успешно действовали в сопредельных странах, оказывая помощь местным антифашистским силам в борьбе с оккупантами.

* * *

Завершая эту главу, следует отметить, что в годы войны качественно изменилось содержание понятия диверсия. Если ранее, во времена Д. Давыдова и К. Клаузевица, под словом «диверсия» подразумевались такие действия во вражеском тылу, в результате которых значительные силы противника отвлекались от конкретного объекта, определенного участка театра войны, то теперь под диверсиями прежде всего понимаются действия по дезорганизации вражеского тыла, нанесению потерь и материального ущерба противнику без вступления в боевое столкновение с ним.

К концу войны диверсии стали главным способом партизанской борьбы. Особенно значительные результаты они давали на железнодорожных коммуникациях во вражеском тылу. Диверсии вызывали чувство страха и неуверенность у противника, заставляли его направлять большие силы и средства на охрану своего тыла, особенно коммуникаций. Так, осенью 1941 года для борьбы с партизанами немецкое командование направило 78 охранных батальонов. Плюс к ним подразделения службы

безопасности СД («зондеркоманды»), отряды тайной полевой полиции ГФП, силы вспомогательной полиции из бывших советских граждан («полицаи»). А осенью 1942 года против партизан действовали уже 140 специально выделенных охранных батальонов, что равнозначно примерно 10 армейским дивизиям полного состава.

Хорошо подготовленные диверсии, совершаемые небольшой группой партизан, давали гораздо больший эффект, чем бой целого партизанского соединения с войсками противника. В то же время практика осуществления плановых массовых диверсий доказала, что воздействие на тылы противника с помощью диверсий может носить не только оперативно-тактический, но и стратегический характер. В данной связи надо отметить, что в ходе партизанской войны именно диверсии дали 55 процентов потерь противника в живой силе и свыше 85 процентов урона в технике. Но к пониманию первостепенной важности диверсий на коммуникациях противника советские руководители пришли достаточно поздно.

Глава 15. Результативность партизанской борьбы

Сколько врагов уничтожили партизаны!

В большинстве случаев достоверность сведений о потерях противника в результате действий партизан весьма проблематична. Кстати, как и достоверность сведений об успехах немецкой стороны. Надо всегда помнить, что во время военных конфликтов такая информация тоже оружие, только оружие психологической войны. К ней следует подходить с особой осторожностью.

Еще во время войны частичная проверка отчетов о действиях партизанских формирований показала, что в них значительно завышалось количество уничтоженных солдат и офицеров противника. В сводках ЦШПД, которые направлялись в Ставку, потери противника убитыми

в результате действий партизан преувеличивались в 10 и более раз.

Вот что, например, писал в своей книге «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941—1944 гг.» бывший начальник ЦШПД П.К. Пономаренко: «Советские партизаны и подпольщики за время войны нанесли фашистской армии огромный урон в живой силе. Они уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 миллиона солдат и офицеров вермахта, военно-строительных организаций ТОДТ, немецких чиновников оккупационной администрации, военных железнодорожников и колонистов». Далее эти цифры разнесены по регионам.

В плен якобы было взято 45 тысяч германских солдат и офицеров. Трудно представить, что могли делать партизаны с таким количеством пленных, которое даже в самые лучшие для партизан времена составило бы не менее пятой части от их собственной численности. Прокормить в лесах такую массу людей было совершенно невозможно, не говоря уже о том, чтобы воздушным путем отправить на Большую землю. Правда, в большинстве случаев партизаны казнили пленных.

Ближе к истине данные историка-коммуниста из бывшей ГДР В. Кюнриха, полученные на основании анализа первоисточников. Согласно им, за все время войны немецкая сторона потеряла в своем тылу на оккупированной территории СССР 550 тысяч военнослужащих. Причем в эту цифру входят, помимо самих немцев, их союзники, а также «воины-добровольцы», например из дивизий СС «Беларусь» и «Галичина», Российской освободительной армии, и полицейские, вербовавшиеся из местного населения.*

---

* Как известно, одна из основных особенностей советского строя заключалась в том, что руководители всех рангов, снизу доверху, всегда и везде лгали о «достигнутых успехах». Было бы странно, если бы на войне дело обстояло иначе. Тем более, что проверить партизанские сводки было очень трудно, а чаще всего невозможно — *Прим. ред.*

Наглядное представление о механизме преувеличения потерь врага дает следующий пример. Его источником является «Справка об операции по разгрому штаба 12-го немецкого армейского корпуса сводным партизанским отрядом Управления НКВД по Москве и Московской области, проведенной 19—24 ноября 1941 г. в г. Угодский Завод». Справку подписал начальник штаба истребительных батальонов УНКВД Московской области подполковник Филиппов, она датирована декабрем 1941 г.

Данный эпизод включен во все сборники документов и материалов о деятельности НКВД в годы войны. Редкая монография о Великой Отечественной войне обходится без этого «блестящего» примера. Маршал Г.К. Жуков (1896—1974) тоже вставил его в свои воспоминания. Но одно дело война и совсем другое — мирное время, когда следует называть вещи своими именами не просто во имя правды, а ради извлечения уроков на будущее.

Справка утверждает, что хотя немцев было в городе до 4 тысяч, а партизан менее 300 человек, немцы не сумели оказать сильного сопротивления. Это видно по тому, что партизаны за один час десять минут боя потеряли лишь 18 человек убитыми и 9 ранеными.

Всего в ходе этой операции партизаны якобы уничтожили до 600 немецких солдат и офицеров, сожгли два больших склада с горючим, взорвали склады с боеприпасами и продовольствием, подорвали два танка и одну бронемашину, уничтожили несколько пулеметных гнезд, сожгли конюшни, захватили в разгромленном штабе 12-го армейского корпуса важные оперативные документы (тактические карты, полевую почту) и порвали связь.

30 ноября 1941 г., еще до составления упоминаемой справки, газета «Правда» опубликовала сообщение Совинформбюро об Угодско-Заводской операции подмосковных партизан. В нем говорилось, что «разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные документы. Отважные бойцы-партизаны перебили около 600 немцев, в том числе много офицеров, уничтожили склад с горючим,

авторемонтную базу, 80 грузовых машин, 23 легковых машины, 2 танка, бронемашину, обоз с боеприпасами и несколько пулеметных точек».

Получается, что по своим масштабам это едва ли не самая крупная и удачная операция, проведенная в годы войны партизанами при нападении на воинские гарнизоны противника. Между тем, приведенные в сообщении Совинформбюро и в справке цифры вражеских потерь (как и все остальные «факты») абсолютно не соответствуют действительности.

В 1960 году научные сотрудники отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС И. Старинов и А. Скотников провели изучение отечественных и трофейных немецких документов. Они же совместно с Н. Прокопюком предприняли экспедицию в Угодский Завод. Исследователи установили следующее.

В операции «Угодский Завод» активное участие принимали бойцы батальона особого назначения Западного фронта (командир — полковник С.И. Иовлев, зам. командира — капитан В.В. Жабо, военком — батальонный комиссар И.И. Стригунов). Именно эти бойцы составили ядро сводного отряда, а не партизаны.

Сводный отряд возглавил не командир Угодско-Заводского партизанского отряда старший лейтенант В. Карасев, а капитан В. Жабо, которого лично инструктировал командующий Западным фронтом Г.К. Жуков. Командующий подчинил ему местные партизанские отряды, базировавшиеся к тому времени не в тылу врага, как утверждается, а при 17-й стрелковой дивизии.

Противник обнаружил нападавших еще в окрестностях Угодского Завода и первым открыл огонь. Штурмующие группы с боем зацепились за первые дома поселка, пробившись к бывшему райисполкому, к бывшей школе-семилетке. Эти здания, а также скотный двор они обстреляли, забросали гранатами и подожгли. Потеря элемента внезапности привела к тому, что подрывники не сумели взорвать городской мост, а некоторые группы

сводного отряда вообще отошли без боя. Отход производился в трудных условиях и сопровождался встречными стычками с немцами. Именно на этот этап операции, а не на бой в самом Угодском Заводе приходится основная часть потерь «партизан».

Штаб 12-го армейского корпуса немцев никогда не дислоцировался в Угодском Заводе, а находился с 24 октября по 24 декабря 1941 г. в Тарутино, что подтверждается трофейными документами — «Ежедневными оперативными картами группы армий «Центр». В Угодском Заводе с 23 по 24 ноября находились подразделения службы тыла 263-й пехотной дивизии 12-го армейского корпуса. О потерях в ночном бою с 23 на 24 ноября в немецких трофейных документах сказано, что со стороны нападавших «семь русских убито, один взят в плен. Собственные потери — несколько павших и раненых».

Позже было установлено, что наши потери в бою составили 18 человек убитыми. Захваченного в плен М.А. Гурьянова немцы после пыток повесили. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Старший лейтенант В.А. Карасев, командир одного из партизанских формирований («Олимп»), входивших в сводный отряд, был награжден орденом Ленина. Это его хвалит в своих мемуарах маршал Г.К. Жуков.

Самое же интересное заключается в том, что цель операции, по свидетельствам ее участников, состояла в вывозе с оккупированной территории родственников Георгия Константиновича Жукова. Их удалось спасти, но за это отдали свои жизни 19 советских бойцов.

Таким образом, сложность получения объективной информации о потерях противника в результате партизанских действий вызывает необходимость тщательной проверки ее по разным источникам, в том числе обязательного сопоставления с данными, содержащимися в трофейных немецких документах.

Но, независимо от точности цифр вражеских потерь в ходе партизанской войны (одна пятая часть всех погибших на Восточном фронте, одна десятая или одна пятнадцатая), бросается в глаза следующее: в боях с врагом

партизаны израсходовали почти в 500 раз меньше боеприпасов, чем войска на фронте.

«Битва на рельсах»

14 июля 1943 г. начальник ЦШПД подписал приказ «О партизанской рельсовой войне». Основная цель операции — «массовым повсеместным уничтожением рельсов... сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение». В этом приказе было сказано: «Уничтожение рельсов производить на основных магистралях, запасных, подъездных, вспомогательных, депо-вских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами».

Так началась знаменитая «Рельсовая война». ЦШПД намечал ее на первые числа августа, но Сталин рекомендовал приступить к операции немного раньше, во взаимодействии с наступлением Красной Армии. П.К. Пономаренко писал: «Верховный Главнокомандующий оценил эти взаимодействия партизан с Красной Армией как первую крупную, совместно разработанную стратегическую операцию по разгрому противника».

Первый удар рельсовой войны в ночь на 22 июля 1943 г. нанесли орловские партизаны. Остальные партизанские силы, за исключением украинских, литовских, молдавских и эстонских, начали «рельсовую войну» в ночь на 3 августа. Всего в данной операции участвовали 167 партизанских бригад и отдельных отрядов общей численностью 95615 человек.

7 августа 1943 г. Пономаренко доложил Сталину, что «план уничтожения 213 тысяч рельсов будет выполнен до середины августа». Однако по сводкам самого ЦШПД план удалось выполнить на месяц позже, к середине сентября. А по данным противника, партизаны в августе вообще подорвали только 25 тысяч рельсов. Так, по сведениям ЦШПД белорусские, смоленские и орловские партизаны за первые 6 недель (с 3 августа по 16 сентября) подорвали в тылу вражеской группы армий «Центр» бо-

лее 160 тысяч рельсов. По данным же противника в 8 раз меньше — 20,5 тысяч рельсов.

Эта операция привела к удивительным последствиям. Например, в июне (когда еще не было «рельсовой войны» и немцы готовились к наступлению под Курском) группа «Центр» получила 1822 поезда. В июле белорусские партизаны произвели 743 крушения поездов. Тем не менее, оккупанты доставили своим войскам 2282 эшелона. В августе, переключившись на подрыв рельсов, белорусские партизаны смогли устроить только 467 крушений поездов. Благодаря этому противник доставил в этом месяце войскам данной группы войск 2159 поездов, то есть на 337 эшелонов больше, чем в июне (!) и всего лишь на 123 эшелона меньше, чем в июле.

Таким образом, ценой огромного напряжения сил и расхода значительного количества взрывчатки, партизаны добились того, что пропускная способность железных дорог противника снизилась по сравнению с июлем менее чем на 6 процентов, а по отношению к июню даже возросла на 18 процентов.

Характерно, что все участвовавшие в этой операции партизаны отнеслись к ней с большим энтузиазмом. Вероятно, они смогли бы полностью выполнить план подрыва рельсов, если бы получили нужное для этого количество взрывчатки. Но реально «рельсовая война» велась не к увеличению, а к значительному снижению потерь противника в столь нужных ему паровозах и грузах.

Кстати говоря, при подрыве рельсов 200-граммовыми (тем более 100-граммовыми) шашками тротила рельсы не уничтожались, в них лишь выбивался кусок длиной 25—35 см. Немцы аккуратно обрезами рванные края рельсы и сваривали их термитом. Более того, они изобрели накладной мостик длиной 80 см и массой около 20 кг, накладывали его на подорванные рельсы и пропускали по ним поезда.

Получалась парадоксальная картина. Во время «рельсовой войны» отступавшие немецкие войска сами подрывали рельсы на контролируемых ими магистралях, эвакуировали в Германию рельсы недействующих путей. А

в это время некоторые партизанские формирования подрывали рельсы на запасных и второстепенных путях.

К тому времени на оккупированной территории СССР находилось свыше 10 миллионов рельсов, подрыв 200-300 тысяч в месяц означал, теоретически, вывод из строя только 2-3% этого количества (фактически же раз в пять меньше, т.е. не более 0,4—0,8%).

Некоторые партизанские командиры поняли, что при недостатке взрывчатых веществ их выгоднее расходовать на крушения поездов и другие диверсии, чем для подрыва рельсов.

Так, Украинский штаб партизанского движения, получив сведения из Центрального управления военных сообщений о том, что на оккупированной территории Украины находятся более 4 миллионов штук рельсов, при плане подрыва 87 тысяч штук, решил изменить тактику диверсий. Названная цифра (87000) составляла всего 2 процента от общего количества рельсов. А вот паровозов на всей оккупированной территории было менее 5 тысяч. При острой ограниченности взрывчатки целесообразнее было производить крушения поездов, чем подрыв рельсов. Максимальный эффект достигался тогда, когда диверсии планомерно охватывали подвижный состав и весь комплекс станционных и линейных сооружений.

Наиболее успешной оказалась операция «Ковельский узел», которую осуществило партизанское соединение под командованием А.Ф. Федорова. Во время боев на Курской дуге и на первом этапе освобождения Левобережной Украины диверсанты этого соединения подорвали 274 немецких эшелона. В результате пропускная способность важной железнодорожной магистрали Ковель-Сарны-Киев уменьшилась в 6 раз, дороги Ковель-Ровно более чем в два раза.

В руки партизан попал дневник немецкого майора Дормана, в котором нашли такую запись: «Узловые станции Ковель и Ровно парализованы с августа... Становится страшно обозревать местность, когда едешь. Повсюду остатки разрушения поездов. Ни одного дня в моем районе без железнодорожных катастроф...

Некоторое время в Белоруссии и некоторых районах Украины было даже известное облегчение. Партизаны сотнями взрывали рельсы. Это плохо было для восстановительных работ, но хорошо для поездов... И вообще, если бы не было мин, партизаны не могли бы совершить ничего особенно вредного. Они причиняют нам непоправимый вред минами и при этом сами остаются невредимыми».

В операции «Рельсовая война» белорусские партизаны за 45 суток подорвали 132832 рельса, а во второй операции «Концерт» подорвали 77884 рельса почти за четыре месяца. Следовательно, во второй операции они ежемесячно подрывали в среднем в 4,5 раза меньше рельсов, чем в первой. Но, резко снизив количество подрываемых рельсов, они значительно увеличили количество крушений поездов. Так, если в августе 1943 г., когда белорусы подорвали наибольшее количество рельсов, они произвели 467 крушений поездов, то в сентябре уже 789, в октябре — 832, ноябре — 779, декабре — 713.

Увеличение количества крушений поездов немедленно дало положительный результат. Если в августе группе армий «Центр» было доставлено 2159 поездов, то в сентябре только 1532, октябре — 1352, ноябре — 1457, декабре — 1732 поезда.

Итак, работу железнодорожного транспорта нарушали крушения поездов, взрывы мостов, уничтожение локомотивов, а не массовые подрывы рельсов, зачастую в тупиках и на запасных путях. Операция «Рельсовая война», проводившаяся как типичная советская кампания (кто больше подорвет рельсов и кто первым отапортует) была недостаточно продумана. Ее организаторы явно не учли того, что в тылу группы армий «Центр» немцы не эксплуатировали 53,5 процента участков железных дорог. Примерно то же самое наблюдалось в тылу немецких групп армий «Север» и «Юг».

Из-за отсутствия единого плана действий, недостатка у партизан минно-взрывных средств, разобщенности в действиях партизанских формирований, мероприятий «рельсовой войны» было совершенно недостаточно для

того, чтобы заблокировать железнодорожные коммуникации противника. Для этого, по мнению И.Г. Старинова, необходимо было увеличить количество плановых диверсий в 3—4 раза, осуществлять их круглосуточно, а не только в ночное время, широко использовать мины замедленного действия и управляемые мины.

Позже (в декабре 1943 г.) ЦШПД обобщил опыт «рельсовых ударов» лета—осени, подвел их военные итоги. В указаниях нижестоящим штабам подчеркивалось, что сила воздействия на вражеские коммуникации заключается в их разносторонности и повсеместности. Отметим в этой связи, что при недостатке взрывчатки ориентировка партизан на крушения подвижного состава вместо повсеместного подрыва рельсов, предпринятая Украинским ШПД, была более целесообразной в сложившейся обстановке, чем решение ЦШПД.

Всего за время войны, по данным противника, советские партизаны произвели свыше 18 тысяч крушений поездов. При этом в 1941—1942 гг. около 3 тысяч, в 1943 г. 9600 крушений, в 1944 г. около 5400. Крушения поездов причиняли ущерб в живой силе, боевой технике, в других перевозимых военных грузах, уменьшали пропускную способность железных дорог, угнетающим образом воздействовали на моральный дух перевозимых войск.

По данным группы отечественных исследователей, крушениями поездов и взрывами мин под эшелонами были вызваны 6896 перерывов движения на железнодорожных направлениях (65,6%); разрушениями мостов — 18 процентов, подрывами рельсов — 10 процентов, прочими видами диверсий и нападениями на станции — 6,3 процента. Крушениями и другими диверсиями партизаны вывели из строя на разные сроки более 19200 паровозов, при этом безвозвратные потери составили 2400 паровозов.

Одним из наиболее важных результатов «Рельсовой войны» стало то, что противнику пришлось значительно усилить оборону железнодорожных коммуникаций.

Так, в результате первых действий диверсантов и партизан на коммуникациях германское командование

с 25 октября 1941 г. ввело охрану железных дорог из расчета один охранный батальон на 100 км пути. К концу 1941 года оккупанты восстановили около 5 тысяч км железных дорог. Их они и охраняли.

К весне 1943 г. длина эксплуатируемых и охраняемых железных дорог противника превысила 20 тысяч км. Причем в связи с активными действиями партизан, плотность охраны вдоль особо важных магистралей достигала одного батальона на 30—40 км пути. На многих участках охрана усиливалась вырубкой леса вдоль дорог, а кое-где завалами, проволочными заграждениями и минными полями.

Кроме того, с весны 1943 г. противник уже охранял и важные для него автомобильные дороги общей протяженностью около 10 тысяч км.

В последующем на отдельных участках дорог плотность охраны снова возросла. Так, к октябрю 1943 г. в полосе группы армий «Центр» охранные силы равнялись по своей численности примерно 30 дивизиям.*

Усиление охраны повлекло за собой значительное снижение количества крушений поездов, осуществленных партизанами (на 56 процентов меньше в 1944 году по сравнению с 1943 годом).

Партизанские края и зоны

В зависимости от размаха партизанской борьбы власть оккупантов на захваченной ими территории СССР распространялась неравномерно. В зависимости от степени контроля выделялись четыре типа территорий:

- а) полностью свободные от противника;
- б) контролируемые партизанами;

---

* Железные дороги охраняли не фронтовые дивизии вермахта, как это обычно утверждали советские авторы, а специальные охранные батальоны («шцманшафтен»), состоявшие из бывших советских граждан—добровольцев: жителей деревень и поселков, прилегавших к охраняемой дороге, военнопленных, казаков. Кроме того, воинские эшелоны охраняли команды немецких военнослужащих, сопровождавших эти поезда. — *Прим. ред.*

в) не контролируемые ни партизанами, ни вражескими войсками (так называемые «нейтральные зоны»);

г) контролируемые противником.

Территории, освобожденные от врага партизанами, назывались «партизанскими краями» («районами»), а контролируемые ими — «партизанскими зонами».

К концу 1942 г. советские партизаны очистили от противника свыше 220 тысяч кв. км захваченной им земли, что составляло около 15 процентов оккупированной территории СССР. К лету 1943 г. по ту сторону фронта власть оккупантов практически была ликвидирована на 246 тысячах кв. км. Кроме того, партизаны контролировали еще около 235 тыс. кв. км. Периметр освобожденных районов летом 1942 г. превышал 6 тысяч км, то есть он почти в два раза превосходил протяженность всего Восточного фронта.

Плотность блокады партизанских краев воинскими, полицейскими и другими силами противника была в несколько десятков раз меньше, чем плотность его сил на фронте. Поэтому партизанские отряды и спецформирования довольно легко преодолевали блокадную линию.

Характерно, что партизанские края и зоны удалось создать только в лесисто-болотистых и горно-лесных районах.

Оттеснив партизанские отряды от крупных городов, важных военно-промышленных объектов и стратегических коммуникаций, противник не имел достаточно сил для полного их уничтожения. Чтобы оградить свои тылы от ударов партизан, оккупанты выделяли основные силы и средства на охрану коммуникаций.

Временами они проводили отдельные крупные операции с целью уничтожения партизан в том или другом партизанском крае, но это им, как правило, не удавалось. Партизаны обычно прорывались и в своем большинстве уходили из-под удара. Страдало преимущественно местное население, которое оккупанты подвергали жестоким репрессиям за поддержку партизан.

Удерживать партизанские края противник тоже не мог. У него не хватало сил для этой цели. Как правило, после

того, как каратели «победно» завершали операции и уходили с «трофеями» из леса или с гор, туда вновь возвращались партизаны, и все начиналось сначала.

Наиболее значительными по площади и продолжительности существования в годы Великой Отечественной войны были партизанские края и зоны в Белоруссии, Брянской, Смоленской, Ленинградской и Калининской областях, в Украинском Полесье, в Крыму. Например, территория, контролируемая партизанами Белоруссии, к концу 1943 г. достигла 108 тысяч км, что составляло около 60 процентов площади республики. При этом оккупанты были изгнаны полностью с территории площадью 38 тысяч кв. км. Партизаны занимали свыше 20 районных центров, постоянно удерживали или контролировали тысячи сел и деревень.*

Различие между партизанскими краями и зонами состояло в следующем. В партизанских краях все населенные пункты были свободны от вражеских войск, полицейских формирований и административных органов противника. Функции местного управления осуществляли органы советской власти, население жило по советским законам.

Что касается партизанских зон, то на их территории власть оккупантов была относительной, поскольку здесь партизаны вели активные боевые действия и фактически контролировали положение. Фашисты на этой территории удерживали только отдельные населенные пункты. Власть военной и гражданской администрации носила преимущественно формальный характер, значительная часть населения поддерживала партизан.

---

* Это данные Белорусского ШПД, завышенные, как и все остальные его выкладки, в несколько раз. В подавляющем большинстве деревень и поселков пресловутых партизанских краев, находившихся в самых глухих местах, немцы и союзные им войска в 1941—1942 гг. вообще ни разу не появлялись. А кое-где их не было до конца войны. Соответственно, «освобождение» этих краев от противника такой же миф, как и «разгром штаба немецкого 9-го корпуса» в Угодском заводе. — *Прим. ред.*

Освобожденные и контролируемые районы лишали противника необходимого простора и свободы действий в своем тылу. Он во многих случаях не мог свободно использовать удобные места для размещения оперативных и стратегических резервов, складов с запасами материальных средств, баз снабжения войск фронта. Чтобы сделать это возможным, приходилось вести крупномасштабные наступательные действия против партизан.

Например, в апреле 1943 г. в связи с подготовкой операции «Цитадель» немцы предприняли попытку выбить партизан из брянских лесов. Для этого они использовали одну пехотную дивизию, полк «СС» и карательный батальон, поддерживавшиеся танками, артиллерией и авиацией. В ходе боев, длившихся 18 суток, партизаны вывели из строя (по сводкам партизанского командования) до двух тысяч солдат и офицеров противника, несколько танков, бронемашин, орудий, большое количество автомашин. Но немцам так и не удалось выбить партизан с занимаемой ими территории.

В мае—июне немцы предприняли вторую экспедицию против брянских партизан. На этот раз они сосредоточили для наступления на Брянский партизанский край пять пехотных дивизий регулярных войск, несколько охранных и полицейских частей, при поддержке танков 18-й танковой дивизии и авиации. В ходе боев, длившихся 26 суток, противник потерял (по сводкам партизанского командования) только убитыми около 6000 человек. Но и на этот раз врагу не удалось достичь своей цели и вытеснить партизан из Брянских лесов. Он вынужден был, готовя наступление под Курском, искать другую местность для размещения своих тыловых объектов.

В партизанских краях и зонах под защитой партизан находились сотни тысяч советских граждан, враг не имел возможности получать оттуда продовольствие и рабочую силу. Туда уходили от карателей партизанские отряды из других мест.

Однако лесисто-болотистая местность, помогавшая партизанам надежно укрываться от преследования наземных войск противника и ударов его авиации, свобод-

но передвигаться днем, в то же время способствовала распространению губительной для партизан тактики пассивной обороны. Они не осмеливались уходить от своих баз дальше, чем на 30—50 километров. Установилась практика, что боевые действия ведутся вблизи границ партизанского края.

Более того, многие партизанские формирования подолгу (месяцами) под различными предлогами отсиживались в базовых лагерях, вообще не предпринимая никаких боевых действий в отношении противника. Причины такого поведения чаще всего были не материального, как старались изобразить в своих докладах их командиры, а морально-психологического свойства. Например, в белорусских лесах на Освейщине продолжительное время базировались латвийские партизанские отряды, которые совершенно не стремились к переходу на территорию Латвии.

Далеко не случайно оперативная группа «Митя» — первая группа Д. Медведева, направленная в тыл к немцам в августе 1941 г., получила в октябре радиogramму из Центра с указанием «принять меры к активизации деятельности партизанских отрядов». В феврале 1942 г. в отчете о проделанной работе командир отметил, что за время пребывания в тылу врага была активизирована деятельность 17 партизанских отрядов в Жиздринском, Жуковском, Дубровском, Кретнянском и других районах Орловской области. При этом широко использовались агитационно-пропагандистские формы и другие методы работы.

Среди этих «других» методов известны, в частности, следующие. Там, где партизаны и немцы «мирно» уживались, не беспокоя друг друга, вдруг происходил налет неизвестно откуда взявшегося отряда на немецкий гарнизон или террористический акт с убийством немецкого военнослужащего. В ответ немцы проводили масштабную карательную акцию против местных партизан, волей-неволей заставляя их действовать, сжигали «провинившуюся» деревню. Население начинало ненавидеть

оккупантов. Партизанские отряды пополнялись людьми, возрастала их активность.

И это еще не все. Отряды, базировавшиеся в партизанских краях, вынуждены были добывать себе продовольствие конфискацией его у местного населения и без того страдавшего от недостатка продуктов. Боеприпасы и оружие они, как правило, просили у «Большой земли». В случае карательных экспедиций противника такие отряды без сопротивления оставляли занимаемые ими населенные пункты, где зондеркоманды и прочие тыловые крысы чинили зверскую расправу над беззащитным населением. Напротив, рейдовые отряды, оставаясь неуловимыми, не навлекали карателей на мирное население.

Германское военное командование принимало определенные меры для ликвидации партизанских сил в краях и зонах. Карательные операции они, как правило, начинали с окружения партизан плотным кольцом блокады, после чего бросали против них войска. В зависимости от обстановки партизаны либо упорно удерживали обороняемые районы, либо прорывали блокаду, выходили из окружения, а затем вновь возвращались в свои районы.

Если периметр обороняемых районов был невелик, то вокруг них создавался сплошной оборонительный рубеж. Если же приходилось защищать от врага обширные районы, то партизаны организовывали оборону только на важнейших направлениях. Непосредственная оборона намеченных рубежей нередко осуществлялась малыми силами. Главные силы и средства использовались в таких случаях для нанесения ударов по флангам и тылу противника, а также для воздействия на его коммуникации.

Оборонительными действиями против крупных карательных сил противника часто руководили штабы партизанского движения, базировавшиеся на «Большой Земле». Они посылали в партизанские края своих представителей и оперативные группы, которые на месте возглавляли борьбу партизан с карателями. Так, когда в мае 1943 г. крупная группировка противника (40 тысяч человек) начала операцию против партизан в Брянских лесах, в тыл врага вылетел заместитель начальника

штаба партизанского движения Центрального фронта А.П. Горшков. Он с группой партизанских командиров на месте руководил обороной партизанского края.

В качестве примера, иллюстрирующего характер и способы борьбы партизан против карательных экспедиций противника, можно привести действия партизан Ушачско-Полоцкого партизанского края в 1944 г.

18 января 1944 г. немцы двумя дивизиями, пятью отдельными полками и четырьмя батальонами, при поддержке танков, артиллерии и авиации, начали наступление. В самом начале наступления врага партизаны сами нанесли удар по его объектам. Они разгромили 17 гарнизонов противника за пределами периметра окружения и провели два массовых налета на железную дорогу Полоцк-Молодечно, взорвав 7 мостов и свыше трех тысяч рельсов.

Противник не ожидал такого удара и был вынужден приостановить наступление на партизанский край. Большую часть карательной группировки пришлось перебросить для усиления охраны своих коммуникаций. В апреле противник возобновил наступление, сосредоточив для этой цели шесть дивизий регулярных войск, большое количество полицейских частей и подразделений. Действия этой группировки, насчитывавшей около 60 тысяч человек, поддерживали 137 танков, 235 орудий и десятки самолетов.

Партизанский край защищали 16 бригад общей численностью 17 тысяч человек. Партизаны заняли круговую оборону протяженностью 230 км. В этом пространстве находилось около 1220 маленьких деревень с 80 тысячами жителей (в среднем, по 65 человек в каждой). Общее руководство партизанскими силами края осуществляли оперативные группы ЦК компартии Белоруссии и Белорусского штаба партизанского движения.

Они мобилизовали партизан и местное население на строительство оборонительных сооружений в наиболее вероятных направлениях наступления противника.

11 апреля немцы, закончив блокирование партизанского края, перешли в наступление. 25 суток днем и

ночью шли ожесточенные бои. По указанию Белорусского ШПД, отряды соседних Бегомльской и Вилейской партизанских зон ударили по тылам вражеской группировки. Десятки советских самолетов доставляли партизанам вооружение и боеприпасы, эвакуировали раненых и больных. Истребители предотвращали налеты германских бомбардировщиков на оборонительные позиции партизан. Более 200 самолетов неоднократно бомбили скопления вражеских войск.

Все же противнику удалось продвинуться вперед. Но по приказу командования в ночь на 4 мая партизаны пошли на прорыв. Они понесли значительные потери, однако все 16 бригад вышли из кольца окружения.

* * *

Известны также края и зоны иного рода. В годы войны в ряде оккупированных регионов страны возникло «автономное партизанское движение». Например, осенью 1942 г. в лесах и болотах Владимирской области действовали вооруженные группы так называемых «торфянников», ликвидированные силами милиции и НКВД только к концу войны. Вдоль советско-германского фронта возникли несколько «свободных» партизанских зон, крупнейшей из которых стал Брянский Локоть, просуществовавший около двух лет. В этой зоне не было ни германских, ни советских войск. На территории с численностью населения почти миллион человек были созданы органы власти без коммунистов и даже вооруженные силы — 20-тысячная Русская национальная народная армия.

Подобные зоны возникли также под Псковом, Полоцком, на Северном Кавказе. Например, в 1937 году в Чечне возобновилось антисоветское партизанское движение, а к лету 1940 года там возник обширный «освобожденный район» со своим правительством и боевыми формированиями.

Детального рассмотрения заслуживает зарождение и развитие в годы войны широкого повстанческого движения в прибалтийских республиках и в Западной Украине,

которое после 1945 года превратилось в существовавший несколько лет самостоятельный фронт вооруженной борьбы. Эти силы ставили перед собой цель добиться активным затяжным сопротивлением советской власти восстановления довоенного статус-кво. На Украине, например, они боролись как с советскими партизанами в тылу у немецких войск, так и с оккупационными силами немцев.*

Кстати говоря, подобные факты свидетельствуют, что у Сталина и его окружения были основания для того, чтобы рассматривать партизанскую борьбу не только как помощь РККА в борьбе с германской военной машиной, но и как определенную угрозу для себя.

Операция «Багратион»

В приказе наркома обороны от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения» подчеркивалось, что разгром немецко-фашистских армий «может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями Красной Армии на фронте и непрерывными ударами партизан по врагу с тыла.

Основная идея приказа заключалась в улучшении координации действий партизан и войск. Отныне Верховный Главнокомандующий ставил задачи в своих приказах не только армии, но и партизанам. Планы действий партизан стали увязываться с действиями войск фронтов. Начиная с 1943 г. они разрабатывались партизанскими штабами и их представителями при военных советах фронтов (Курская битва, Смоленская наступательная операция и другие).

Операция «Багратион» (Белорусская операция) общепризнанно считается образцом крупномасштабного взаимодействия партизан с частями армии. В ней впервые в

---

* См., например, книгу С.Н. Ткаченко, изданную в Минске в 2000 году и посвященную борьбе народа Западной Украины за независимость. Она называется «Повстанческая армия: Тактика борьбы». — *Прим. ред.*

истории войн в широком масштабе удары с фронта сочелались с ударами партизан в тылу врага.

Оборона противника была хорошо организованной, заранее подготовленной, глубоко эшелонированной. Сильно развитая в инженерном отношении, она состояла из нескольких рубежей и простиралась в глубину на 250—270 км. Группировка немецких войск насчитывала 1200 тысяч человек, 9500 орудий, 900 танков, 1350 боевых самолетов.

Ставка ВГК планировала разгромить ее в короткие сроки. Для этого требовалось достичь высоких темпов наступления, что было трудно сделать в условиях лесисто-болотистой местности. Возникла острая необходимость в том, чтобы партизаны захватывали и удерживали до подхода советских войск мосты, переправы, броды на водных преградах в полосах наступления фронтов и армий.

По данным современных исследователей, на территории БССР к тому времени действовали 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью свыше 143 тысяч человек.*

При подготовке операции «Багратион» и в ходе ее партизаны оказали большую помощь командованию Красной Армии в добывании сведений об обороне противника, о силах и средствах немецкой группы армий «Центр», ее резервах. В ходе подготовки операции «Багратион» партизаны сообщили командованию Красной Армии данные о расположении 33 немецких штабов, 30 аэродромов, 70 крупных складов, о составе 900 гарнизонов и 240 полевых частей, о направлении движения и характере перевозимых грузов 1642 эшелонов противника.

---

* По данным ЦШПД, «к началу летнего наступления 1944 г. на территории Белоруссии действовали 272490 партизан, объединенных в 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов, имевших подготовленный резерв в 250 тысяч человек. Столь крупное расхождение в цифрах еще раз доказывает, что центральный штаб и лично товарищ Пономаренко питали неисправимую склонность к преувеличениям. Разумеется, в свою пользу. — *Прим. ред.*

Связь армейского командования с партизанами в основном обеспечивали его специальные представители при штабах партизанских формирований, обеспеченные радиостанциями и квалифицированными военными радистами (к партизанам срочно были заброшены 196 радистов).

Использовались и такие способы обеспечения взаимодействия регулярных войск с партизанскими формированиями как совмещение командных пунктов армейского и партизанского руководства; курсирование самолетов с делегатами связи между штабами партизанских формирований и армейских соединений; встреча и сопровождение передовых частей армии партизанскими разведчиками; наведение авиации на цель сигналами с земли, а также некоторые другие.

Что касается высших органов управления, то при Военных советах фронтов были созданы представительства Белорусского ШПД — Оперативные группы, а при подпольных обкомах партии — военно-оперативные отделы. В ходе операции выяснилось, что всего этого было недостаточно. Для поддержания тесного взаимодействия требовалось, чтобы боевые действия партизан включались в общий план боевых операций наступающих фронтов, армий, корпусов, дивизий. Нужна была не только регулярная связь, но и взаимная договоренность о совместных ударах по врагу с фронта и с тыла.

К сожалению, многие армейские командиры недооценивали боевые возможности партизанских формирований, пренебрегали вопросами организации взаимодействия с ними, не оказывали своевременной помощи им своими силами и средствами. Между тем, германское командование стремилось использовать затишье на фронте для очистки своих тылов от партизан до начала активных боевых действий. Так, весной 1944 г. немцы предприняли крупную операцию по ликвидации партизан в Полоцко-Лепельской зоне. Только спешно предпринятые частные наступательные действия стрелковых соединений по приказу командующего 1-м Прибалтийским фронтом и

удары бомбардировочной авиации по скоплениям фашистских войск спасли партизан от полного истребления.

* * *

В группировку советских войск, участвовавших в операции «Багратион», входили четыре фронта: 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й, 1-й Белорусские. Это 20 общевойсковых, 2 танковых и 5 воздушных армий. В полосе 1-го Прибалтийского фронта действовали 51 партизанская бригада и 6 самостоятельных отрядов (всего 41 тысяча человек). В полосе действий 3-го и 2-го Белорусского фронтов действовали 18 партизанских бригад и особый партизанский полк С.В. Гришина. Наиболее компактная группировка партизанских сил была в Северном Полесье, в полосе действий 1-го Белорусского фронта — 39 партизанских бригад и 155 партизанских отрядов (общая численность 28440 человек).

Партизаны занимали очень удобное положение для нападения на тыловые коммуникации германских войск. Детально зная местную обстановку, они могли выводить советские войска во фланги и тылы войск противника, захватывать и удерживать переправы, оказывать поддержку в освобождении населенных пунктов, вести разведку, решать другие задачи. К концу мая 1944 г. БШПД разработал план действий партизанских формирований в период наступления советских войск в Белоруссии и план нанесения массированного удара по вражеским железнодорожным коммуникациям. Реализация последнего началась за три дня до начала наступления Красной Армии.

Накануне наступления Красной Армии, в ночь на 20 июля 1944 г., почти все партизанские бригады и отдельные партизанские отряды на территории Белоруссии одновременно провели массовые диверсии: разрушение железнодорожных путей и мостов на важных направлениях в тылу группы армий «Центр». За одну ночь было подорвано 40 тысяч рельсов. Полностью прекратилось движение поездов на участках Орша—Борисов, Орша—Мо-

гилев, Молодечно—Полоцк, Молодечно-Лида, Минск-Барановичи, Барановичи-Осиповичи, Барановичи-Лунинец, Крулевщизна-Воропаево-Вильнюс и некоторых других. Рокадная железная дорога больше не действовала вплоть до захвата ее советскими войсками.

В этот раз были осуществлены меры по материальному обеспечению операции. Так, в полосе 1-го Прибалтийского фронта партизанским бригадам была заброшена 81 тонна боевых грузов, в т.ч. 17 тонн взрывчатки. Это позволило партизанам мощным одновременным ударом вывести из строя и уничтожить 15632 рельса. Уже в ходе наступления дополнительно были перебиты еще 9779 рельсов, взорваны 8 железнодорожных мостов, выкопаны 3500 шпал, спилены 137 телеграфных столбов, спущены под откос 15 вражеских эшелонов. В итоге проведенного удара часть железнодорожных коммуникаций была полностью выведена из строя, пропускная способность остальных сократилась в три раза.

Партизаны выполнили свое задание — сорвали перевозку войск противника, техники и грузов железнодорожным транспортом, не допустили переброску его резервов и маневрирование ими в нужных ему направлениях. Аналогичная картина складывалась в полосе действий других фронтов.

Начальник транспортного управления немецкой группы армий «Центр» впоследствии писал, что молниеносно проведенная в ту ночь крупная операция партизанских отрядов вызвала полную остановку железнодорожного движения на всех важных коммуникациях, ведущих к районам прорыва. Партизаны путем разумного распределения своих сил и в тесном взаимодействии с Красной Армией не допустили, чтобы наступление последней было остановлено благодаря подвозу по железной дороге резервных немецких частей.

Зарубежные историки отмечали, что «еще до того, как Красная Армия начала наступление в Белоруссии, боеспособность немцев на фронте была значительно ослаблена действиями партизан в тылу. В ночь на 20 июня партизаны совершили более 10 тысяч рейдов, перерезав

все линии связи и снабжения немецкой армии и парализовав тем самым деятельность немецкого командования в самый ответственный момент».

В ходе общего наступления, начавшегося 23 июля 1944 г., партизаны продолжали совершать диверсии и одновременно отвлекали на себя значительные силы германских войск. Только партизаны Бегомльско-Борисовской зоны в полосе 3-го Белорусского фронта отвлекли на себя 80-тысячную группировку, тем самым оказав существенную помощь войскам фронта в прорыве вражеской обороны.

Для второго этапа операции были характерны действия партизан по захвату и удержанию населенных пунктов, находившихся в глубине обороны противника. В результате войска противника дробились на мелкие группы и не могли оказать сопротивление на промежуточных рубежах.

Операция «Багратион» привела к полному разгрому группы армий «Центр», что стало не меньшей катастрофой для немцев, чем поражение под Сталинградом. Бывший генерал вермахта Лотар Рендулич признал после войны, что «история войн не знала ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую большую роль, какую оно сыграло в сражениях за Белоруссию в последней мировой войне. Взаимодействие партизан с частями Советской Армии представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве».

Действия белорусских партизан в операции «Багратион» убедительно доказали, что сохранить превосходство над противником или же создать выгодное соотношение сил и средств можно не только разгромом его наступающих частей, но и изоляцией их от тыла, прекращением подвоза свежих резервов, т.е. борьбой на коммуникациях.

Опыт Белорусской операции показал также, что для успешных согласованных действий регулярных войск и партизанских формирований оказалось недостаточным установление связи между командованием армий и оперативными группами БШПД. Помимо нее, связь должна

поддерживаться между партизанами и войсками первого эшелона, между партизанами и войсками второго эшелона (при вводе последних в сражение).

Морально-психологический ущерб противнику

Воздействие партизан на моральное состояние вражеских войск было весьма велико. Как отмечают английские военные исследователи Ч. Диксон и О. Гейльбрунн, «ущерб, нанесенный немецкой армии партизанской войной, нельзя определить только числом убитых и раненых, количеством уничтоженных орудий и складов. К этому еще надо прибавить потерю немецкой армией боеспособности и ударной мощи, значение которой трудно оценить в цифрах. Главное состоит в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где каждый гражданин мог оказаться партизаном и каждый необычный шум — сигналом начала партизанской атаки».

Этот вывод подтверждает известный немецкий генерал-танкист Гейнц Гудериан, который признал, что «по мере того, как война принимала затяжной характер... партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».

УРОКИ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

(Вместо заключения)

Накануне Великой Отечественной войны военно-политическое руководство СССР оказалось слабо подготовленным к развертыванию партизанской борьбы, несмотря на громадный предшествующий теоретический и практический опыт. Борьбу советских людей в тылу врага пришлось организовывать уже в ходе развернувшихся боевых действий ценой огромных потерь и материальных затрат.

Одной из причин недооценки партизанского движения как важного средств борьбы с противником явилась наступательная военная доктрина. Среди руководства страны господствовало мнение, что «если империалисты развяжут против Советского Союза войну, то она будет проходить только на вражеской территории». Поэтому военная доктрина не предусматривала блокаду коммуникаций между войсками противника на фронте и тыловыми источниками их снабжения путем партизанских действий.

Другой причиной недооценки партизанской борьбы была распространенная в руководящих кругах страны точка зрения, что в условиях войны больших армий, с массовым применением танков и авиации, партизанские действия вообще не могут сколько-нибудь серьезно влиять на общий ход военных действий.

В результате войска Красной Армии, оказавшиеся в тылу противника в силу сложившейся обстановки и не имевшие возможности выйти из окружения, не переходили к партизанским действиям, а в основном распались и попадали в плен.

Организацию партизанской борьбы в тылу оккупантов пришлось начинать при отсутствии нужного количества хорошо подготовленных кадров и без плана ее развертывания и ведения.

Отсутствие заблаговременно подготовленных партизанских сил, неумение войск воевать партизанскими методами, привели к тому, что противник почти без помех восстанавливал разрушенные железные и автомобильные дороги, обеспечивал свои фронтовые части всем необходимым, несмотря на сильно растянутые коммуникации, проходившие по районам, благоприятным для действий партизан.

В первые месяцы войны последовало поспешное создание многочисленных партизанских формирований, члены которых горели желанием громить захватчиков, но не имели для этого ни знаний, ни опыта, ни вооружения, ни технических средств. Данные формирования были лишены радиосвязи с «Большой землей», отсутствовало снабжение их боеприпасами, минно-подрывными и другими средствами из тыла страны. В тактике партизан преобладали приемы времен гражданской войны, тогда как новые условия требовали новых способов боевых действий.

Серьезный ущерб партизанской борьбе нанесло отсутствие системы оперативно-стратегического руководства партизанскими силами, ошибки и некомпетентность руководства в определении тактики, в решении проблем организации, подготовки, материально-технического снабжения. Фактически партизанская борьба в первый год войны была неуправляемой.

В силу этих и других причин партизанское движение не набрало должной силы и практически захлебнулось к середине 1942 года. Вместе с тем очевидно, что именно первые, в спешке сформированные спецгруппы и партизанские отряды, направленные в тыл врага (или оставленные на оккупированной территории при отступлении войск), послужили детонатором партизанского движения. В дальнейшем массовый рост партизанских сил происходил за счет попавших в окружение и потерявших управление армейских формирований.

Создание хоть и несовершенного, но централизованного руководства дало партизанам ценную помощь двоякого рода: связь и снабжение. По приказу командова-

ния авиация доставляла отрядам во вражеском тылу специалистов, оружие, боеприпасы, технические средства. Особенно интенсивно это происходило с 1943 г. Первостепенное значение имело оснащение партизан переносными рациями, позволявшими им поддерживать регулярную связь с другими отрядами и с тыловыми штабами.

Благодаря этим и другим мерам, сочетавшимся с мощным моральным воздействием победы под Сталинградом, вооруженная борьба во вражеском тылу совершила качественный скачок как в смысле массовости, так и с точки зрения ее оперативного эффекта. Эта борьба стала перерастать в народную войну, которая стала одной из самых характерных черт всей второй мировой войны.

С 1943 г. по ту сторону фронта под командованием Центрального штаба сражались более 250 тысяч вооруженных партизан (из них около 143 тысяч в Белоруссии). О том, что наибольший размах партизанское движение обрело именно в 1943 г. говорят следующие данные: в партизанские формирования Белоруссии вступили в 1943 г. 60,6% партизан, в 1944 г. — 13,4%, соответственно в 1941-1942 гг. — 26 процентов.

Главным видом партизанской деятельности в годы войны оказались диверсии на железнодорожных и шоссейных путях. В конечном итоге (в ходе операции по освобождению Белоруссии летом 1944 г.) значение таких диверсий вышло за рамки тактического и приобрело оперативное значение.

Их эффективность можно сравнить с эффективностью налетов бомбардировочной авиации при значительно меньших потерях и с большой экономией взрывчатых веществ. По подсчетам, проведенным на основе документов противника, перерывы в движении на железнодорожных направлениях и перегонах составили в общей сложности около 6000 суток. При этом наиболее эффективным способом партизанских действий были крушения поездов, на долю которых приходится 66% всех перерывов в движении поездов.

Эти и другие данные позволяют утверждать, что действия по нарушению оперативных и снабженческих пе-

ревозок в тылу войск противника фактически являлись одной из главных задач партизанских сил. Отряды и группы спецназначения во взаимодействии с партизанскими отрядами нарушали работу тыла и управление войсками противника в значительных масштабах. Например, в результате безвозвратного вывода партизанами из строя 2400 паровозов противник не смог переправить на фронт и обратно десятки тысяч эшелонов.

Партизанские силы не могли сдерживать продвижение фашистских войск по территории СССР, но они отвлекали на себя все возрастающее количество охранных частей, обеспечивавших безопасность вражеских коммуникаций, линий связи и органов управления.

* * *

Осмысление объективной картины организации партизанской борьбы позволило выявить возникавшие при этом узловые проблемы, методы их решения, причины просчетов и их последствия, сформулировать основные уроки партизанской борьбы. Они следующие.

Главную роль в организации партизанской борьбы и создании партизанских сил на оккупированной территории в период с начала войны до создания Центрального штаба партизанского движения сыграли органы госбезопасности, внутренних дел, армейские разведорганы (иными словами — войсковые структуры). В силу своей специфики они оказались способными придать этой деятельности целенаправленный характер и централизацию.

Создание партизанских формирований происходило по территориальному признаку. К нему приступили лишь после начала войны, в экстремальных условиях. Отсутствие подготовительной фазы партизанской борьбы, ставка на кратковременность партизанских действий в ближайшем прифронтовом тылу противника, насыщенном войсками, обусловили низкую жизнедеятельность партизанских формирований. Это привело к тому, что в первый год войны подавляющее их большинство (90—95%) прекратило свое существование вскоре после создания.

Вместе с тем, выжившие партизанские формирования, возглавлявшиеся преимущественно сотрудниками органов госбезопасности и внутренних дел, либо военнослужащими, послужили в дальнейшем базой для развертывания партизанской борьбы в широком масштабе. Так был пройден упущенный из-за репрессий конца 30-х годов подготовительный цикл.

Сами же репрессии явились следствием господства в конце 30-х годов наступательной военной доктрины, а также опасения развертывания партизанской борьбы в своем собственном государстве. То и другое, вместе взятое, привело к уничтожению подготовленных партизанских кадров и к свертыванию широкомасштабной подготовки к партизанской борьбе, предпринимавшейся на случай отражения вражеской агрессии. Определенную роль сыграло также непонимание партийно-политическим руководством государства чисто военных возможностей партизанской войны в длительной борьбе с сильным противником

Компартия в первый год войны вела по примеру гражданской войны линию на монополизацию руководства партизанской борьбой. Это стремление получило практическую реализацию с выводом партизанских сил из под руководства НКВД и созданием координационного, политического и организационного центра — Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

Однако создание ЦШПД, республиканских, краевых, областных штабов преимущественно как политических органов руководства (вместо функционально войсковых органов) породило многоступенчатость в управлении партизанскими силами, параллелизм в работе, затруднило целенаправленное использование партизанских сил в интересах армейского командования. Следует иметь в виду и то, что ЦШПД как центральный орган руководства просуществовал (с месячным перерывом) всего полтора года. Созданный на одиннадцатый месяц войны, он был ликвидирован за семнадцать месяцев до ее окончания. А централизованное военное руководство в лице

своего главнокомандующего партизанские силы имели только два месяца за всю войну.

Грубейшими ошибками директив и указаний, продиктованными непрофессионализмом, следует считать:

- попытку возложить руководство партизанскими силами на подпольные партийные органы;
- установку на снабжение партизанских формирований оружием и боеприпасами исключительно за счет трофеев, захваченных у противника;
- подбор командных кадров партизанских формирований в первую очередь по партийному признаку в ущерб профессионализму;
- нацеливание партизанских формирований, вооруженных преимущественно стрелковым оружием, на прямое противоборство с регулярными частями и подразделениями противника.

В течение всей Отечественной войны партизанские формирования испытывали острую нехватку военных специалистов, взрывчатки, минно-подрывной техники. Данное обстоятельство, в сочетании с просчетами в организации крупных диверсионных операций, объясняет сравнительно невысокую результативность чисто военных усилий партизан.

Наиболее успешно в интересах армейского командования действовали те партизанские формирования, во главе которых находились (или ядро которых составляли) военнослужащие, т.е. профессионалы. Между тем, сотни тысяч военнослужащих, оказавшихся в тылу врага, не имея соответствующей установки и не обученные партизанским действиям, в течение многих месяцев безуспешно пытались прорваться через линию фронта к своим войскам. Основная их масса попала в плен и лишь десятая часть вынужденно вступила на путь партизанской борьбы.

Эти и другие просчеты политического и организационного плана повлекли за собой огромные неоправданные потери личного состава партизанских формирований и местного населения, оказывавшего помощь партизанам. До конца войны они так и не позволили партизан-

скому движению полностью раскрыть свои потенциальные возможности.

Все же, несмотря на многочисленные ошибки, партизанские действия не были безуспешными.

Внезапность нападения партизан вызывала постоянное напряжение и утомление оккупационных войск. Неизбежным было отвлечение достаточно крупных сил противника для контрпартизанских действий, также как и систематические потери в постоянных стычках с партизанами. Нарушение коммуникаций, связи и управления войсками противника, ведение разведки в интересах армии — это несомненная и весомая помощь партизан фронту.

Наиболее эффективным видом воздействия на противника оказалось не военное, а морально-психологическое. Самый же большой успех партизанской борьбы, это препятствование использованию противником экономики оккупированных территорий и отвлечение его войск для охраны коммуникаций.

* * *

Можно выделить четыре периода организации партизанской борьбы в годы Отечественной войны.

Первый период длился от начала войны до момента создания Центрального штаба партизанского движения 30 мая 1942 г. Это период становления партизанской борьбы. Компартия в этот промежуток времени осуществляла в основном политическое руководство партизанами. Оперативное планирование боевой деятельности партизан отсутствовало. Основная роль в организации партизанских формирований принадлежала органам НКГБ-НКВД. Существенной особенностью данного периода было то, что важным резервом для развития партизанского движения явились десятки тысяч командиров и бойцов Красной Армии, оказавшиеся во вражеском тылу в силу вынужденных обстоятельств.

Второй период (с 30 мая 1942 г. по март 1943 г.) характеризуется переключением партийных органов с

политического на непосредственное руководство партизанской борьбой. Наркомат внутренних дел и разведорганы РККА передали партизанские формирования республиканским и областным штабам партизанского движения. Программной политической установкой стал лозунг о превращении партизанского движения во всенародную войну с оккупантами. Был создан резерв партизанских сил.

Третий период (с апреля 1943 г. по январь 1944 г., т.е. до момента ликвидации Центрального штаба партизанского движения). Партизанское движение становится управляемым. Принимаются меры по координации действий партизанских формирований с войсками Красной Армии. Военное командование планирует партизанскую борьбу в полосах фронтов. Активно организуется партизанская борьба в городах.

Четвертый период (с января 1944 г. до конца войны) характеризуется преждевременной ликвидацией органов руководства партизанским движением, свертыванием военно-технического и материального обеспечения партизанских сил. В это же время партизанские формирования перешли к непосредственному взаимодействию с советскими войсками, участвовали в изгнании фашистских войск с советской территории, оказывали помощь силам Сопротивления в странах Восточной Европы.

* * *

Позитивный и негативный исторический опыт позволяет сформулировать основные принципы организации и осуществления партизанской борьбы в оборонительной войне.

Прежде всего, это общее соответствие партизанской борьбы политическим и военно-стратегическим целям и задачам войны. Необходимо также ее соответствие конкретным целям и задачам боевых действий войск на фронте. Она должна направляться на оказание помощи своей армии, в первую очередь за счет нарушения работы тыла противника.

Обязательно требуется заблаговременная подготовка войсковых и невойсковых контингентов к развертыванию партизанской борьбы в военное время. Необходимо единое военно-политическое руководство и централизованное материальное обеспечение партизан. При создании партизанских формирований следует учитывать национальные, социально-политические и религиозные особенности населения районов (регионов), в том числе по отношению к действиям партизан.

В числе важных факторов партизанской борьбы необходимо отметить следующие:

- возможность развертывания партизанской борьбы в решающей мере зависит от морального духа, патриотического потенциала общества, степени подготовленности армии и народа к вооруженным действиям партизанскими методами;
- эффективность боевой деятельности партизан всецело определяется централизацией управления партизанскими силами, умелой организацией их взаимодействия с армией, поддержкой народа;
- партизанская борьба охотно приемлет самые современные технические средства, применение которых в значительной степени повышает эффективность партизанских действий;
- ядро местных партизанских формирований должны составлять специально подготовленные военнослужащие.

Партизанской войне присущи свои особенности

Партизанские силы ведут борьбу на территории, контролируемой противником, самостоятельно или одновременно с боевыми действиями регулярной армии и в ее интересах. Партизанские силы, применяя специфические формы и способы действий, в условиях затянувшейся широкомасштабной или локальной войны, способны нанести значительный ущерб противнику, подорвать его политический, экономический, военный, морально-психологический потенциал, оказать существенное влияние на ход вооруженной борьбы, склонить ее исход в свою пользу.

В состав партизанских сил, кроме иррегулярных партизанских формирований, входят специальные формирования, а также подразделения из состава регулярных войск, сформированные с началом войны на принципах добровольности для действий в тылу врага.

Подготовительная работа, обеспечение и координация действий партизанских сил в интересах регулярной армии осуществляет государственный военно-политический центр по организации и развертыванию партизанской борьбы, который имеет в своем составе центральный (объединенный) штаб партизанских сил, дислоцирующийся в тылу своей армии.

Опыт минувших войн, в том числе Великой Отечественной войны показал, что партизанская борьба не возникает в одночасье. Ей необходимо организующее начало и время для вызревания. Даже при соответствующей интенсивной подготовительной работе этот процесс невозможно ускорить.

Партизанская борьба как социальный процесс должна проходить закономерные стадии в своем развитии

Стадия первая. Она протекает в соответствии с военно-политической доктриной государства. Идея партизанской борьбы культивируется в армии и народе с целью заблаговременной подготовки к войне. Закладываются соответствующие ячейки для организации партизанской борьбы и развертывания партизанского движения.

Стадия вторая. С началом войны активно осуществляется диверсионно-разведывательная деятельность войсковых и специальных формирований и организаторских групп. Диверсии стимулируют повстанчество и создание вневойсковых формирований, которые, в свою очередь, иницируют диверсии.

Стадия третья. Осуществление тесного взаимодействия войсковых и невойсковых партизанских формирований, переход к плановым партизанским действиям, к

регулярности партизанских операций. Некоторые разведывательно-диверсионные войсковые формирования преобразуются в партизанские. Выявляются стихийно возникшие партизанские формирования, они подчиняются центру.

Стадия четвертая. Широкомасштабные партизанские действия полностью подчинены интересам регулярной армии. Партизанская борьба протекает за счет государства. Повстанчество приобретает общий характер с партизанством войскового типа. Партизанские операции подчинены армейским действиям. Ширится создание партизанских зон и краев.

Именно такими были общие тенденции развития партизанского движения и партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны.

Общая концепция партизанской борьбы выглядит следующим образом:

Базой ее должны являться государственные военно-политические, военно-стратегические и правовые основы, предусматривающие целесообразность, необходимость и возможность подготовки к развертыванию партизанской борьбы в случае отражения агрессии противника. Партизанская борьба должна быть составной частью военной стратегии государства и концепции обеспечения его национальной безопасности, составной частью политики страны по проблемам военного строительства.

В этой связи весьма важен факт признания сражающимися сторонами партизанских сил де-юре и де-факто. В противном случае в будущей войне неминуемы их слабость, неэффективность партизанских действий, многочисленные жертвы среди гражданского населения, вырождение партизанской борьбы в партизанщину и бандитизм, т.е. ее фактическое отрицание.

В современных условиях военной реформы в России, перехода к профессиональной армии, расчет на партизанские силы как на оперативно-стратегический фактор является одним из путей сокращения расходов на содержание армии при сохранении на должном уровне обороноспособности страны.

Пять с половиной десятилетий, прошедших после второй мировой войны, наглядно свидетельствуют о том, что неизменным компонентом военных конфликтов в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке, в ходе национально-освободительных, гражданских и локальных войн была и остается партизанская война. И сегодня, вызываемая к жизни объективными и субъективными факторами, она выступает как средство разрешения противоречий в национально-территориальных конфликтах.

Развивающийся в мире экономический кризис, глобальные сырьевые, продовольственные и экологические проблемы, бум перенаселения в Азии, внутренние вооруженные конфликты на национальной и религиозной основе, экспансия терроризма — все это таит в себе вероятность возникновения новых межрегиональных, региональных и локальных войн. В них обязательно примут участие не только армии воюющих сторон, но и народы, что неизбежно выведет на сцену партизанскую войну. Совершенствование вооружений на основе научно-технического прогресса не только не исключает эту форму вооруженной борьбы, но наоборот поднимает ее на новый, более качественный уровень.

Исходя из принципа разумной и надежной достаточности, политическое и военное руководство России обязано сделать все необходимое для поддержания ее оборонной мощи на уровне, исключающем военное превосходство различных военных блоков. Это прежде всего должно выражаться в постоянной готовности народов России и дружественных государств СНГ дать достойный отпор любому агрессору, используя все формы вооруженной борьбы, включая партизанскую борьбу.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

И.Г. Старинов

ВТОРОЙ ФРОНТ

Значение партизанской борьбы в Великой Отечественной войне исключительно велико. Я много лет и сил посвятил этому делу и, несмотря на то, что недавно отметил столетний юбилей (3 августа 2000 г.), находясь сейчас в здравом уме и доброй памяти, не могу стоять в стороне от всех событий, происходящих в нашей стране.*

А это в первую очередь забота о безопасности государства.

Но прежде, чем посмотреть вперед, всегда следует оглянуться назад, в историю. Недаром еще великий наш предок Александр Васильевич Суворов говорил, что без светоча истории — тактика потемки. А в книге, которую Вы, читатель, держите в руках и которая служит восстановлению истории партизанской борьбы, идет речь уже не только о тактике, но и стратегии. При том, что в практике партизанской борьбы сделано столько ошибок, что без откровенного честного разговора не обойтись, если мы хотим владеть этим надежным и традиционным для россиян оружием, которым был бит не один чужеземец.

При организации партизанской борьбы тогда, в начале войны, важно было помнить положение, сформулиро-

---

* Илья Григорьевич Старинов скончался в ноябре 2000 года на 101-м году жизни. В момент написания данной статьи он был полковник в отставке, кандидат технических наук, профессор, кавалер одиннадцати орденов, в том числе двух орденов Ленина и пяти орденов Красного Знамени, участник четырех войн (Гражданской в России, Гражданской в Испании, Советско-Финской и Великой Отечественной), признанный наставник тысяч партизан, минеров и диверсантов. — *Прим. ред.*

ванное В.И. Лениным, о том, что партизанская борьба не месть народа, а военные действия со всеми вытекающими отсюда для ее организаторов последствиями. А об этом как раз и забыли. А еще забыли указания Михаила Васильевича Фрунзе о том, что войска, подготовленные к партизанским действиям, могут победить более сильного противника. Но для этого необходима заблаговременная подготовка кадров и разработка Генеральным штабом планов по организации партизанских действий. С заблаговременной подготовкой ничего не получилось. Я писал в своих книгах как это было на самом деле, как все, что подготовили перед войной, сами же разрушили.

Выступивший 3 июля 1941 г. с обращением к народу, Сталин призвал к организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника и ставил им задачи, в том числе и такую, как поджог лесов. Если бы кто другой сказал об этом партизанам, его бы признали провокатором. Между тем Сталин требовал уничтожать при отходе наших войск все запасы продовольствия, которые не могут быть вывезены, вместо того, чтобы раздать его населению.

Сталин не призывал войска, оказавшиеся в тылу противника и не имевшие возможности пробиться к своим, переходить к партизанским действиям. В результате в первые три месяца войны попало в плен и пропало без вести свыше двух миллионов воинов Красной Армии. И это на местности, где были все условия для ведения партизанской войны! Именно эти войска, оказавшиеся в тылу противника, явились бы по существу вторым фронтом еще в 1941 г. Имея в своем распоряжении все виды вооружения и боевой техники, запасы боеприпасов, окруженцы сразу бы переходили к активным партизанским действиям. Но этого не произошло.

Сейчас стали писать разные книги о белорусских, украинских партизанах в Великой Отечественной войне отдельно, а о российских — отдельно. Отрывать российских партизан от белорусских и украинских неправильно. В этом плане данная книга лишена этого недостатка.

Возьмите такое легендарное партизанское формирование как, например, Григория Линькова. Ведь он россиянин. Был неудачно выброшен в Белоруссию. Несмотря на это, смог связаться с Центром, получил материальную поддержку, радиостанцию и взрывчатку, получил и начал организовывать партизанские формирования. Сформировал четыре партизанских бригады. Среди них бригада наиболее отличившегося Героя Советского Союза Антона Бринского. Он сам горьковчанин, бывший политрук. Его батальон, попавший в окружение, перешел к партизанским методам борьбы в Минской области, совершил рейд на Украину. Линьков рассказывал как Бринский к нему попал. И таких примеров сотни.

Очень высоко оцениваю деятельность Артура Карловича Спрогиса. Очень деятельный, активный организатор партизанской борьбы в Подмоскowie, в Белоруссии и в Латвии. Немногие знают о партизанской школе Спрогиса, созданной при разведотделе штаба Западного фронта — войсковая часть 9903. О ней идет рассказ в этой книге. Только среди его воспитанников было три Героя Советского Союза. В их числе Зоя Космодемьянская.

Воспитанником Спрогиса является и Константин Заслонов. Будучи хорошо подготовленным к диверсионной деятельности, он был переброшен в Оршу. Втерся к доверие к немцам. Они доверили ему депо. А он в этом депо стал производить угольные мины. При помощи этих мин он подорвал в Белоруссии 160 паровозов.

Между прочим Спрогис подготовил группу Асмолова—Андреева. Асмолов Алексей Никитич — один из организаторов партизанского движения в Ленинградской области. Он чекист. Быстро понял в чем дело и провел большую работу. Руководил ленинградскими партизанами под непосредственным руководством Ленинградского обкома партии.

Среди чекистов-партизан я бы назвал Героев Советского Союза С.А. Ваупшасова, В.А. Карасева, Д.Н. Медведева, Ф.Ф. Озмителя, Н.А. Проколюка. С таких, как они, начиналось партизанское движение на местах.

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич, будущий начальник Центрального штаба партизанского движения, к началу Великой Отечественной войны не имел ни малейшего понятия о партизанских действиях. Первыми, кто подошел к нему с этими вопросами, были я и Спрогис. Мы после гражданской, а потом в Испании занимались с ним вопросами подготовки партизанской войны, вот и предложили П.К. Пономаренко, в то время он был первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, создать партизанскую школу. Я изготовил образцы самодельных мин, которые могли делать сами партизаны. Пономаренко за это очень ухватился. Он немедленно доложил наркому обороны С.К. Тимошенко. А уже 13 июля нарком назначил меня по совместительству начальником первой фронтальной партизанской школы, которая официально называлась Оперативно-учебным центром Западного фронта. До этого я две должности занимал, был начальником Оперативно-инженерной группы на Западном фронте, а также начальником отдела минирования и заграждения Красной Армии. Теперь стало три.

Нужно было почти с нуля разворачивать партизанскую борьбу. А для этого требовались хорошо обученные подрывники, радисты, разведчики. В это же время сформировалась Орловская школа в августе 1941 г. Ее возглавил Банов Иван Николаевич. Он руководил ею до тех пор, пока не полетел к Григорию Линькову. И там возглавил бригаду, которая совершала рейды по тылам противника, ходила в Польшу. Эту школу буквально на второй день организовали из школы, которая была создана по линии ЦК Белоруссии. В ней не было ни одного специалиста минера, ни одного специалиста по диверсионной работе, ни одного разведчика. В ней учились только стрелять.

Я взял одиннадцать человек пограничников: И.С.Казанцева, Т.Л. Чепака, Ф.П. Ильюшенко, П.А.Романюка, Ф.А. Кузнецова, Г.В. Семенихина и др. Это были очень грамотные, любознательные, достойные самой высокой похвалы люди. Быстро освоили технику, научились делать мины. Работа пошла. Мы снабжали минами дивер-

сантов и перебрасывали их в тыл противника. Переброской занимались обычно два пограничника. Потом они возвращались. Вскоре появились другие школы, в которые стали забирать моих инструкторов.

П.К. Пономаренко потом, конечно, впитал некоторый опыт. Как руководитель он сделал немало. Я ему написал записку. На ее основании он доказывал Сталину, что массовой организацией крушения поездов можно полностью закрыть противнику подвоз людей, вооружения, боеприпасов. Сталин с ним согласился. На 72-й странице в книге П.К. Пономаренко «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941—1944)» это изложено. Правда, там сказано, что это была инициатива самого автора.

Сталин поставил ему задачу сформировать Центральный штаб партизанского движения. До этого еще в августе Сталин предложил генералу И.В. Болдину возглавить управление по руководству партизанским движением. Однако Болдин отказался, заявив, что его дело воевать на фронте.

Пономаренко, получив указание Сталина, проделал большую работу и прежде всего, что очень важно, он создал школу связистов ЦШПД. Это был декабрь. Но вскоре Сталин свое решение отменил. В январе, после того как обозначился разгром немцев под Москвой, он дал установку прекратить формирование ЦШПД и школа связистов повисла в воздухе. Тогда ее взял на себя Пономаренко. И лишь 30 мая 1942 г. был создан Центральный штаб.

В сентябре 1942 г. маршал К.Е. Ворошилов был назначен Главнокомандующим партизанским движением. Согласитесь, звучит довольно двусмысленно — Главнокомандующий движением. В ноябре это пост упраздняется, якобы из-за излишней централизации. В то время как именно этой централизации как раз и не хватало. В марте 1943 г. Центральный штаб расформирован. В апреле этого же года опять создан и теперь уже окончательно ликвидирован в январе 1944 г., когда были все условия для переноса партизанских действий в тыл про-

тивника за пределы Советского Союза. Эту задачу решал Украинский штаб партизанского движения уже без Центра. Получается, что за все время войны Центральный штаб существовал всего полтора года. О каком нормальном руководстве партизанами можно было говорить?! Сталин видел в партизанах лишь народных мстителей. К ним и обращались как к народным мстителям. «Мстители», «беспощадные мстители» — писали о партизанах газеты.

А сколько из-за этого непонимания было принято неверных решений?! В 1941 г. зима была лютая, ранние морозы начались уже в ноябре и вот появилась установка: «Гони немцев на мороз!». Так вот эта установка нанесла нам громадный урон. Появилась она по опыту советско-финляндской войны. В Финляндии наши войска из населенных пунктов были изгнаны. Перначально, когда расположились наши подразделения в домах, в двух из них взорвались мины замедленного действия. И две команды погибли. После этого никто дома не занимал. Дома были пустые, а наши люди мерзли. Мины были не во всех домах. Но установить это было очень трудно. Мы пустующие деревни не занимали. Но мы их и не жгли. А из населенных пунктов нас выселили. Это при том, что плотность населения в тех местах невысока. И вот теперь идет у нас война и эта команда: «Гони немцев на мороз!». Они ведь в домах вместе с местными жителями располагались. Немцы быстро этой ситуацией воспользовались. Дескать, не хотите вместе с детьми оказаться на тридцатиградусном морозе, идите и охраняйте себя сами от поджигателей. Так очень быстро стало расти у немцев число полицаяев. Получилось, что мы сами подтолкнули местных жителей к немцам.

Пономаренко был неплохой организатор, Но будучи совершенно неграмотным в военном отношении, он делал крупные ошибки. Если бы он хоть когда-нибудь читал бы труды Денисова Давыдова, то этого бы не было. Нужно, например, было формировать не штабы партизанского движения по республикам. Они не нужны, а формировать управление по руководству партизанскими

силами. Предлагали и Артур Спрогис, и я, и Хаджи Мамсуров, помощник начальника штаба, начальник оперативного отдела, участник войны в Испании (в последующем генерал, Герой Советского Союза) и другие. Но к нам не прислушались.

Брали людей, как правило, добровольцев, патриотов, обучали их десять-пятнадцать дней, а зачастую и того меньше, и отправляли необученных, невооруженных, без всяких средств связи в тыл противника и они гибли. Как выразился легендарный партизан Герой Советского Союза Наумов Михаил Иванович: гибли, как мотыльки над костром.

Больше того. Было сформировано два партизанских полка на Украине и шесть полков в Ленинграде. При первом столкновении с противником полки погибли. Причем погиб героический народ. Я один из полков на Украине видел. Это орлы! Но эти орлы были разбиты немецким батальоном. Дело вот в чем. В гражданскую войну прежде чем напасть на гарнизон противника, достаточно было обрезать провода и гарнизон оказывался отрезанным от внешнего мира. В Великую Отечественную войну положение изменилось, плевали немцы на эти провода. У них были уже радиостанции. И это следовало учитывать. А партизаны ведь действовали по инструкциям 1918 г.

К примеру, когда было нападение на Угодский Завод (интересная операция — в книге о ней идет речь), то партизаны до нападения прежде всего обрезают провода и тем самым подняли на ноги весь немецкий гарнизон. В результате был утерян фактор внезапности. Партизаны понесли большие потери. У немцев погибло всего два человека. Эта операция у Жукова описывается. Только она совсем не так протекала.

Не случайно в шеститомной истории Великой Отечественной войны она опущена вовсе. Между прочим ее требовали включить в эту историю как выдающуюся. И кто? В частности, Петр Николаевич Поспелов, директор Института марксизма-ленинизма, секретарь ЦК, а позже член ЦК КПСС. Создали комиссию. В этой комиссии

я был как представитель отдела истории Института. Поехали в Угодский Завод. Это было в конце 50-х годов. Проводили опросы. Да, рассказывали нам, здесь были партизаны. На полпути их перехватили. Убили двух полицейских это точно, а вот насчет немцев — ни одного. Совинформбюро писало тогда о потерях немцев, что их было более 500 человек, не говоря уже о технике. В то время во всей западной группе войск у немцев не было потеряно столько офицеров и солдат, сколько указали в этой операции. Операция проходила под флагом разгрома штаба немецкого корпуса. Штаба корпуса там не было. И Пospelов санкционировал: из шеститомной истории войны эту операцию вычеркнуть. В книге «Чекисты на защите столицы» она осталась.

Вопрос в другом. Насколько целесообразны войсковые действия плохо вооруженных партизан против регулярных отлично выученных немецких частей? Ведь суть действий партизан — наносить урон противнику, не вступая с ним в открытое непосредственное соприкосновение.

Насколько целесообразны, например, террористические акции партизан, если немцы проводят после них жесточайшие массовые карательные операции. В Белоруссии одного немца убили, а они целую деревню сожгли... Так вот ничего в этом Угодском Заводе немцы не жгли. Потому что самих потерь не было.

Самое вредное для партизан, как оказалось, это нападение на укрепленные гарнизоны противника. Ведь техника и вооружение уже не те. Средства связи уже не те. И вот гибнут бесцельно все шесть ленинградских партизанских полков. Когда они вступили в бой, к немцам успело прийти пополнение. Пополнения же у партизан никакого, снабжения никакого. Они израсходовали боеприпасы, продукты питания и все. Любые военные действия только тогда дадут результат, когда они оптимально спланированы и всесторонне обеспечены.

Павел Судоплатов писал, и об этом в данной книге идет речь, что ему по линии НКВД поручили заниматься организацией партизанской борьбы. Я встречался с ним

во время войны, обаятельнейший человек. Но Судоплатов не имел военной подготовки. Он был больше террорист, чем диверсант. Хотя сделал для меня большое дело. Например, приютил моих испанцев — бывших испанских партизан в ОМСБОНе. Сложилось критическое положение. У нас три испанца ушло за рубеж. В это время взорвался один из самолетов, который подготовили к погрузке испанцы. Что грозило мне невероятными санкциями. Это летом 1943 г., когда я был в Украинском штабе партизанского движения. Испанцы замечательный народ, хорошие вояки. А тут Хрущев струсил и говорит: надо куда-то их откомандировать.

Я поговорил с Судоплатовым и он согласился их взять. Включил в ОМСБОН. Испанцы потом спасли Судоплатова, очень просили за него. Его бы расстреляли наверняка. Он получил пятнадцать лет и отсидел пятнадцать лет. Его никто не помиловал — ни Хрущев, ни Брежнев. Никто! Потому, что его подписи рядом с подписями Берии стояли на приговорах людям, которые оказались невиновными. Обвинения были надуманными, одним словом сфабрикованными. Но это другая история.

Берия тянул партизан на свое ведомство. С Пономаренко они не дружили. Расходились в оценках роли партизан в войне, их организации и применении. Он тянул и перетянул к себе очень многих. Например, Ваупшасова и Прокопюка. Но это фактически не Берии, а это уже Судоплатова заслуга.

Были примеры, когда в Центральном штабе пострадали партизанские кадры. Но пострадали они не столько из-за Берии, сколько из-за Пономаренко. Нечипурович Василий Иванович, например, пострадал. Командир 208-й дивизии. Его дивизия почти вся попала в плен. Он ушел в подполье, организовал отряд, перешел к партизанским действиям. Очень скоро его отряд уже контролировал большую территорию. Его подставили Берии. А это был герой из героев. Но он критиковал Пономаренко. И в этом все дело.

Если бы в тылу противника все организовывали правильно, было бы военное руководство, можно было бы

наносить немцам более значительный урон. Но порядка не было, сплошное безобразие, безобразие и партизанщина. С тем же Центральным штабом партизанского движения, о чем шла речь выше. Например, был создан пост Главкома.

Если говорить о Главкоме, то он очень много вреда нанес нашей армии. Например, репрессии конца 30-х годов колоссальны. А ведь это Ворошилов дал указание по командной линии, что, дескать, признавайтесь, мол, в своих связях с троцкистами. Ничего никому не будет. Ну и признались, и десятки тысяч были репрессированы. Речь шла о связях с Тухачевским и другими маршалами и командармами, против которых был затеян судебный процесс.

Но Ворошилов был все же полезнее в партизанской борьбе, чем Пономаренко. Он занимался партизанской борьбой в гражданскую и понимал, что к чему. Провел работу по созданию заводского производства нужных партизанам мин. Было изготовлено большое количество мин, которые по качеству были, конечно, лучше, чем самодельные. Ворошилова отстранили от поста Главкома. Пост его был упразднен. Тогда было два конкурента на руководство партизанами — Ворошилов и Пономаренко. Последний победил. В данной книге об этом идет речь.

К.Е. Ворошилов, генерал А.К. Сивков и ваш покорный слуга написали письмо на имя Сталина о том, что надо партизанские силы военизировать. Что под этим подразумевалось? Мы предлагали ввести должности, воинские звания, оклады, категории. Ввести положение, на основании которого снабжать партизан не за счет трофеев, а за счет переброски нужных средств борьбы из нашего тыла. Конечно, были примеры, когда партизанские командиры получали воинские звания, но это чисто символически. Получали как поощрение очередные воинские звания М.И. Наумов, С.А. Ковпак, А.Ф. Федоров, белоруссы получали. Но дело в том, что мало командиру получить очередное воинское звание. Надо эти парти-

занские формирования обеспечивать. На деле же это были пропагандистские акции.

Представьте себе: разрабатывается весенне-летний план действий белорусских партизан на март — июль. К этому плану прилагается ведомость, что получить партизанам. Эту определенную материальную часть они получают. До апреля что-то получают, а в мае — апреле совсем слабо. Говорят, нет самолетов. Если быть эффективным, на складах материальных средств было больше, чем достаточно. Говорят, не на чем возить. Не хватает самолетов.

В это же время на железнодорожный участок Орел — Брянск в мае месяце только одна 15-я воздушная армия сбрасывает 500 тонн бомб. Украинские партизаны за все время войны получили всего 147 тонн взрывчатки. При этом вывели из строя железную дорогу Орша — Шепетовка — Тернополь. Это важная железнодорожная магистраль. Шесть месяцев не ходили поезда. Израсходовали при этом какие-то 7 тонн взрывчатки. Самолетов было много, но эффективность бомбометания низка, а партизанам пришлют на одном самолете взрывчатку и моста нет.

Установка сталинская была — основное снабжение партизан — трофеи. За счет трофеев партизаны обеспечивали себя взрывными устройствами максимально на 10 процентов. По боеприпасам, которые собирали на полях сражений, на 15 процентов. А, например, белорусские партизаны за счет трофеев получили 5—10 процентов, а остальное получали из тыла. Это не только потому, что Пономаренко белоруссов больше любил. К весне 1942 г. был уже создан сурожский коридор шириной километров 60. По нему в партизанский край шли боеприпасы, а оттуда везли мясо, продукты и даже сено вывозили.

Из-за безграмотности, некомпетентности руководства было нанесено немало мощных ударов по самим партизанам — и сталинских ударов, и пономаренковских. Об истории с Центральным штабом партизанского движения речь уже шла. Здесь о другом. Например, на Украине перебросили к декабрю 1941 г. в тыл врага 35

тысяч человек. Как раз к моменту появления лозунга «Гони немцев на мороз!». Прошло чуть больше года и осталось от них 4 — 5 тысяч. После этого лозунга немцы сформировали полицию численностью около 900 тысяч. Это результат сталинского удара по партизанам.

Еще сталинский удар. Мол, основной единицей партизанских соединений должен быть отдельный, самостоятельно действующий партизанский отряд! А опыт показал, что это как раз и есть партизанщина. Например, что получается? Один вербует, а другой этих агентов как пособников врага уничтожает. Так оно и было. У нас организацией партизанской борьбы занимались и ГРУ, и НКВД, и штабы армий, и военные советы, и штабы инженерных войск. Сплошная неразбериха. Об этом в данной книге очень хорошо и подробно рассказано. Не было единого плана. Одни шли минировать, а другие приходили туда еще раньше и своим же срывали минирование. Да только ли это!

А вот один из пономаренковских ударов по самим же партизанам — «рельсовая война». Нужно быть абсолютным дураком, чтобы подрывать рельсы не только на основных магистралях, но и на запасных и второстепенных участках. Но так было. Подрывали и бодро рапортовали. Но в это же время немцы с второстепенных участков сами снимали рельсы на переплавку. Здесь они им не нужны были. Партизанам же для счета легче подрывать там, где они хозяева, а не там, где немцы охраняют. Анекдот.

На участке Орша-Лепель Кабанов Павел Алексеевич, будущий министр путей сообщения, тогда командир партизанской бригады посылает команду снять рельсы. Это был партизанский край. Немцы послали туда же 70 машин за этим же делом. К вечеру приезжают — пустые. Партизаны поработали раньше, чем немцы. А нужно было взрывчатку тратить не на подрыв рельсов, а на крушение поездов. Эффект был бы в десятки и сотни раз выше.

Оккупированная территория у немцев была только вдоль дорог. 20 — 30 км отступи — это уже не оккупи-

рованная территория. Я был в тылу противника несколько раз. Подходил под Олевском к железной дороге на полтора километра. Спокойно из леса рассматривал, как они ходят по железной дороге. Один раз 140 км проехал на машине по так называемой оккупированной территории от Овруча до железной дороги Сарны — Коростень. Это был Овручский коридор, созданный осенью 1943 г.

Несмотря на то, что план «рельсовой войны» был одобрен Сталиным, украинские партизаны в ней не участвовали. В УШПД, где я был заместителем начальника штаба по диверсионной работе, в соединениях была своя диверсионная служба, которая все усилия направила на крушение поездов. Если в 1942 украинские партизаны пустили под откос 202 поезда, то в 1943 свыше 3,5 тысяч. А по плану «рельсовой войны» должны были уничтожить 80 тысяч рельсов. Подорвали же около 8 тысяч. Кстати, украинские партизаны успешно действовали за границей уже после расформирования ЦШПД. Они стали детонаторами Словацкого национально-освободительного восстания, а в сентябре 1944 г. разорвали восточный фронт противника на две части. Отдельные партизанские соединения дошли до самого Рейна.

Разногласия с Пономаренко окончились для меня печально. Я стал для него недругом. В документах он никак не показал мое участие в партизанской войне. И это несмотря на то, что я был организатором Оперативно-учебного центра Западного фронта, его помощником по диверсионной работе, более 6 месяцев был одновременно начальником Высшей оперативной школы особого назначения (ВОШОН), которая готовила диверсантов — асов. Все удивляются, что я еще уцелел в связи с негативной оценкой «рельсовой войны». Меня же спас Н.С. Хрущев, правильно понимавший вред этой акции, которая нанесла значительный урон нашим же наступающим войскам. Ибо, отступая немцы сами разрушали железнодорожную колею.

Должен сказать, что партизан мало награждали. А было пущено под откос 180 тысяч поездов, подорвано около 900 мостов, среди них было немало крупных стра-

тегических, как например, олевский мост. Да разве только по этим показателям нужно оценивать вклад партизан в Великую победу?! Всего среди партизан 234 Героя Советского Союза. А сколько осталось незаслуженно обойденных.

Я бы, например, назвал Гнездилова Федора Даниловича. Из армейских бывших командиров наиболее талантливый. Его забывают. А это легендарная личность! Пример для всех, как нужно воевать в тылу противника. Начинал он на Смоленщине. Раненым оказался в окружении. Выздоровел, организовал маленький отряд. Этот отряд устроил засаду и разгромил карателей. И потом из этого отряда в двадцать с лишним человек вырос партизанский полк, численностью больше 2000 человек. Получил полковника, но Героя ему так и не дали.

А за убийство одного несчастного Кубе в Минске, которого, кстати, зря убили. За него погибли сотни, если не тысячи ни в чем неповинных минчан. За эту операцию получили Героя Советского Союза три человека. Это к вопросу о целесообразности террора.

Мы далеко не использовали в Великую Отечественную войну всю мощь наших партизанских сил. В этом отношении очень показателен 14-й партизанский корпус в Испании. В ноябре 1936 г. это была группа из 12 человек. В октябре 1937 г. это был уже корпус. Он состоял из четырех бригад общей численностью больше 3 тысяч человек. Доминго Унгрия из командира группы превратился в командира корпуса. Впервые в истории здесь произошло примечательное преобразование. На базе партизанского корпуса был создан батальон специального назначения. После ряда успешных операций он был взят на все виды довольствия. Полуторный оклад жалованья установили. Причем Доминго сделали командиром этого батальона. А после, когда разрезали фронт, батальон был превращен в бригаду. Вот естественный, логичный и правильный ход событий.

Об этих линиях развития партизанской войны и многом другом, Вы, дорогой читатель, узнаете из книги, которую держите в руках. Впервые на суд читателя выно-

сится беспристрастная широкоформатная объективная история партизанской войны без прикрас, но и без очернительства. Автор в ряде мест сознательно умалчивает о негативном, сосредоточив внимание на необходимости управления этим сложным и противоречивым процессом. Вооруженная борьба в тылу врага в годы Великой Отечественной войны поистине имела как военное, так и политическое значение. Это был настоящий второй фронт для гилеровцев, к сожалению так и не набравший полной силы.

Завершилась Великая Отечественная. Прошло 55 лет. Извлекли ли мы уроки из своих прошлых ошибок? Нет! Был печальный опыт партизанской войны в Северной Корее и положительный, только уже не наш, а китайский — во Вьетнаме. Но мы все отгораживали армию от партизан. А потом мы узнали, что происходит, если не считаться с партизанскими действиями в ходе войн в Афганистане и в Чечне. Время идет. Пора бы учиться на своих ошибках.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КОНТРПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Для всех видов вооруженных сил

«Верховное командование
вооруженными силами

Штаб фюрера
6 мая 1944 года

Наставление «Боевые действия против партизан» вводится в действие в вермахте с 1 апреля 1944 года. Руководство «Боевые инструкции по борьбе против партизан на Востоке» от 11 ноября 1942 года отменяется.

От имени верховного главнокомандующего
вооруженными силами *Иодль*.

Содержание

Предисловие.

I. Угроза со стороны партизан.

II. Боевые действия против партизан.

А. Управление войсками.

Б. Войсковые части.

В. Ведение разведки против партизан.

Г. Методы боевых действий.

1. Окружение и уничтожение.

2. Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием.

3. Использование против партизан ягдкоманд.

III. Меры охраны от партизан.

А. Общие положения.

Б. Охрана железнодорожных сооружений и обеспечение железнодорожных перевозок.

В. Охрана сухопутных и водных путей.

Г. Охрана населенных пунктов.

- Д. Охрана промышленных объектов, административных учреждений, средств связи.
- Е. Охрана полей и лесов.
- IV. Специальные вопросы.
  - А. Использование военно-воздушных сил в боевых действиях против партизан.
  - Б. Использование бронепоездов в боевых действиях против партизан.
  - В. Специальные правила по организации связи в боевых действиях против партизан.
  - Г. Специальные правила пользования машинами в боевых действиях против партизан.
  - Д. Обращение с населением, с пособниками партизан и с партизанами.
  - Е. Конфискация сельскохозяйственных продуктов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. УГРОЗА СО СТОРОНЫ ПАРТИЗАН

1-16 . . . . .

II. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

А. УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ

17. Боевые действия против партизан — это прежде всего вопрос руководства. Успех этих действий зависит от превосходства нашего руководства.

18. Права и обязанности отдельных начальников в действиях против партизан определены соглашением между верховным командованием вооруженных сил и рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции.

19. Для руководства сравнительно широкими действиями против партизан должен быть назначен ответственный начальник. Его права в отношении частей и соединений, выделяемых вооруженными силами и войсками

рейхсфюрера СС, и, если необходимо, в отношении гражданских властей должны определяться заблаговременно путем согласования между соответствующими заинтересованными начальниками.

20. Борьба против партизан требует тесного взаимодействия между военными властями, представителями рейхсфюрера СС и гражданскими властями. Взаимодействие должно быть налажено еще в стадии планирования. При проведении гражданскими властями таких мероприятий, как сельскохозяйственные работы, строительство дорог, мостов, заготовка леса, переселение и т. д., нужно учитывать все, что на данный момент известно о дислокации и действиях партизанских отрядов. Вместе с тем во время боевых действий против партизан нужно учитывать, насколько это возможно, интересы гражданской администрации.

21. В боях с партизанами разграничительные линии принимать во внимание не следует. Если во время боя действия распространятся на соседний участок, они не должны прерываться. Заблаговременное ознакомление частей соседних участков с планами проведения крупных мероприятий обеспечивает своевременное включение их в боевые действия:

22. В боях с партизанами до сих пор успешно применялась следующая тактика:

а) Окружение партизан и очищение от них окруженной местности. Это — основной метод действий против партизан и в то же время наиболее действенный способ ликвидации угрозы с их стороны. Ведение боевых действий по окружению требует крупных сил, но зато обеспечивает решающий успех.

б) Уничтожение посредством внезапной атаки с последующим преследованием. В тех случаях, когда для осуществления окружения не хватает сил или времени или же характер местности не позволяет предпринять этот вид боя, партизан следует атаковать, разгромить и преследовать до полного уничтожения.

в) Использование против партизан ягдкоманд. С целью предупреждения создания партизанских отрядов, а

также нарушения их коммуникаций лучше всего использовать небольшие, но очень боеспособные отряды, созданные и вооруженные, как ягдкоманды.

г) Меры охраны от партизан. Все войска, транспортные и экономические объекты, а также имеющее военное значение заводы подлежат охране от налетов партизан и, кроме того, сами должны принимать меры по обеспечению своей безопасности.

23. В боевых действиях против партизан инициатива всегда должна принадлежать нам. Даже если командир располагает небольшими силами, он не должен проявлять нерешительность. По возможности, против каждого выступления партизан необходимо предпринимать контрмеры.

Способы боевых действий против партизан в каждом отдельном случае зависят от численности наличных войск и степени активности партизан, а также общей обстановки. Для того чтобы успешно применить именно тот способ боевых действий, который при данной обстановке позволит нанести противнику наибольший ущерб, командир должен проявить храбрость, инициативу, умение меняться к обстановке и использовать уже имеющийся опыт борьбы с партизанами. Промедление и бездеятельность дают партизанам время обосноваться и увеличить свои силы. Против вновь появляющихся отрядов следует предпринимать немедленные меры.

Невозможно ликвидировать угрозу со стороны партизан путем применения только одного какого-то способа действий. Даже те части, во главе которых стоят наиболее способные командиры и которые ведут наиболее успешные действия против партизан, не добьются решающего успеха, если в районе, очищенном от партизан, не будут приняты надежные меры по охранению войск. И, наоборот, даже самые надежные меры по охранению войск не дадут должного эффекта, если войсковые части в ходе непосредственных боевых действий не очистят от партизан достаточно обширные районы. В тактике следует избегать шаблонных действий, поскольку партизаны быстро к ним приспособляются и принимают необходимые

контрмеры, тем более, что они имеют на этот счет специальные указания своих штабов, которые постоянно направляют их действия.

24. Борьба с партизанами требует от командира в период активных боевых действий своевременно определять направление главного удара или основное направление при принятии мер по охранению войск. В бою с партизанами обстановка быстро меняется и ставит командира перед необходимостью принимать новые решения. Поэтому необходимо, чтобы командир всегда имел в своем распоряжении достаточные резервы, с тем чтобы в случае необходимости иметь возможность изменить направление главного удара. В качестве резервов и диверсионных отрядов лучше всего иметь небольшие, но высокоподвижные силы.

25. Обширность районов, в которых приходится вести боевые действия против партизан, лишает командира возможности оказывать постоянное влияние на действия своих частей и подразделений. В этой связи оправдали себя следующие меры:

а) Заблаговременная организация хорошей связи — в основном разветвленная телефонная сеть в сочетании с надежной радиосвязью, — которая облегчает быструю передачу донесений и указаний, особенно на большие расстояния.

б) Использование командиром легкого самолета (геликоптера «Физелер») с целью иметь возможность вмешиваться в руководство боем на решающих участках.

в) Осуществление командиром непосредственного контроля за подразделениями путем передвижения с ними от рубежа к рубежу и постановки перед ними ближайших задач. Если имеющиеся сведения о противнике недостаточны, а район действий довольно обширен, командир должен учитывать возможную потерю времени. Ознакомление же подразделений с общим планом действий обеспечивает им необходимую самостоятельность в рамках поставленных перед ними задач.

26. Достижение внезапности в бою с партизанами является важным тактическим требованием.

Как свидетельствует опыт, у партизан сложилось мнение, что на них редко могут напасть в плохую погоду или в условиях бездорожья. Поэтому они считают, что наши войска избегают проникать в глубь болот и лесных чащ. Каждый командир, который в условиях плохой погоды и труднопроходимой местности предпринимает против партизан какие-то действия, как правило, может рассчитывать застигнуть партизан врасплох.

Особенно следует опасаться того, что партизаны могут заранее узнать о мерах, готовящихся против них. Поэтому обо всех подготовительных мероприятиях должен знать очень узкий круг штабных офицеров. Разговоров по телефону следует избегать. Сохранение тайны обеспечивается применением шифров. Поскольку партизаны придают большое значение перехвату наших телефонных разговоров, стремясь заблаговременно получить сведения о готовящихся против них действиях, необходимо уделять особое внимание маскировке узлов и линий связи, обеспечивать контроль за соблюдением требований секретности с целью не допустить обычную утечку сведений. Желательно, чтобы о предстоящих действиях войска ставились в известность только непосредственно перед их началом. Во время боевых действий войскам всегда следует помнить, что враг должен быть захвачен врасплох. Поэтому к району сосредоточения необходимо подходить только с наступлением темноты, а исходные позиции занимать лишь по прибытии главных сил.

27. . . . .

Б. ВОЙСКОВЫЕ ЧАСТИ

28. Все немецкие войска, в том числе тыловые, технические и охранные части, должны быть всегда готовы вести боевые действия против партизан.

29. Боевые действия против партизан следует рассматривать как «действия в особых условиях». В лице партизан войска имеют дело с врагом, чья тактика во многих отношениях отличается от тактики регулярных войск.

Его хитрости, злобности и жестокости необходимо противопоставить высокую бдительность, решительность и суровость. В борьбе с партизанами эти качества значат больше, чем многое другое. Однако войска очень часто не понимают этого. Они склонны считать борьбу с партизанами слишком легкой. Сталкиваясь иногда с незначительными, недостаточно хорошо вооруженными силами партизан, они действуют беспечно и таким образом подвергают опасности себя и другие части... Беспечность не должна расцениваться как отвага.

30. Войска должны хорошо организовать разведку и наблюдение, особенно поиск месторасположения партизан... С этой целью рекомендуется использовать ищек.

Необходимо вовремя обезвреживать заминированные участки и объекты, памятуя, что мины тщательно маскируются. Для этого разведывательным подразделениям, передовым и прежде всего штурмовым отрядам придавать саперов (см. статью 39). В незнакомой местности принимать все необходимые меры предосторожности. В качестве проводников можно использовать дезертиров, военнопленных или подходящих местных жителей (например, лесников, хорошо знающих дороги).

31. Во время борьбы с партизанами необходимо иметь надежное охранение войск, так как врага можно ожидать отовсюду.

Часть на марше должна организовать круговое охранение. Дистанция между подразделениями на марше должна быть небольшой. Тяжелое оружие следует придавать каждому подразделению, следующему в походной колонне.

Если предстоит двигаться по неразведанной дороге, с целью обнаружения мин можно принимать следующие меры предосторожности:

- а) высылать перед колонной деревянные катки;
- б) гнать впереди колонны скот.

На отдыхе войска должны надежно охраняться. Лучшим средством защиты является круговая оборона. В населенных пунктах войска также должны иметь круго-

вое охранение. При расквартировании части дробить не рекомендуется.

32. Наступление в лесу. Войска должны уметь вести бой и преследование партизан в лесах, зарослях и в болотистой местности. Во время продвижения по лесу, в котором предполагается наличие крупного партизанского отряда, войска должны обеспечить себя от нападения:

- ведением усиленной разведки;
- готовностью открыть мощный огонь;
- применением специального порядка движения.

Наименьшим подразделением, которое может самостоятельно действовать в этих условиях, является рота.

Как правило, войска должны наступать на широком фронте (рота, например, с двумя взводами в первой линии) с целью навязать партизанам бой и использовать максимальное количество людей и вооружения во время боя и последующего преследования. Кроме того, такой порядок наступления является лучшей защитой против засад, часто устраиваемых партизанами.

Другая форма развертывания для наступления—это глубокое построение боевых порядков. В условиях, когда местонахождение отрядов партизан неизвестно, такой порядок гарантирует свободу действий командиру и облегчает продвижение, но он имеет и свои неудобства — уязвимость флангов, возможность натолкнуться на засады. Поскольку войска в данном случае будут двигаться по дорогам и легко преодолимым участкам местности, им трудно будет навязать партизанам бой, и последние смогут ускользнуть.

Поэтому войска, привыкшие к действиям в лесах, обычно предпочитают расчлененные боевые порядки.

Если лес необходимо прочесать только с целью поимки отдельных партизан, подразделения следует развернуть в цепь. При этом желательно, чтобы солдаты видели друг друга.

...Связь поддерживать с соседями с обеих сторон, приказание передавать слева направо. С целью предупреждения внезапного нападения противника до одной восьмой личного состава выделять в резерв. Следовательно,

командир непосредственно имеет в своем распоряжении резервы, а также часть подразделения тяжелого оружия.

33. В бою наши войска должны обладать огневым превосходством. Во главе штурмового отряда должен стоять командир подразделения тяжелого оружия, который обязан подавить как можно больше огневых средств партизан.

Авангард должен иметь тяжелое оружие, особенно такое, которое можно немедленно пустить в ход, чтобы быстро обеспечить огневое превосходство в случае неожиданного столкновения с противником.

34. Борьба против партизан требует подготовки личного состава для действий в ночных условиях... Во время боевых действий даже в плохую погоду на трудно проходимой местности войска должны проводить ночь там, где этого требуют задачи боя. Часто наблюдаемое стремление ночевать в населенных пунктах следует пресекать всеми средствами, поскольку в таких случаях территория без всякой необходимости уступает противнику.

35. Войска должны также уметь вести бой с партизанами, обороняющимися на заранее подготовленных позициях. В этом случае особенно важно посредством внезапной атаки подвижных подразделений с ходу занять позиции противника, даже если эти подразделения не имеют тяжелого оружия.

36. Войска должны научиться бесшумно продвигаться и искусно маскироваться, если они хотят застать партизан врасплох.

37. Вооружение войск должно соответствовать условиям ведения боевых действий против партизан.

Даже на местности, лишенной дорог, солдаты должны сами нести свое оружие. В борьбе с партизанами самое лучшее оружие то, которое можно быстро изготовить к бою. Личное огнестрельное оружие, автоматические карабины, автоматы, винтовки с оптическим прицелом, ручные и станковые пулеметы, легкие и тяжелые противотанковые пушки, легкие пехотные пушки, легкие зенитные орудия, легкие огнеметы — вот испытанное оружие для борьбы с партизанами в лесистой и болотистой местнос-

ти. Тяжелое оружие, например тяжелая артиллерия, тяжелые зенитные орудия, тяжелые противотанковые орудия, в значительной степени уменьшают скорость передвижения подразделений в болотах и зарослях. Тем не менее тяжелое оружие может оказать серьезную поддержку тем подразделениям, которые в период проведения действий по окружению выделяются для блокирования путей отхода противнику или в резерв.

38. Использование в борьбе против партизан разведывательных и других танков, даже устаревших конструкций, имеет весьма большое значение, и не только из-за их огневой мощи, но особенно потому что они оказывают сильное моральное воздействие на партизан. Однако использовать танки в болотистой, лесистой и горной местности часто трудно, а иногда и вовсе невозможно.

39. Саперы необходимы для ремонта разрушенных дорог и мостов, для прокладывания дорог через болота и в зарослях, для разминирования, для подрыва укреплений и укрытий партизан...

40. Конные отряды в борьбе против партизан целесообразно использовать для разведки, особенно в условиях бездорожья. При наличии удобных дорог с успехом можно применять также и моторизованные части.

41. Частям, выделенным для проведения самостоятельных боевых действий, должны быть приданы специализированные и конные подразделения. Это необходимо для того, чтобы они могли самостоятельно от начала до конца вести бой, не рассчитывая в решающий момент на поддержку извне.

Кроме того, эти отдельные подразделения, и обязательно каждый батальон, должны иметь своего переводчика, и, если возможно, им должны быть приданы подразделения СД или полевой полиции, чтобы пленных можно было допрашивать немедленно.

42. Войска должны быть подвижными. Механизированные и моторизованные части способны успешно преследовать быстро отходящие отряды и, если необходимо, заходить им в голову. Кроме того, необходимо использо-

вать обычные крестьянские повозки, сани и вьючных животных, особенно в густых зарослях, болотах и лесах, а также в зимнее время...

43. Для преодоления болот часть личного состава должна иметь специальное снаряжение. Такое снаряжение состоит прежде всего из сплетенных из ветвей лыж или щитков, которые дают возможность прикрепившему их к ногам идти по болоту, а также из болотных саней, используемых для перевозки тяжелого вооружения и боеприпасов. В летнее время требуются сетки от комаров.

Для борьбы с партизанами в горной местности совершенно необходимо альпинистское снаряжение.

44. В случае необходимости войска должны сами изготовить снаряжение, необходимое для борьбы против партизан, используя для этого подручные материалы.

45. В борьбе против партизан войска нуждаются в большом количестве хорошо оснащенных подразделений связи, способных в любых условиях быстро налаживать связь. Конные посыльные, а при наличии хороших дорог и мотоциклисты являются необходимым дополнением к техническим средствам связи.

46. Переброска подкреплении и предметов снабжения в районы действия партизан связана с большими трудностями... Войска, выделяемые для борьбы с партизанами с самого начала должны быть снабжены в достаточном количестве боеприпасами и взрывчаткой. Продовольствие, если необходимо, следует реквизировать у населения. Особенно важно, чтобы мелкие самостоятельные отряды и ягдкоманды были обеспечены провиантом, необходимым медицинским персоналом и транспортом, чтобы в течение нескольких дней они самостоятельно могли вести боевые действия...

47. Санитарная служба...

48. Вооруженные отряды из местного населения могут лучше всего проявить себя в борьбе против партизан только действуя совместно с нашими войсками или в тесном с ними взаимодействии. Очень важно уберечь их от воздействия вражеской пропаганды. Это достигается с

помощью соответствующей просветительной работы и путем максимально частого использования их в боях. Последнее необходимо для того, чтобы у них не оставалось времени для общения с местным населением, подверженным вражеской пропаганде.

В. ВЕДЕНИЕ РАЗВЕДКИ ПРОТИВ ПАРТИЗАН

49. Разведывательные действия против партизан включают:

- а) сбор сведений о действиях партизан;
- б) разведку перед началом боевых действий;
- в) разведку в ходе боевых действий.

Сбор сведений

50. Цель сбора сведений — получить общее представление об обстановке в районе борьбы против партизан путем анализа многочисленных данных.

51. Сбор сведений обеспечивается:

- а) передачей командованию всех данных наблюдения за действиями партизан;
- б) организованным наблюдением за партизанами...

52. Пункты сбора сведений о действиях партизан должны создаваться теми начальниками на местах, которые отвечают за организацию борьбы против партизан, или, если необходимо, подчиненными им частями. Пункты сбора сведений должны иметь надежную связь с соответствующими начальниками. Если партизаны нарушают, как это часто случается, проволочную связь, следует пользоваться радиосвязью.

53. Донесения о партизанах должны направляться непосредственно в пункты сбора сведений. Круг вопросов, подлежащих освещению в указанных донесениях, и предъявляемые к ним требования, изложены в статьях 64—68...

54. Важные сведения должны передаваться немедленно...

55. Поступившие сведения о действиях партизан должны анализироваться начальниками, ответственными за борьбу против них в данной местности.

Оценка и анализ сведений о партизанах требуют опыта и знания местных условий. Большую ценность представляют сведения о реквизициях, проведенных партизанами. По количеству реквизированного ими продовольствия и численности их групп снабжения можно установить примерную численность самих отрядов. К сведениям поступаемым от отрядов из местного населения, следует подходить очень осторожно. Их сведения о численности противника и о его потерях обычно бывают сильно преувеличенными, а о времени его действий — часто неверными. Очень часто такие донесения составляются под воздействием самих партизан...

56. Сразу же за оценкой обстановки должно следовать решение. Если из оценки обстановки следует, что немедленные действия необходимы и возможны, должен быть отдан приказ начинать наступление, о чем тут же посылается донесение старшему начальнику (см. статью 53) вместе с донесением о принятых мерах.

Если из оценки обстановки следует, что против партизан следует предпринять определенные действия, но сил для этого не хватает, старшему начальнику следует немедленно послать донесение, в котором рекомендовать необходимые действия, указав на недостаток собственных сил.

57. (О ежедневных донесениях о партизанах.)

58. (Об обмене сведениями между соседними штабами.)

59. В штабах, ответственных за организацию борьбы против партизан, необходимо наносить на специальные карты обстановку как в своем, так и в соседних районах действий партизан.

Разведка перед началом боевых действий

60. До начала боевых действий против партизан ответственный начальник должен обеспечить своевремен-

ное получение таких сведений о противнике, которые необходимы ему для развертывания его сил. Ответственность за это лежит на командире, руководящем проведением данных боевых действий.

В дополнение к сведениям, полученным из текущих донесений, разведка должна установить местонахождение лагерей партизан, состояние дорог, данные о численности и вооружении противника. Имеется три способа получения таких сведений:

а) использование агентов; этот способ может применяться во всех случаях особенно тогда, когда сведения нужно собрать совершенно незаметно;

б) использование для разведки ягдкоманд; этот способ может применяться в тех случаях, когда разведка производится в районе, в значительной степени контролируемом партизанами, или против крупных отрядов которые, вероятно, не уступят занимаемой ими территории без боя;

в) использование разведывательных самолетов, особенно геликоптеров «Физелер»; этот способ может применяться только в том случае, если над контролируемыми партизанами районами часто совершаются полеты и появление разведывательного самолета не может явиться для партизан предупреждением о подготовке против них каких-то мер. Применение этого способа разведки против крупных отрядов, видимо, требует меньших предосторожностей, так как в отличие от мелких отрядов, которые обычно уклоняются от боя, они готовы отразить нависающую над ними угрозу.

Против отступающих партизан воздушная разведка должна применяться без всяких колебаний.

61. (Об агентах.)

62. (О наблюдении за населением.)

63. (О наблюдении за воздушными перевозками для партизан.)

64. Донесения о партизанах должны быть точны и лишены преувеличений.

65. Донесения о партизанах должны быть краткими и ясными... В первом донесении особенно важно осветить следующие вопросы:

- время обнаружения партизанского отряда;
- место обнаружения отряда;
- численность отряда;
- его действия;
- его организацию.

Все последующие детали должны быть сообщены позднее в приложении. В нем необходимо указать следующее:

- фамилии командира и комиссара отряда;
- название отряда;
- кому отряд непосредственно подчинен;
- местонахождение запасного и резервного лагерей;
- откуда прибыл отряд;
- куда он направляется;
- его вооружение;
- его средства передвижения;
- ущерб, нанесенный отрядом;
- остальные сведения об отряде.

66. (О терминологии в донесениях.)

67. (О местных наименованиях в донесениях.)

68. (Об условных названиях отрядов в донесениях.)

Разведка в ходе боевых действий

69. В ходе боевых действий против партизан необходимо проводить активную разведку на всех этапах боя и на всех участках, включая тыл и фланги. Ответственность за это лежит на начальнике, который руководит этими действиями, и на всех подчиненных ему командирах.

Перед разведкой стоят следующие задачи:

- а) обнаружить все скрытые силы противника;
- б) своевременно обнаружить любые попытки партизан незаметно выйти из боя или прорваться через наши боевые порядки:

в) предотвратить возможность внезапной атаки или нападения из засады;

г) разведать позиции противника и наилучшие к ним подходы.

Разведка во время боя должна проводиться в соответствии с обычными правилами. Разведывательные подразделения, действующие против партизан, должны быть достаточно сильными. Для выполнения этой задачи лучше всего использовать хорошо подготовленные ягдкоманды.

70. Допрос пленных является одним из лучших способов получения сведений. Поэтому захваченных партизан расстреливать сразу не следует.

71. Последующий тщательный допрос пленных, представляющих наибольший интерес, дает сведения об организации партизанских отрядов и средствах их связи.

Г. МЕТОДЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. Окружение и уничтожение

72. Метод уничтожения партизан путем окружения нужно стараться применять во всех случаях, даже против мелких отрядов. Если имеются необходимые для окружения силы и средства, применение такого метода всегда будет успешным.

73. Этот метод заключается в том, чтобы отрезать отряду пути отступления и затем последовательно уничтожить его по частям.

74. При определении сил и средств, необходимых для окружения, следует учитывать следующее:

а) неплотное кольцо окружения недостаточно, необходимо создать надежное сдерживающее кольцо (вперед — разведподразделения, затем — главные силы с тяжелым оружием, в тылу — подвижные резервы);

б) окружать следует только тот район, где действительно находится противник; соседние же районы, где

только предполагается наличие партизан, оставлять в стороне.

Если имеющихся сил и средств недостаточно для окружения всего района, занятого партизанами, действия могут быть ограничены окружением части данного района, прежде всего его наиболее важного участка.

75. Совершенно необходимо, чтобы подготовка к окружению и его осуществление проводились чрезвычайно

Выход на рубежи с целью окружения

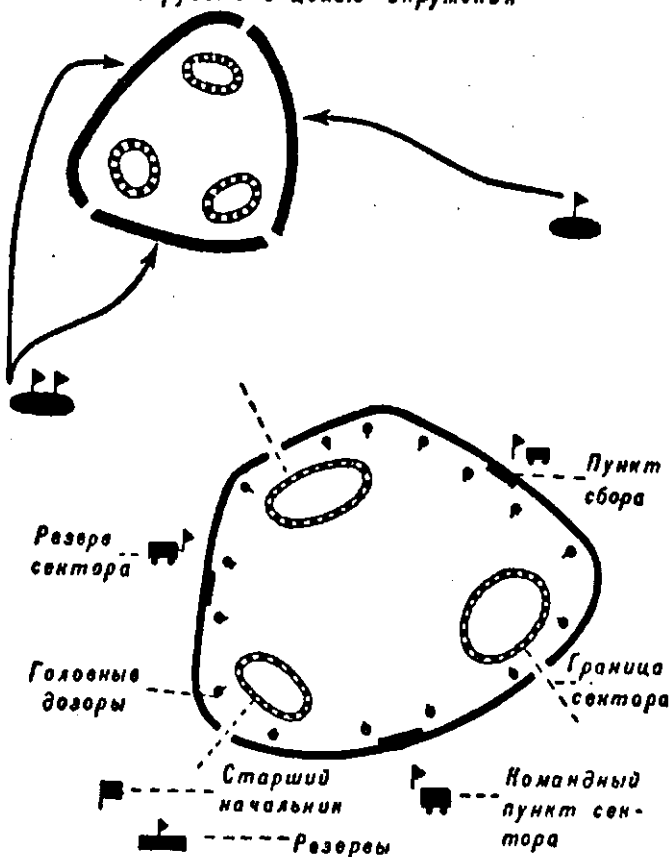

Схема 1. Окружение.

тщательно, в соответствии с требованиями (см. схему I). С этой целью окружающие войска сосредоточиваются на значительном удалении от основного района действий партизанских отрядов. Пункты сосредоточения для окружения не всегда должны располагаться кольцом вокруг района действий партизан. С целью ввести в заблуждение их разведку подход войск к пунктам сосредоточения рекомендуется совершать таким образом, чтобы лишить противника возможности раскрыть наши планы и побудить его сделать ошибочные выводы относительно наших намерений. Чем мобильнее окружающие войска, тем легче ввести противника в заблуждение.

Из пунктов сосредоточения окружающие войска выступают с таким расчетом, чтобы достичь рубежа окружения одновременно. Большое значение имеет предварительная разведка подступов. Сторожевое охранение партизан и небольшие отряды при движении к рубежам окружения трогать не следует. Попытки противника оказать в это время сопротивление необходимо быстро подавлять. Задача состоит в том, чтобы быстро и надежно окружить главные силы. Рубежи окружения намечаются с учетом особенностей местности. Следует выбирать такие рубежи, на которых легче организовать оборону. Поэтому в лесу наиболее подходящими являются тропы и дороги, идущие по диагонали относительно направления движения. В горах рубежи окружения должны проходить вдоль хребтов.

76. Решающим периодом первого этапа окружения является время от выхода на рубежи окружения до завершения оборонительных мероприятий. Партизанские отряды, имеющие боевой опыт, будут пытаться силами разведывательных подразделений прощупывать боевые порядки наших частей, образующих кольцо окружения, чтобы прорваться в слабом месте. Поэтому в период, когда образуется кольцо окружения, тяжелое оружие должно быть использовано подразделениями первого эшелона.

77. После того как создание кольца окружения будет завершено, блокирующие войска должны осуществить

необходимые оборонительные мероприятия на случай попыток противника прорваться через наши позиции. Дефиле, тропы, ущелья, болота, ручьи и реки являются наиболее уязвимыми местами и должны соответственно обеспечиваться.

На открытой местности достаточно будет создать позиции для подразделений второго эшелона. Однако они не должны располагаться друг от друга дальше, чем это необходимо для оказания взаимной поддержки огнем. Эти позиции должны располагаться и оборудоваться так, чтобы обеспечивать возможность круговой обороты. Связь между подразделениями, занимающими эти позиции, должна поддерживаться при помощи дозорных и разведывательных подразделений. Эти подразделения должны, кроме того, препятствовать просачиванию отдельных партизан.

Оборона обеспечивается в основном огнем станковых пулеметов. Гранатометы и легкие пехотные пушки ведут огонь по закрытым позициям противника. Противотанковые пушки простреливают тропы и дороги, ведущие к рубежам окружения. План огня должен быть тщательно разработан. Боевое охранение следует выдвинуть вперед. Разведподразделения должны находиться впереди боевого охранения и в тылу кольца окружения. Подвижные подразделения в тылу наших позиций образуют тыл кольца окружения. Все блокирующие войска должны поддерживать между собой связь и быть в состоянии полной боевой готовности.

Попытки противника прорваться следует пресекать сосредоточенным огнем. Если же части партизан удастся прорваться, окружающие войска остаются на своих позициях и немедленно ликвидируют образовавшуюся брешь. Преследование прорвавшегося противника возлагается на резервы. Кавалерийские, моторизованные и танковые подразделения во время создания кольца окружения используются на участках вблизи дорог или находятся в резерве.

78. Вот некоторые способы уничтожения окруженных партизанских отрядов:

а) Сужение кольца окружения путем одновременного продвижения к центру всех блокирующих частей (см. схему 2); хотя этот метод кажется простейшим, он тем не менее может быть применен только в небольших районах; в обширных районах его применение вряд ли возможно, поскольку из-за большой величины кольца окружения все блокирующие войска не могут продвигаться с одинаковой быстротой. В силу этого между ними нарушается связь и появляются бреши, сквозь которые противник может легко выйти из окружения.

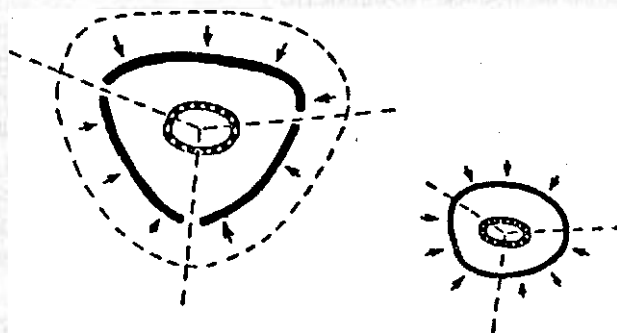
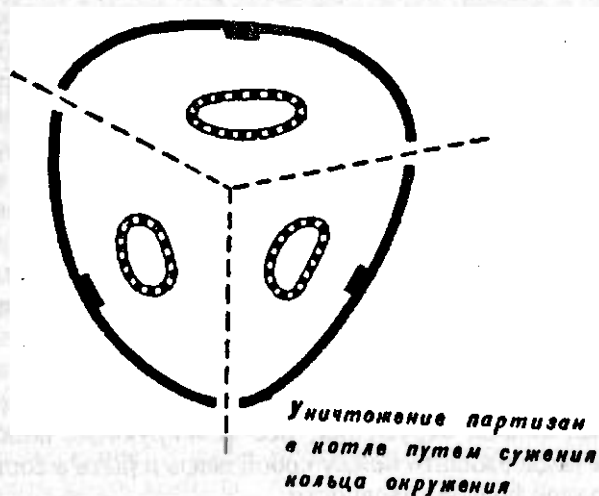

Схема 2. Сужение кольца окружения.

б) Метод «охоты на куропаток» (см. схему 3); этот метод состоит в том, что подразделения одного участка кольца окружения продвигаются вперед, в то время как войска, действующие на противоположном участке, ос-

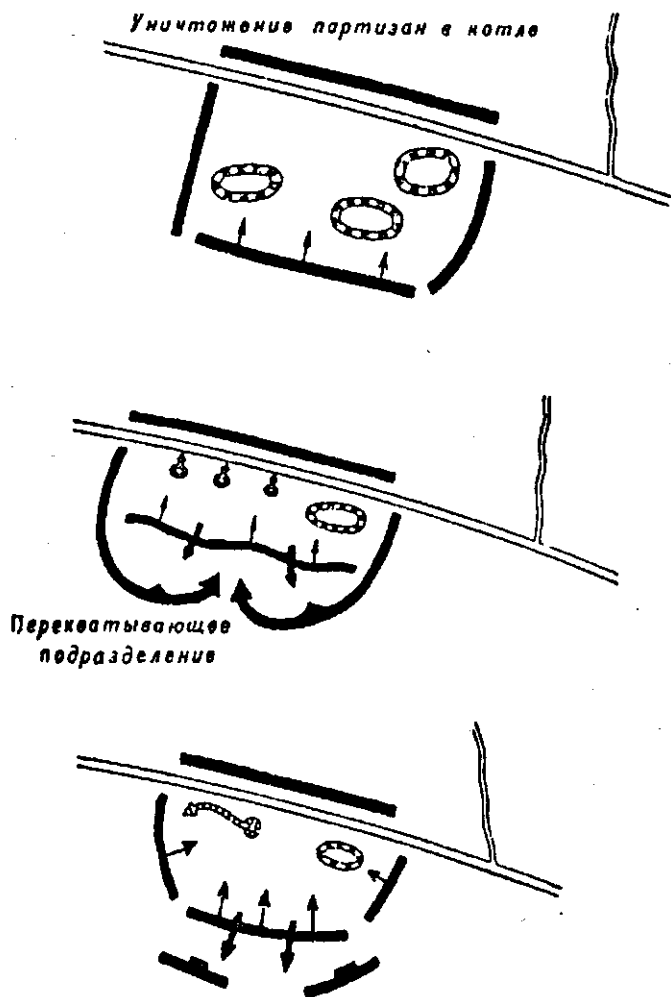

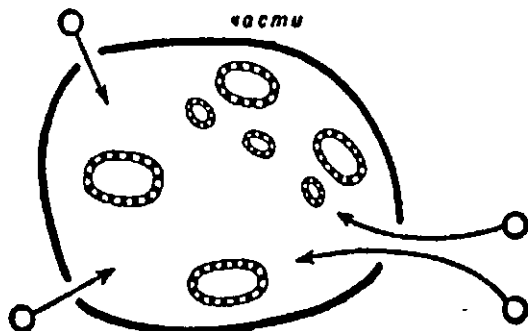
Схема 3. Метод «охоты на куропаток».

таются па своих позициях. Атакующие силы оттесняют партизан, как куропаток, к оборонительным позициям наших войск. Следует иметь в виду, что партизаны могут предпринять попытку прорваться через боевые порядки атакующих подразделений, поэтому в тылу последних на достаточном удалении должны находиться резервы. Такой метод рекомендуется в том случае, если известны направления возможного прорыва и пути, которыми может воспользоваться противник при попытке выйти из окружения, а также если часть блокирующих войск занимает удобные для обороны позиции (у реки, на плато, у лесной полосы), что делает попытки прорыва на таком участке безнадежными. Тогда оттеснение партизан к этим позициям легко ведет к их уничтожению.

в) Вбивание мощных клиньев (см. схему 4); немедленно после того, как блокирующие войска заняли назначенные им рубежи, силами подразделений смешанного состава вбиваются мощные клинья по направлению к центру кольца окружения или к уже известному месторасположению лагерей партизанских отрядов. Окружающие войска в это время остаются на своих позициях. Такой метод с самого начала лишает партизан свободы действий. Они лишаются также возможности выявить силами своей разведки слабые места в кольце окружения с целью прорыва; партизаны, энергично атакуемые в их главном лагере, оказываются перед необходимостью разбиться на несколько групп. Когда это достигнуто, войска окружения начинают наступать, охватывают противника с флангов, входят в соприкосновение с отрядами, прорвавшимися внутрь кольца окружения, и дробят окруженного противника па мелкие группы, которые затем легко ликвидируются. Для уничтожения партизан в больших котлах часто требуется несколько дней; в таких случаях войскам необходимо ставить задачи на каждый день боя. Выбор рубежей для окружения и ликвидации расчлененных групп противника, а также выделение необходимых для этого сил осуществляются в соответствии с общими правилами.

Уничтожение партизан в котле
путем дробления его на меньшие
части

Уничтожение парти-
зан в отдельных
частях котла

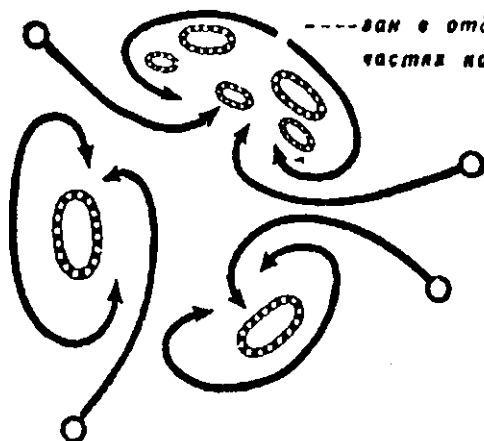

Схема 4. Дробление окруженного противника на мелкие группы.

г) Использование ударной группы (см. схему 5); если партизанский отряд построил постоянный лагерь и разведывательные данные говорят о том, что он будет его оборонять, то этот район должен быть окружен, а из

резервов должна быть сформирована сильная ударная группа, эта группа продвигается от кольца окружения, атакует лагерь и уничтожает партизанский отряд.

Задача окружающих сил — не допустить отход противника, а в дальнейшем прочесать район с целью обнаружения укрывшихся партизан.

*Уничтожение партизан в котле
силами ударной группы*

Схема 5. Использование ударной группы.

79. Сведения, полученные от лиц, дезертировавших из партизанских отрядов, ненадежны.

*2. Уничтожение посредством внезапной атаки
с последующим преследованием*

80. В тех случаях, когда для окружения партизан сил или времени недостаточно, лучше внезапно атаковать партизанский отряд, навязать ему бой, уничтожить в ходе атаки как можно больше его живой силы, затем начать преследование и уничтожение раздробленных групп противника.

Следует мириться с тем, что отдельные изолированные группы могут скрыться. Этот метод особенно ус-

пешно применяется против тех партизанских отрядов, которые еще не завершили сооружение своего лагеря или находятся на марше...

81. Главное в этом тактическом приеме состоит в том, чтобы, используя свое превосходство в силах и средствах, нанести партизанскому отряду решающее поражение и преследовать его до полного уничтожения.

82. Учитывая быстроту развития этого вида боя, перед ним совершенно необходимо проводить разведку. Местонахождение и численность партизанского отряда должны быть установлены заблаговременно.

83. Атака должна быть внезапной. Войска сосредотачиваются на большом удалении от района предстоящего боя, а затем совершают бросок по заранее разведанным дорогам.

84. Последующее развитие боя зависит от характера противодействия партизан.

Если отряд принимает бой, наступление должно продолжаться согласно плану... Если же он пытается уклониться от боя, часть сил осуществляет медленное фронтальное преследование партизан, а остальные силы быстро обходят противника с флангов и окружают его.

Если отряд распадается на отдельные группы, войска организуют погоню за ними...

Если отряд рассеивается, действия следует прекратить и провести новую разведку... После этого нужно выработать новый план действий.

85. Погоня — наиболее сложный вид преследования. Ее цель — настигнуть, изолировать и уничтожить партизанский отряд...

Погоня возможна только в том случае, если войска могут передвигаться быстро. Поэтому для перевозки боеприпасов и другого возимого имущества преследующих подразделений рекомендуется использовать другие подразделения.

Погоня предпринимается прежде всего за командованием партизанского отряда.

3. Использование против партизан ягдкоманд

86. Структура ягдкоманд дает им возможность активно бороться против партизан, даже самыми небольшими силами. Ягдкоманды наиболее подходят также для проведения разведки боем. Их необходимо создавать как ударные отряды при всех частях и штабах, занятых борьбой с партизанами, и использовать при каждой благоприятной возможности. Необходимо, чтобы одно из подразделений постоянно выполняло роль ягдкоманды.

Ягдкоманды должны постоянно беспокоить партизан, нарушать их снабжение и препятствовать организации новых отрядов. Они обеспечивают охранение наших войск, которые в силу возложенных на них задач (охрана и т. д.) должны оставаться на месте.

87. Главное в тактике ягдкоманд заключается в том, чтобы, подражая партизанам и приспосабливаясь к местным условиям, скрытно подойти как можно ближе к противнику, внезапно его атаковать и уничтожить.

88. Наиболее благоприятными для действий ягдкоманд являются районы:

- через которые партизаны совершают переходы;
- где они добывают продовольствие;
- через которые они проходят, направляясь на диверсии.

Районы, в которых партизаны имеют хорошо укрепленные лагеря, для действий ягдкоманд неблагоприятны.

89. Численность ягдкоманды не должна быть меньше взвода или больше роты.

Чтобы выполнять стоящие перед ними задачи, ягдкоманды должны быть соответствующим образом оснащены. Им следует иметь маскировочные халаты, теплую одежду, крестьянские повозки и сани, вьючных животных, лыжи, полевую кухню, миноискатели, различные инструменты, телефонное оборудование для подслушивания и передачи донесений командованию, рации. Ягдкоманды необходимо вооружать большим количеством автоматов, автоматических карабинов, ручных пулеметов, легких гранатометов, ручных гранат. Ягдкоманды

должны быть в состоянии в течение длительного времени вести боевые действия без пополнения своих запасов продовольствия и боеприпасов.

90. В ягдкоманды следует отбирать бесстрашных и хорошо подготовленных солдат. Каждой ягдкоманде дается несколько саперов, кавалеристов, связистов и переводчиков. В ягдкомандах целесообразно использовать местных жителей, но, разумеется, только хорошо проверенных и надежных.

Все солдаты ягдкоманд (даже те, кто непосредственно не участвует в боевых действиях) должны постоянно заниматься боевой подготовкой, чтобы всегда быть в состоянии боевой готовности.

91. Командир ягдкоманды должен быть изобретательным, находчивым офицером. Непременным условием успешного применения ловких тактических приемов является хорошее знание тактики партизан и местных условий. Поэтому ягдкоманды следует всегда использовать в знакомом им районе. Например, очень важно следующее: если ягдкоманда в течение продолжительного времени действует в одном районе, то вполне можно предположить, что все ее приготовления и передвижения находятся под тщательным наблюдением разведки партизан. Поэтому самое главное заключается в том, чтобы скрыть от партизан развертывание сил перед началом каждой новой экспедиции. Ягдкоманда должна ввести в заблуждение разведку противника, предприняв движение в район, находящийся в противоположном направлении от места намеченных действий, куда она должна будет прибыть лишь спустя некоторое время, использовав обходные пути. Все передвижения, так же как и остановки на отдых, следует тщательно маскировать. Если ягдкоманда обнаружена, она оставляет свой район.

Хороший «охотничий» инстинкт у каждого солдата ягдкоманды, и особенно у ее командира, — следующее важное условие успеха. Если ягдкоманда хочет иметь сведения о партизанах, то здесь она должна рассчитывать только на себя, особенно когда она действует вдали от других частей.

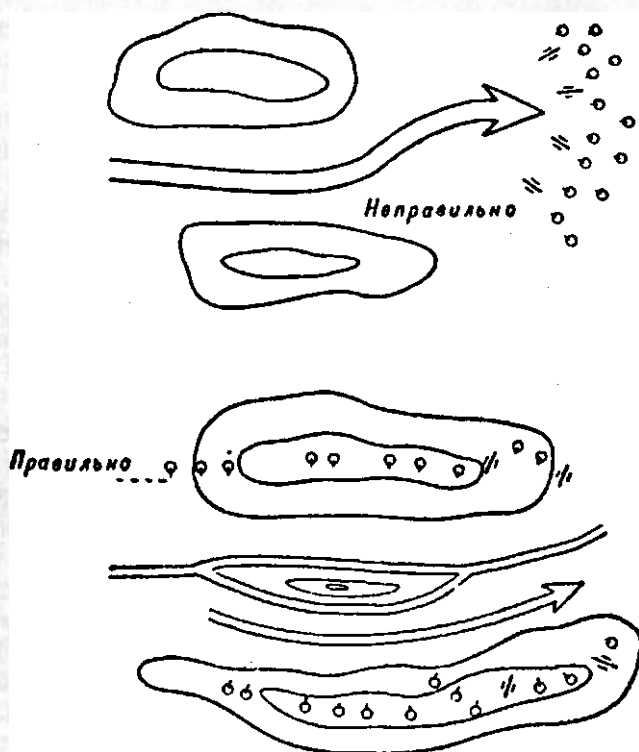

Схема 6

92. Ягдкоманда действует следующим образом: переходы она совершает большей частью ночью, а в дневное время находится в скрытом месте. И на марше и на привалах ягдкоманда должна обеспечивать непосредственное охранение. Разведка начинается по достижении места боя. О действиях и передвижениях партизан ягдкоманда судит по оставляемым ими следам. Чтобы избежать предательства, не следует вступать в контакт с населением. В ягдкомандах всегда себя оправдывало использование постоянных подразделений войсковой разведки. Разведподразделения ведут наблюдение за путя-

ми подхода и передвижениями партизан из мест, удобных для нападения на противника (см. схему б). Успех дела решают хорошая маскировка, тесное взаимодействие и главное — терпение.

После уничтожения противника его документы и карты должны быть сохранены, а оружие и боеприпасы приведены в негодность. Сбор трофеев проводится под прикрытием огневых групп. Соблюдение этого правила особенно важно, так как партизаны часто отступают в одном месте лишь для того, чтобы попытаться атаковать в другом. Ягдкоманды уклоняются от боя со значительно превосходящими их силами противника.

93. Для того чтобы обеспечить внезапность своих действий, ягдкоманды не посылают командованию текущих донесений, за исключением особо важных сведений, вызывающих необходимость немедленного использования более крупных сил.

III. МЕРЫ ОХРАНЕНИЯ ОТ ПАРТИЗАН

94. Активные боевые действия против партизан должны дополняться столь же энергичными мерами охранения войск и объектов. Кроме войсковых частей, необходимо охранять следующие объекты:

- а) железные дороги;
- б) шоссейные дороги и водные пути;
- в) населенные пункты;
- г) промышленные, административные объекты и средства связи;
- д) поля и лесные угодья.

95. Принцип охранения от партизан заключается в следующем: охране подлежит все, что представляет важность для ведения войны.

(Печатается по книге Ч. Диксон, О. Гейльбрунн «Коммунистические партизанские действия», М.: Иностранная литература, 1957, с. 263—290).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение в проблему (Вместо предисловия) .....</i>	3
ЧАСТЬ 1	
ДИАЛЕКТИКА ПАРТИЗАНСТВА.....	12
Глава 1. От Дениса Давыдова до Михаила Дробова	12
Глава 2. Не месть, а военные действия в тылу врага	34
Глава 3. Работу «Д» приказали свернуть	52
ЧАСТЬ 2	
РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ	69
Глава 4. Ключевая роль органов НКВД-НКГБ	69
Глава 5. Основа партизанских сил: «истребители»	92
Глава 6. Партизанский резерв: «окруженцы»	99
ЧАСТЬ 3	
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ВОЙСК СПЕЦНАЗНАЧЕНИЯ	110
Глава 7. Истребительно-диверсионные отряды погранвойск	111
Глава 8. Московский истребительный полк НКВД	131
Глава 9. Спецгруппы разведуправления Генштаба	136
Глава 10. Спецгруппы ОМСБОН	140

ЧАСТЬ 4	
СПЕЦИФИКА ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ	157
Глава 11. Цели и приоритеты партизанских действий	157
Глава 12. Проблемы организации и руководства	167
Глава 13. Проблемы подготовки и снабжения ...	191
Глава 14. Общевойсковая тактика — смерть для партизан	202
Глава 15. Результативность партизанской борьбы	219
<i>Уроки партизанской войны (вместо заключения) .....</i>	<i>244</i>
ПРИЛОЖЕНИЯ	256
И.Г. Старинов	
Второй фронт	256
Контрпартизанские действия	
(Наставление вермахта «Боевые действия против партизан» от 1 апреля 1944 г.)	283